

Религия древних египтян

Альфред Видеман

ПРЕДИСЛОВИЕ

Египет занимает выдающееся место среди всех государств древности как страна, в которой над всеми гражданскими и общественными интересами господствовала религия. Выдающееся положение, которое занимают боги в известных текстах, без сомнения, является следствием того факта, что храмы и гробницы представляют собой главное наследие прошлого этой страны, и именно из этих источников до нас дошло большинство документов, о которых идет речь. Тем не менее, даже когда обнаруживаются предметы, предназначенные исключительно для мирского использования, обычно оказывается, что они так или иначе связаны с поклонением высшим силам. И утверждение Геродота относительно исключительной набожности египтян полностью подтверждают результаты современных исследований. В языческие времена такая необыкновенная религиозность народа этой страны, считавшаяся достойной особенно глубокого уважения из-за его древности, подвигла греческих и римских авторов посвящать больше внимания религии египтян, нежели религии какого-либо другого народа. Поэтому мы находим много ценной информации на эту тему в работах классиков, хотя мы не можем использовать ее в научных целях, как она того заслуживает. Когда Отцы Церкви и апологеты христианства начали писать о догмах египетской религии, они отобрали из них все самое глупое и отталкивающее в соответствии со своей целью выделить нелепости, в которые язычество неизбежно вовлекало даже самые развитые народы. При этом классики продемонстрировали так же мало умения критически отделять одно от другого, как и в большинстве других областей научного изучения: они отождествили своих собственных греческих и римских божеств с божествами, которых они обнаружили в долине Нила, легко перенесли греческие догмы на вероучение египтян и приписали им религиозные верования, которые на самом деле были их собственным изобретением, хотя главные божества, фигурирующие в них, носили египетские имена. Таким образом, интересная работа Плутарха, посвященная Исиде и Осирису, в действительности является изложением собственных взглядов автора на вселенную, несмотря на большую часть подлинного материала египетского происхождения, содержащегося в ней. И хотя мы находим имена египетских богов в работах последователей Платона и гностиков, все в них интерпретируется в соответствии с новой философией, и древнеегипетская классификация полностью изменена. Но, несмотря на эти недостатки, сведения о религии египтян, содержащиеся в работах греческих и латинских авторов, и ценны, и всесторонни, и им мы обязаны сохранением многих вероучений, о которых молчат памятники, но которые тем не менее, без сомнения, имеют древнеегипетское происхождение.

Благодаря настоящей и более полной расшифровке иероглифические материалы стали доступны людям, изучающим религию египтян, и, потрясенный их богатством, Шампольон сразу же начал публиковать свою книгу *Pantheon Egyptien* (Париж, 1823 – 1831), которая, как и многие другие работы этого великого ученого, остановилась из-за его ранней смерти. Уилкинсон впоследствии уделил значительное внимание этой же теме, и в последнем томе его книги «Обычаи и традиции» (Лондон, 1841) мы видим иллюстрированный каталог египетских богов, который и по сей день представляет собой ценность в качестве справочной информации, хотя *Dizionario di Mitologia egizia* (Турин, 1881 – 1886) Ланцоне в отношении как количества изображенных богов, так и детального изложения текстов, в которых они упоминаются, отодвинул в тень все подобные работы его предшественников.

Что касается монотеистического или, скорее, генотеистического (как это подчеркивали Э. де Руже, Пьер и Ле Паж Рену) верования египтян, Тьель и не так давно Э. Мейер попытались проследить эволюцию их религии, а Бругш попытался доказать, что религия египтян представляла собой логически последовательную систему, отчасти соответствующую той, которую представлял себе Плутарх. Но гораздо более весомыми, чем какие-либо из этих работ, являются очерки, которые Масперо посвятил этой теме и которые в настоящее время почти все собраны в его книге *Etudes de Mythologie et de Religion* (Париж, 1893). Один из этих очерков содержит критику научной работы Бругша по мифологии и решительно осуждает точку зрения этого известного ученого. Множество работ более или менее популярного характера, написанные авторами, которые берут свою информацию из вторых рук, не стоят упоминания. Если для человека, знающего язык, существует неизбежный риск интерпретировать по-своему религиозные тексты, с которыми он имеет дело, то эта опасность неизмеримо возрастает для тех, кто не может изучать тексты в оригинале и кто, таким образом, должен полагаться на авторитет их переводчиков. Они слишком легко находят высказывания в поддержку своих теорий, когда их просто вводит в заблуждение какое-нибудь неточное изложение текста переводчиком. В отношении Египта особенно верно то, что никакая оригинальная работа по изучению религии невозможна без знания языка. Кроме того, многие из самых важных религиозных текстов до сих пор не переведены, или их можно найти лишь в устаревших и недостоверных версиях.

Настоящая работа полностью основана на оригинальных текстах, самые важные отрывки из которых переданы наиболее точно, чтобы читатель мог убедиться в правильности выводов, сделанных из них. Эта книга не претендует на полноту в смысле описания каждого отдельного демона из тысяч демонов, фигурирующих в египетской мифологии, и каждого местного мифа, на который может быть найдена какая-нибудь случайная ссылка. Это привело бы к простому сбору имен без учета их скрытого смысла, титулов без различного значения, отрывочных мифов, которые при современном состоянии египтологии невозможно четко изложить.

Автор также не желает обсуждать современные гипотезы относительно внутреннего значения и происхождения египетской религии и не предлагает какие-либо собственные взгляды на эту тему; он убежден в том, что, как бы ни было легко делать утверждения на этот счет, на самом деле мало что здесь можно доказать. Его цель скромна: избегая любой попытки интерпретировать или систематизировать, он приложил усилия к тому, чтобы представить читателю главных богов, мифы, религиозные воззрения и учения в том виде, в котором их можно найти в текстах, особенно останавливаясь на тех из них, которые имеют большое значение для истории религии.

Глава 1 ВВЕДЕНИЕ

Часто предпринималась попытка точно выразить какую-либо характерную национальную черту соответствующим эпитетом. Римлян называли храбрыми, израильтян – религиозными, ассирийцев – жестокими. Точно так же египтян можно было бы назвать консервативными в первом и самом строгом смысле этого слова. И хотя такие названия лишь условно применимы к другим народам, здесь мы имеем национальную черту, которую жители долины Нила демонстрируют неизменно. Египтяне никогда не могли заставить себя признать какую-то языковую форму, систему письменности, правительство, обычаи и традиции как устаревшие и неизменно сохраняли связь с каждой ступенью своего развития на протяжении всей национальной истории, которая длилась несколько тысячелетий. Очевидно, нельзя отрицать то, что прогресс имел место и что новые взгляды появлялись либо как результат размышлений, либо вследствие иностранного влияния. Но хотя египтяне не могли стоять в стороне от изменений, принятие ими этих изменений не было связано с освобождением от старых заветных идей, которые сохранялись и существовали на равных с новыми формами мышления. Это объясняет, почему египтяне, создав систему алфавитного письма, продолжали использовать символы для обозначения слов и слогов, от которых произошла их письменность. Поэтому же случилось и так, что, когда монархия в Египте стала абсолютной, титулы и должности, преобладавшие в феодальный период, когда король считался лишь первым среди равных ему, продолжали существовать в судебной и чиновничьей системе. Естественным результатом этого стали бесчисленные несоответствия: звания не соответствовали должностям, слова – своим значениям. Острое нежелание египтян позволить оказаться забытым чему-нибудь, что составляло собственность и установления их предков, – они никогда не теряли связи с прошлым, чтобы все могло оставаться так, как было «со времен бога Ра», – перевешивало все их практические рассуждения.

В естественном ходе событий такое отношение, вероятно, немного менялось под воздействием меняющихся сторон жизни, так как, хотя имена и формы прочно сохранялись, это не могло происходить с реальностью, когда любое изменение обстоятельств становилось всеобщим. Но все было иначе в духовной области. Здесь созерцание и размышления подчинялись лишь чувству, и грубой правде не позволялось нарушать целостность системы. Главным в религии египтянина было то, что он давал своей консервативной природе полностью развернуться. Явления природы, несколько общих истин, на которых основывалась эта религия, можно было видоизменять и объяснять настолько по-разному, что, по мнению египтянина, никакой отказ от старых воззрений ради новых идей – какими бы желаемыми они ни были, по нашим понятиям, – оказывался совершенно не нужен. Национальная склонность людей к мистицизму легко помогала им преодолевать возникающие парадоксы, и там, где они могли показаться неразрешимыми разуму мирянина, их толкование можно было рассматривать как глубокую тайну, суть которой бог открывал посвященным в будущей жизни.

По этой причине религия древних египтян представляет величайший интерес. Она не только содержит простейшие формы, в виде которых народ с берегов Нила воображал себе своих богов, и ритуалы, с помощью которых он им поклонялся в те времена, когда в его распоряжении были весьма ограниченные средства для украшения божественной службы; но бок о бок с ними идут верования более поздних времен, постоянно растущее число богов, культ, становящийся все более утонченным и изощренным, новые формы поклонения и божества чужеземного происхождения. Все различные системы идей, которые выросли из египетской религиозной веры в течение веков, можно увидеть стоящими вместе в их текстах: более ранние формы сохранились точно так же, как и те, которые пришли им на смену. Поэтому неизбежно было существование большого количества противоречий, но они не беспокоили египтянина, так как он никогда не

пытался свести свои представления о различных богах в однородную религию. Мы можем говорить о религиозных представлениях египтян, но не об их религии. И мы должны постоянно помнить об этом факте, который не может не довлеть над каждым, кто изучает тексты беспристрастно, и который читатель ясно ощутит, прочтя отрывки, представленные его вниманию на последующих страницах. Снова и снова предпринималась попытка свести религию египтян в последовательную систему и таким образом приписать этому народу то, что никогда ему не принадлежало. Все эти действия, какими бы замечательными они ни были сами по себе, в настоящее время считаются неудачами учеными мужами. Они основываются на произвольном выборе отрывков в текстах, которые автор выбрал для подтверждения некоей предвзятой точки зрения, не принимая в расчет гораздо большее число отрывков, не согласующихся с ней.

Помимо того что невозможно составить полную систему такого рода, невозможно и решить, какая форма религии египтян была самой древней, и продемонстрировать, была ли она монотеистичной – как часто это предполагалось, – или же, как утверждают другие, она была основана на пантеизме, политеизме, поклонении предкам, растительной или животной жизни и их репродуктивной силе, вере в божественную мощь солнца или на других религиозных представлениях. Все эти формы веры более или менее ясно представлены в религии египтян, но нельзя доказать исторически, какова из них более ранняя или поздняя. Сформулированные в одном предложении или подробно, все они сохранились в самых древних и длинных религиозных текстах, дошедших до наших дней, а именно: в надписях на пирамидах Пятой и Шестой династий. Насколько простираются наши знания о Древнем Египте, исследования не установили ничего бесспорного в отношении источников государственной религии египтян, их формы правления, их письменности или их расового происхождения. Напротив, чем больше материалов становится доступно и чем более тщательно их изучают, тем более неясным оказывается их происхождение. Опровергается одна теория за другой, не будучи вытесненной какой-либо наглядной истиной. В Египте, как и в других странах, история в самом широком смысле этого слова ничего не знает о своих собственных истоках. При современном состоянии наших знаний все, что наука о религии может сделать в отношении Египта, – это следовать тем же самым курсом, который однажды был пройден египтянами, но в обратном направлении. То место, где они соединились, нужно обособить. Посредством изучения текстов мы должны стремиться распутать клубок верований, выделить отдельные фрагменты, которые представляют собой высшие силы в веровании египтян. Так мы обнаружим, что не можем получить ряд отдельных и четких доктрин, каждая из которых включает в себя независимую область мышления; соединение этих доктрин, однако, хотя такую попытку египтяне и предпринимали, не может быть логичным.

Прежде чем переходить к рассмотрению самых важных из представлений, которые частично концентрируются вокруг определенных форм божества, а частично – вокруг какой-нибудь одной основополагающей идеи, мы должны кратко ознакомиться с истоками египетского государства. Тем самым можно пролить свет на многие важные моменты его религиозного учения, как это всегда бывает, когда религия и правительство прочно срослись друг с другом, как это было в долине Нила.

Государство древних египтян образовалось благодаря объединению многих мелких государств, которые располагались в долине Нила в некий доисторический период. Эти государства не слились при этом объединении в царство, создание которого легенда приписывает первому человеку-монарху Египта Менесу. В каком-то смысле они продолжали существовать, так как сохраняли свое религиозное, политическое и военное управление, признавая царя своим сеньором лишь в той степени, что отводили ему в большинстве случаев роль человека, утверждающего княжеские звания. Он также являлся главнокомандующим вооруженными силами во время войны, даровал почетные должности и титулы и получал определенные налоги. Сомнительно, чтобы он мог по праву смещать подчиненных ему князей. На самом деле он смещал их, но только одержав

над ними победу в войне. Таким образом, он использовал скорее свое право завоевателя, нежели фараона. Тем не менее, очевидно, ему не было позволено сохранять в своей личной собственности земли, полученные таким способом; он был обязан наградить ими того, кто вступил в права и получил обязанности низложенного князя и мог завещать эту провинцию своим собственным преемникам. Именно благодаря этой неизменной передаче феодального владения древнее территориальное деление продлилось до недавних времен. Изменения происходили редко, но время от времени две провинции объединялись при наследовании или две провинции, которые были объединены, снова разделялись. С эпохи пирамид и до времен Птолемеев и римских императоров определенные районы, согласно текстам, оставались в основном без изменений. Древнеегипетское слово, обозначающее такие провинции, было «хесп».

При транслитерации египетских слов *ḥ* произносится как «х». Буквосочетания *kh*, *sh*, *th* — каждое из них представляет собой в оригинале один алфавитный знак. Символы, переданные буквами *a*, *á*, *â*, *i*, *u*, приближаются больше к семитским полугласным, нежели к нашим гласным, но они используются в качестве символов гласных звуков при передаче иностранных и иногда даже египетских слов. Обычно египтянин, как и семит, не писал гласные, поэтому там, где нужно вставить гласную по фонетической или другой причине, здесь она обычно обозначается как «е», которая, таким образом, может соответствовать самым разнообразным гласным звукам в древнем языке. Истинное звучание слов, как правило, неизвестно, и на последующих страницах обычно используется греческая транскрипция (кроме имен греческих богов, отождествленных с египетскими), но *Ammōn* обычно пишется как *Amen*. Такая транскрипция соответствует произношению более точно, чем простая транслитерация египетских символов, которые будут даваться только в случае имен собственных, для которых есть адекватный греческий эквивалент. *â* обозначает везде египетский корень = *ḥ*; *û* просто указывает на то, что *u* следует произносить как в слове «руль».

Греки называли их номами; это обозначение сохранилось и при римлянах, во время правления которых они пользовались настолько большой независимостью, что им было позволено чеканить свои собственные монеты. Каждый ном состоял из четырех частей: столицы, где размещались властные структуры, а также резиденция монарха и главного божества; регулярно возделываемых пахотных земель; болот, которые, главным образом, использовались как пастбища и для выращивания водяных растений; и, наконец, каналов, которые находились в ведении специальных чиновников. Управление каналами всегда было гораздо более централизованным, чем управление остальной территорией страны, так как регулярное орошение земель в Египте можно было обеспечить лишь в том случае, если оно осуществлялось единой властью, которая в общих интересах противостоит любой попытке перекрыть и отвести воду для удовлетворения частных нужд. Такая попытка рассматривалась в Египте как тяжкое преступление, за которое в грядущей жизни следовало наказание от самого бога. Но необходимость в существовании такой угрозы подтверждает то, что египтяне охотно занимались этим.

Следствия этого деления территории страны на номы на положение и развитие Египта и его религии были настолько важными, что ниже приводится их список в виде таблицы, включающий некоторые подробности.

ВЕРХНИЙ ЕГИПЕТ

Ном	Столица	Божество
1. Та-Кенс	Аб (Элефантина), позднее Нубт (Омбос)	Кхнум
2. Тес-Хор	Деб (Аполлинополь Магна, Эдфу)	Гор-бехудет
3. Тен	Некхеб (Эйлейтия), позднее Сене (Латополь, Эсна)	Некхеб
4. Уст	Уст (Фивы), позднее Анрес (Гермонтис)	Амон Ра, позднее Мент
5. Хор-уи	Кебти (Коптос)	Кхем
6. Ааду	Та-эн-терер (Тентира, Дендера)	Хатхор
7. Секхем	Ха (Диосполь парва)	Хатхор
8. Абд	Абду (Абидос), Тени (Фис)	Анхер
9. Кхем	Апу (Панополь)	Кхем
10. Узт	Дебу (Афродитополь)	Хатхор
Нетер-уи	Дука (Антеополь)	Гор
11. Сет	Шас-хетеп (Гипселис)	Кхнум
12. Дуф	Ну-энт-бак (Антеополь)	Гор
13. Атеф-кхент	Саут (Ликополь, Сиут)	Ап-уат
14. Атеф-пех, позд- нее Антинойтес	Кеси (Кусе)	Хатхор
15. Ун	Кхеменну (Гермополь)	Тот
16. Мех-махез	Хебенну (Гиппонон)	Гор
17. Ануп	Касса (Кинополь)	Ануп (Анубис)
18. Сеп	Ха-сутен (Алабастронполь)	Ануп (Анубис)
19. Уаб	Па-мазет (Оксиринкх)	Сет
20. Атеф-кхент	Кхенен-су (Гераклеополь Магна)	Гор-шеф (Арсафес)
21. Атеф-пех Та-ше	Семен-Хор Та-шед (Крокодилополь на Файуме)	Кхнум Себек
22. Матен	Теп-ах (Афродитополь)	Хатхор

НИЖНИЙ ЕГИПЕТ

Ном	Столица	Божество
1. Ануб хез (белая стена)	Мен-нефер (Мемфис)	Птах
2. Аа	Секхем (Летополь)	Гор-ур
3. Амент (запад)	Ну-энт-Хапи (Апис)	Хатхор
4. Сепи-рес	Зека	Амон Ра
5. Сепи-эм-хет	Сау (Саис)	Нейт
6. Ка-сет	Кхасуу (...ойс)	Амон Ра
7. ...амент	Сент-нефер	Ху
8. ...абд	Тхукот (Сукот)	Тум
9. Атхи	Па-Асири (Бусирис)	Осирис
10. Ка-кем	Ха-хер-аб (Африбис)	Гор
11. Ка-хебес	Ка-хебес (Кабасос)	Исида
12. Ка-тхеб	Тхеб-нетер (Бесеннитос)	Анхер
13. Хек-ад	Анну (Гелиополь)	Ра
14. Кхент-абд-Зан	Зан (Танис)	Гор
15. Техут	Па-Техути (Гермополь)	Тот
16. Кхар	Па-ба-неб-дед (Мендес)	Ба-неб-дед (Осирис)
17. Сам-хут	Па-кхен-эн-Амон (Диосполь)	Амон Ра
18. Ам-кхент	Па-Баст (Бубастис)	Баст
19. Ам-пех	Па-Уаз (Буто)	Уаз (Буто)
20. Сепд	Кесем (Госен, Факусса)	Сепд

Приведенный выше список показывает, что в каждом номе был свой бог. В столице нома стоял его главный храм, и там группа жрецов, посвятивших себя службе богу нома, осуществляла свои обряды. Египетские жрецы носили звание «аб»(чистый), «хен нетер»(слуга бога) – последнее звание греки переводили как «пророк», хотя человек, о котором идет речь, не имел ничего общего с предсказаниями – и другие звания подобного рода. Во главе каждой коллегии жрецов стоял верховный жрец, имевший особый титул. В Мемфисе он звался Глава Ремесленников, в Мендесе – Духовный Отец Воинов, в Гелиополе – Великий Провидец (имеется в виду физический смысл слова; буквальный перевод этого титула Великий Зрячий); в Фивах в древние времена – Первый Пророк Амона, а позднее – Открывающий Небесные Врата. В более поздний период верховная жрица обычно занимала место рядом с главным жрецом, которого окружал штат постоянных храмовых служащих, число которых менялось в зависимости от величины и богатства храма. Этот штат не был таким большим, как мы можем предположить; в Сиуте, например, он состоял из десяти человек, в Абидосе всего лишь из пяти. К ним, правда, следует добавить множество мелких храмовых служащих и городских жителей, которые исполняли функции жрецов в установленное время в добавление к своей другой деятельности. Жрецы каждого нома были независимы и не подчинялись никакой вышестоящей инстанции. Если время от времени возникала мысль назначить верховного жреца всего Египта, который, живя при дворе и находясь под его влиянием, должен был руководить жрецами так, как это было угодно правителю, то эта попытка неизменно терпела крах из-за ревностно оберегаемой независимости различных групп жрецов. Цари были вынуждены довольствоваться назначением своих родственников или людей, преданных их интересам, главными жрецами наиболее важных святынь и таким образом получать возможность косвенно влиять на жреческий корпус. Но независимость различных жреческих групп сохранялась не только в отношении правителя – она сохранялась также в вопросах религии. В каждом номе существовала своя религия, которая развивалась независимо от верований, бытующих по соседству, и которая почти в

каждом случае становилась время от времени генотеистической. Бог любого нома считался в нем правителем богов, создателем вселенной, дарителем всех благ, и для его приверженцев не имело значения то, что другое божество играет точно такую же роль в соседнем номе, в котором их собственный бог низводился на второстепенное место.

Из-за таких обособленных интересов не могли не возникать раздоры между номами. Согласно мифам, одни боги были врагами других богов; одно божество почиталось в одной провинции, в то время как его врагу поклонялись в другой, а верующие также вставали на сторону своего божества и становились враждебными друг другу. Даже во времена римлян это состояние антагонизма время от времени приводило к кровопролитным конфликтам между жителями различных регионов. К тому же в ходе истории благодаря самостоятельному развитию местных религий божества, которые когда-то совпадали по своему характеру и происхождению, принимали различные формы в разных номах и становились абсолютно отличными друг от друга. В то же время другие боги, которые со временем приобретали одинаковые имена и характер, изначально совершенно и радикально отличались друг от друга. В исторические времена Гор из Эдфу уже не соответствовал Гору из Летополя. Первый – это зоркий бог яркого солнца, а последний – слепой бог, проявлением которого было солнечное затмение. Поэтому, рассматривая любого бога, мы не можем без разбора относить к нему все ссылки, не рискуя получить ложное представление. Мы должны тщательно изучить, возникли ли они в одном и том же месте и из одних ли и тех же базовых понятий.

Время от времени такая обособленность действительно претерпевала вмешательство. Это часто случалось в небольшом масштабе, когда жители одного нома поселились в другом номе, принося с собой своих богов, для которых они воздвигали храмы, получив необходимое официальное разрешение. И то, что такой храм был обеспечен большим постоянным доходом и там устраивались пышные празднества, было вполне естественно, особенно в том месте, где главный храм был бедным. Постепенно больше и больше верующих стекалось к новому божеству, и оно занимало более высокое положение, чем старый бог. В Абидосе, например, с течением времени бога этого города, по имени Анхер, почти полностью вытеснил бог Осирис. Такие явления происходили постепенно и имели лишь местное значение, тогда как религиозный переворот, который приводил к захвату власти новой династией, имел гораздо более широкие последствия. Новая династия всегда считала, что короной обязана богу своего родного нома, поэтому поклонение ее богу-покровителю считалось делом первостепенной важности, и она стремилась распространить его культ на все царство. И народ охотно шел навстречу своему монарху в этом стремлении. Для людей возвышение царя над другими номархами подразумевало возвеличивание их бога над всеми другими божествами, и теперь уже этому богу все делали жертвоприношения и к нему обращали свои молитвы. Именно таким соображениям и царскому влиянию были обязаны своим распространением культы Птаха и Амона Ра. И другие боги приобретали власть в результате определенных тенденций мышления. Начиная с периода Хиксоса происхождение всех форм религии искали в поклонении солнцу; почти все основные божества с этого времени объединяли с богом солнца, и отсюда возникли сложные формы вроде Амона Ра, Кхума Ра и многих других такого же рода. И хотя ряд представлений, связанных с поклонением Осирису – если взять лишь один пример, – не мог быть логическим путем приведен к гармонии с новым вероучением, тем не менее «солнечный» уклон, который был характерен для древнеегипетской мифологии со времени начала Нового царства, в конечном счете неизбежно превратил всю систему веры в пантеизм.

Глава 2 КУЛЬТ СОЛНЦА

Бог солнца в египетских текстах обычно фигурирует под именем Ра. Неоднократно предпринимались попытки сделать на основе его имени далеко идущие выводы относительно его божественной природы, и высказывалось предположение, что, так как среди значений слова «ра» есть и такое, как давать, а также приводить в порядок, управлять, этот бог получил свое имя как существо, которое создало, упорядочило и управляло всем во вселенной, особенно потому, что, согласно некоторым надписям, он был древнее небесного свода и являлся творцом богов и людей. Но такое объяснение слишком надуманно. На самом деле имя этого бога не имеет ничего общего со словом, означающим «управлять», а произошло от слова «ра», самого древнего и общепринятого обозначения солнца, которое впоследствии перешло на бога, воплотившего в себе живительное солнечное начало. Этому существу, разумеется, приписывалась деятельность творца: существование самой жизни без участия солнца было невысказано. Солнце, а вместе с ним и свет, вероятно, образовалось до того, как могли возникнуть какие-либо существа; как только оно получило воплощение, остался один лишь шаг от принятой мысли о его первичности до веры в то, что именно солнце вдохнуло жизнь во все сущее.

Изначально считалось, что солнце мужского рода, и лишь в сравнительно поздний период египтянам пришло в голову разложить его на мужское и женское начало. Последнее получило имя **Ра-т** или **Ра-т Тауи** (Ра-т двух стран), о позднем происхождении которого говорит его искусственное образование путем добавления суффикса женского рода к исходному слову [1]. Однако было нелегко приписать какую-либо особую функцию этой богине. Ее часто называют Госпожа Гелиополя, но предполагалось, что она должна была обитать в других местах – например, на Синайском полуострове, и ее включали в божественную триаду Эрмента наряду с Монтхом и Гарпократом. Нигде она не добивалась какого-либо своего собственного положения. Ее функции были те же самые, что и у Исиды, и ее даже изображают с коровьими рогами этой богини. Но ее изображений с головой сокола встретить нельзя; и так не было бы, если бы она являлась одним из подлинных солнечных божеств древних времен.

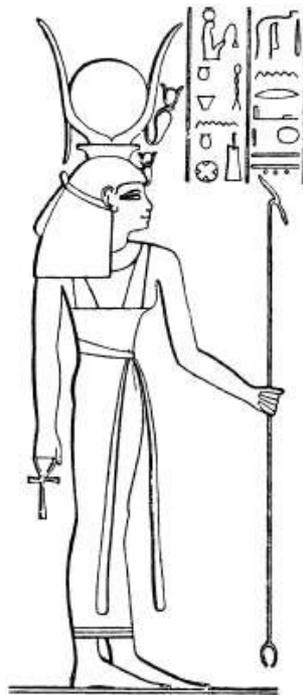

Рис. 1. Ра-т Тауи. Большой храм Рамсеса II в Абу-Симбеле

Культ солнца существовал в Египте с доисторических времен и сохранял свою привлекательность для людей до самого позднего периода в истории Египта. Обелиски, которые стояли при входе в храмы, были посвящены солнцу, равно как и небольшие предметы подобной формы, сделанные по обету, которые помещались в гробницы, особенно в период Древнего царства. В эпоху Нового царства их вытеснили маленькие пирамиды. Они не представляли собой погребальные пирамиды Древнего царства (которые являлись лишь сложенными из камня курганами геометрической формы и не имели никакого глубокого символического смысла); но их следует считать обелисками, заостренные верхушки которых имеют ту же самую форму. Некоторые такие пирамидки, сделанные по обету, очень малы; они, как правило, имеют уплощенную вершину и снабжены кольцом, чтобы их можно было носить как амулеты. Монументы третьего вида располагаются между этими двумя формами. Такой монумент состоит из основания пирамиды без вершины – такую форму называют «мастаба» (персональная гробница из сырцового кирпича во времена Древнего царства). С верхней плоской поверхности поднимается обелиск, обычно увенчанный солнечным диском. В эпоху Пятой династии такие постройки были широко распространены, и в окрестностях Мемфиса несколько царей возвели огромные монументальные сооружения по этому образцу, а также связанные с ними храмы, к которым были прикреплены различные жреческие ордена. Эти постройки посвящали богу Ра или Ра Гармакису; в них также иногда поклонялись богам Гору и Хатхор. Что касается их местоположения, планов и т. д., у нас нет точных данных, но, возможно, существовала некая связь между ними и погребальными пирамидами. По крайней мере, на эту мысль наводит тот факт, что те же жрецы, которые служили на пирамидах в качестве «пророков», занимали также официальные должности в этих храмах Ра.

Местом, которое было центром культа солнца, являлся Ан (у иудеев Он). Египтяне его называли также Па Ра (дом Ра), который иудеи называли Бет-Шемеш, а греки – Гелиополь. Подробную историю этого города невозможно проследить в очень давние времена. В текстах Древнего царства он упоминается, но редко, и основание огромного храма Ра, который столь усердно украшали более поздние правители-фараоны, относится лишь к эпохе Двенадцатой династии (до 2500 года до н. э.). Рассказ об этом событии, облеченный в поэтическую форму, написанный на куске кожи, хранится в Берлине. Но это было не первое святилище, построенное в этом городе; в той же самой рукописи есть упоминание о том, что по случаю основания новой постройки был расширен большой дом Тума в Гелиополе. От храма бога Тума осталась только прилегающая территория и единственный обелиск с именем царя Сенусерта I, неподалеку от деревушки Матарих, которые являются образцами построек Двенадцатой династии. Разрушительная работа началась в древние времена. При Рамсесе III (около 1200 года до н. э.) храм был в расцвете своего могущества; сообщается, что в его службах были задействованы 12 963 человека. Но позднее Геродот подтверждает лишь познания и мудрость его жрецов, но не великолепие его построек. А во времена Страбона этот храм был почти полностью заброшен, хотя его часто посещали путешественники и из-за самого храма, и из-за школы знаний, с ним связанной. Во времена арабов его развалины все еще сохранялись; падение одного обелиска, парного тому, который все еще стоит на своем месте, произошло лишь в XIII веке, а великолепная статуя бога была уничтожена в его окрестностях Ахмедом ибн Тулуном (868 – 883 годы н. э.). Раскопки на этом месте почти ничего не дали, но следует признать, что они и не велись систематически.

Священный источник бога Ра просуществовал дольше, чем его монументы. Около 750 года до н. э. царь Эфиопии Пьянххи прибыл в Гелиополь в ходе своего триумфального шествия по Египту, когда он умыл лицо, как он сам об этом рассказывает, в водоеме с пресной водой, в котором Ра имел обыкновение совершать омовения своего божественного лица. Арабы до сих пор называют его Источник солнца; и здесь же, как гласит древняя легенда, мать нашего Господа стирала пеленки своего сына, когда

добралась до Египта, спасаясь бегством от Ирода. И от воды, падающей здесь на землю, вырос целебный кустарник, который, по рассказу Макрици, не растет больше нигде в мире.

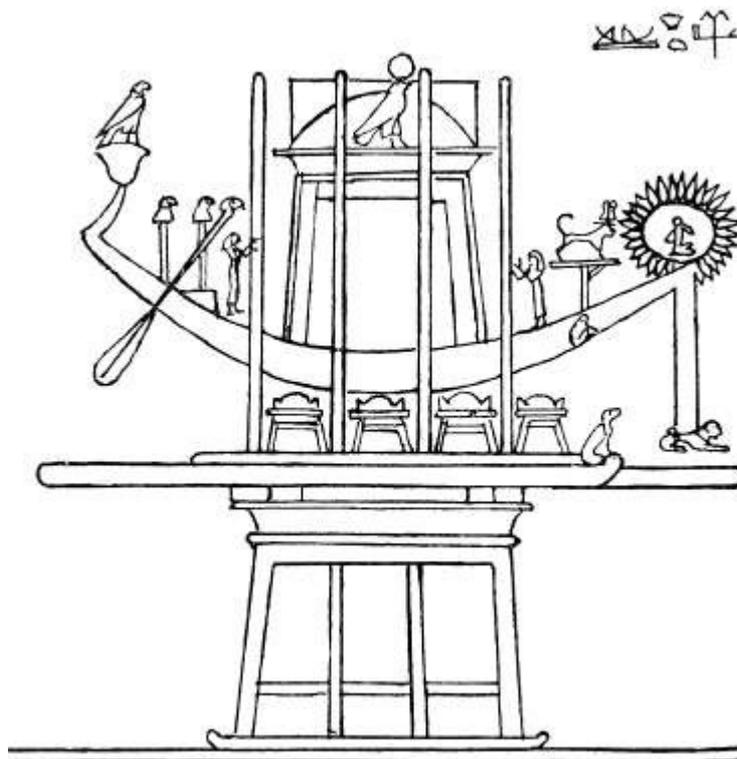

Рис. 2.Корабль «Мадет». Верхний зал храма в Дендере. Римский период

И по сей день путешественникам показывают смоковницу, в тени которой, как говорят, отдыхало Святое семейство, и хотя возраст этого дерева насчитывает лишь несколько сотен лет, оно является самым последним побегом той смоковницы, которая могла существовать во времена Христа. Это место по-прежнему слывет священным и у арабов, и у коптов.

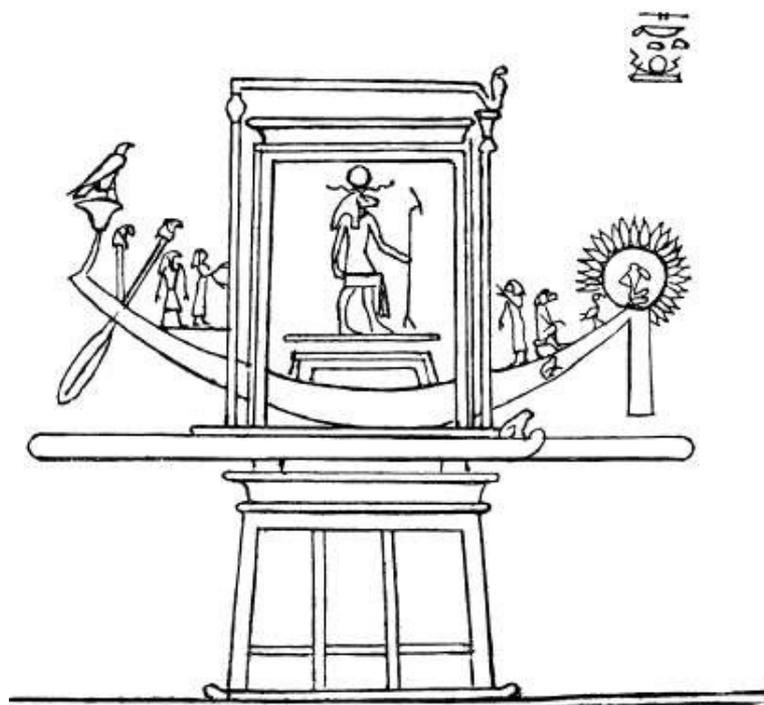

Рис. 3.Корабль «Секти»

Древнеегипетский текст, на который мы уже ссылались, описывает обряд, проведенный фараоном, лично посетившим Гелиополь. Совершив омовение, Пьянкхи прошел с церемониальной процессией к песчаному холму в Гелиополе и там перед восходом солнца совершил богу Ра большое жертвоприношение, в которое входили белый крупный рогатый скот, молоко, бальзам, ладан и всевозможная ароматная древесина. Когда он возвратился в храм солнца, хвалу ему воздал глава этого храма; храмовый чтец огласил заклинание, ограждающее царя от его врагов; обряд Дома Звезд (комната в храме) был завершен, и царь принял священный обруч. Затем он очистился дымом свежего ладана, и ему были подарены цветы Хат Бенден, которые должен был держать священник, совершающий обряд в этой части храма, представ перед богом. «Он, царь, нес цветы; он поднялся по ступеням в большой зал (Святая Святых), чтобы узреть Ра в Хат Бенден. Там царь стоял в одиночестве; он снял засовы, открыл двери и узрел своего отца Ра в священных Хат Бенден, «Мад» или «Мадет», корабль Ра, и корабль Тума «Секти». Затем он закрыл двери, скрепил их глиной и запечатал царской печатью. Потом он заговорил и повелел жрецам: «Я поставил свою печать; ни один подданный других царей (т. е. князей-вассалов) не должен войти в это святилище». Он стоял, а они пали ниц перед его величеством и сказали: «Пусть он живет, и возрастает, и будет неистребим, Гор, который любит Гелиополь!» (т. е. сам царь). После этого Пьянкхи вернулся в храм Тума, и с ним туда была принесена статуя его отца Тума Кхепера, князя Гелиополя». Затем царь покинул город.

Главными реликвиями святилища, которые увидел Пьянкхи, были два корабля. Они были предназначены для бога солнца, ежедневно совершающего свой путь по небу; ведь, согласно представлениям египтян, движение небесных тел представляло собой плавание либо по водам, которые должны были образовывать небесный свод, либо по небесному Нилу, который должен был проходить через небо из металла – в зависимости от того, какая концепция неба преобладала. Как правило, считается, что у солнца в распоряжении было два корабля: корабль для утреннего путешествия «Мад» или «Мадет» и для вечернего – «Секти». Но существовала и другая теория, согласно которой количество кораблей было гораздо больше, и каждый из них предназначался для определенного часа дня. Эти корабли были сделаны по образцу обычной лодки, которая плавала по Нилу:

посреди корабля находилась каюта, в которой размещался бог Ра; в носовой и кормовой части находились прислуживающие ему божества, которые должны были сражаться с его врагами и управлять кораблем; вахтенные сменялись каждый час. Тум и Кхепера, родственные формы самого бога Ра, обычно изображались в виде его сопровождающих.

Рис. 4. Корабль Ра. Книга мертвых. Эпоха Птолемея (?)

Внутри храма также хранился как сокровище божественный символ в виде небольшого обелиска, который назывался бенбен; он был сделан, возможно, из камня, и по его названию храм получил свое имя Хат Бенбен, Дом Обелиска или, скорее, «пирамидальная вершина обелиска» – это название особенно любили использовать в религиозных и магических текстах. Этот бенбен считался воплощением самого Ра. Выбор неодушевленного предмета с этой целью можно проследить во влиянии азиатских идей, как будет показано позже. Стоит отметить, что в Гелиополе этот культ можно обнаружить не только в самые древние времена, он продолжал существовать и на протяжении всей

истории Египта. Это тем более поразительно, потому что поклонение фениксу, как второму воплощению бога Ра, также преобладало в Гелиополе, и это была чисто египетская концепция. Тесная связь между Гелиополем и Азией, по-видимому, была еще в доисторические времена и существовала долго: о ней знали греческие авторы и путешественники и ошибочно делали вывод о том, что Гелиополь был основан арабами, хотя на самом деле единственное, что там основали семиты, – это определенная форма культа.

Тот факт, что в Гелиополе считалось обязательным поклоняться двум воплощениям бога солнца, показывает, что это божество не рассматривалось как одно и неделимое целое, а раскладывалось на две сущности, каждой из которых могло приписываться независимое существование. Изначально каждая форма этого божества имела собственную сферу деятельности, но постепенно одна из них захватила владения другой до такой степени, что, хотя значение каждой по-прежнему радикально отличалось, их свойства и функции стали почти идентичными. Вот самые важные из этих форм.

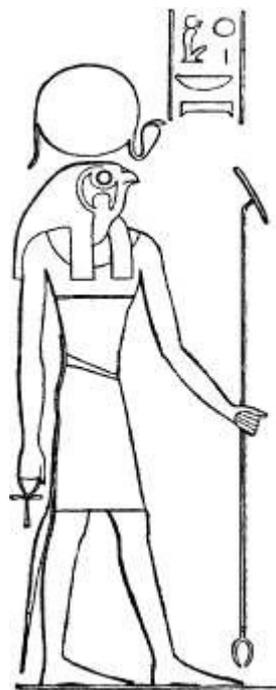

Рис. 5.Ра. Стела Сети I

Сам Ра, который в надписях обозначается как бог Гелиополя, Ксоиса, Аполлинополя Магна и Гермopolита в Верхнем Египте. Его почти всегда изображают в виде человека с головой ястреба, который в одной руке держит символ жизни, в другой – символ суверенитета, царский жезл уас. На его голове находится солнечный диск, обвитый змеей под названием урей, которая символизирует власть над жизнью и смертью. Характерной чертой всех богов солнца является то, что у них голова ястреба. Согласно вере египтян, считалось, что многие из них получали свое воплощение в виде ястребов. Когда какого-либо бога изображают в таком виде, можно не сомневаться в его «солнечной» природе. В те времена, когда существовало стремление превратить всю религию Древнего Египта в культ солнца, фигурка ястреба-перепелятника

была эквивалентом значка нетер («бог») и его определяющим фактором точно так же, как изображение змеи урей

использовалось для обозначения нетер-т(богини). У нас нет сведений о том, как ястреб стал ассоциироваться с солнцем. Египетское слово бак, означающее эту птицу, не имеет никакой филологической связи с этим небесным телом. Вероятно, эта хищная птица – вот она парит высоко в воздухе, исчезает в синих небесах, сливается с солнцем и внезапно падает на землю, как луч света, – считалась посланцем и даже частью бога солнца, и отсюда был сделан вывод о том, что он сам имеет вид ястреба-перепелятника. Даже последователи Платона считали, что нашли тесную связь между ними двумя; Порфирий объясняет это тем, что ястреб включает в себя кровь и дух. Мы должны признать, что такие выводы естественны, когда вспомним, что народы, не имевшие никаких связей с египтянами, связывали между собой солнце и ястреба-перепелятника. Гомер, например, называет ястреба «быстрым посланцем Феба». Как продолжение этой цепочки рассуждений, божественные почести оказывались в долине Нила различным видам ястребов; этих птиц содержали в священных рощах, а после смерти их тела бальзамировали.

Гор, Гер. Именем Гора изначально обозначались по крайней мере два совершенно разных божества: Гор, сын Исиды, и Гор, бог солнца. В дальнейшем была предпринята попытка объединить эти два божества, а также уподобить войну, которую Гор, бог солнца, вел с силами тьмы, продолжительному сражению Гора, сына Исиды, с Сетом, убившим его отца. Первоначально значение Гора, бога солнца, которого греки отождествляли со своим Аполлоном, не имело ничего общего с Гором, сыном Исиды. Вообще говоря, бога солнца можно отличить от его тезки по определенным дополнительным именам, которые были различны в разных номах или городах, где ему поклонялись. С течением времени каждая отличная от других форма проявления бога становилась самостоятельным божеством, и мы часто обнаруживаем, что в более поздние периоды истории Египта несколькими таким формам проявления одного бога поклоняются одновременно как различным божествам. Среди форм проявления Гора, бога солнца, следующие формы представляют особую важность:

Гер-Ур, Гор-старший, греческий Ароэрис, который был особенно почитаем в Летополе по соседству с Мемфисом. Местом его рождения считался город Аполлинополь Парва, а его матерью – богиня Хатхор. В Омбосе (Верхний Египет) ему также был посвящен большой храм. Его изображали в виде человека с головой ястреба или просто в виде ястреба. Для смешения религий более поздних времен характерно то, что он выступает в виде Гер-Ур-Шу, сына бога Ра, хотя сам он, и Шу, и Ра изначально были самостоятельными солнечными божествами, олицетворяющими схожие понятия.

Гер-Мер-Ти, Гор Двуглазый, т. е. солнце и луна, Владыка Шеденну, города в Нижнем Египте в номе Фарбетус. В более поздние времена его отождествляли в Панополе с Мином, порождающей силой природы, и с луной, превратившись, таким образом, из бога солнца в бога луны.

Гер-Кхент-Ан-Ма, Гор, Владыка Невидящих, бог города Летополис, который должен был быть слепым и символизировал солнечное затмение. Среди его священных животных была землеройка, которая, согласно Плутарху, получала в Египте божественные почести, потому что она была слепой, а также потому, что тьма древнее света.

Гер-Эм-Кху-Ти, Гармакис у греков, Гор на Двух Горизонтах, т. е. восточного и западного горизонта, Гор на восходе и на закате. Иногда его называли просто Гер-Эм-Кху, Гор на Одном Горизонте, и тогда он представляет собой скорее бога восходящего солнца. Его легко и довольно часто отождествляли с богом Ра, и тогда именовали Великим богом, Владыкой Небес Ра Гармакисом. В этой ипостаси он является богом Гелиополя и время от времени носит дополнительное имя Тум; там же Иу-саас считалась его женой. Он играл

выдающуюся роль также и в городе Танисе, расположенном в восточной части дельты Нила, на границе с Азией. И Великий Сфинкс в Гизе, памятник, который, как заставляют нас поверить надписи, существовал во времена царя Хефрена (Хафра), также был посвящен Гармакису.

Рис. 6. Рамсес II между Гармакисом и Иу-с-аас. Храм в Герф-Хусейне

Гер-Нуб, Золотой Гор, является в первую очередь богом восходящего солнца, проявляющимся в золотом великолепии зари. Поэтому его можно считать в каком-то смысле двойником Золотой Хатхор. Золотая Хатхор не была никак связана с греческой Золотой Афродитой, а была богиней западного неба, которая принимала умирающее солнце в заре заката, и поэтому должна была также принимать мертвых после их кончины. В последнем качестве ее обычно изображали появляющейся из Западной Горы. С древних времен фараоны, которые всегда стремились выдавать себя за солнце на земле, очень любили титул Золотой Гор, и их появление на людях, как правило, описывается как внезапная вспышка света посредством использования слова кха, которое также обозначает и «восход».

Гер-Хекенну, божество с головой ястреба, известное в Дендере как супруг богини Баст, о котором часто можно найти такие записи: «Он сияет в солнечном диске».

Гер-Бехудги соответствует **Гер-Дема** и играет главную роль в мифе о солнце, который вскоре будет рассмотрен подробнее.

Гер-Ка, Гор-Бык, – это планета Сатурн; **Гер-Дешер**, Красный Гор, – планета Марс, а **Гер-Ап-Шета**, Гор, открывающий тайное, – планета Юпитер. Поэтому может показаться, что эти три планеты считались эманациями солнца.

Гер-т, женская форма **Гера**, является богиней чисто грамматического происхождения. Под этим именем в Себеннитосе поклонялись богине Хатхор, где она считалась дочерью Ра и матерью **Анхер**, а позднее ее в виде львицы отождествляли с Тефнут, а также с Нефтис, богинями, с которыми у нее изначально не было ничего общего, кроме пола. Легко понять, что в мифах не могло быть места для этого продукта измышлений жрецов, равно как и для Рат. Титулы и символы, которыми была наделена Гер-т, история ее рождения в Дендере и тому подобное – все это было передано ей от других божеств.

Кхепера, дословно тот, кто находится в процессе становления, совершенно точно является богом восходящего солнца. В Туринском папирусе говорится: «Я Кхепера утром, Ра – в полдень, Тум – вечером». Но при этом разграничение не было проведено четко, и время от времени Кхепера может обозначать солнце вообще. Этого бога обычно изображают в виде человека со скарабеем на голове или вместо головы; это насекомое служит идеограммой как божественного имени, так и слова, обозначающего главное качество этого бога, ведь кхеперозначает становиться.

Рис. 7. Кхепера. Книга мертвых. Эпоха Птолемеев (?)

Тум, Атум, Томос у греков, по существу, является богом заходящего солнца в противоположность Кхепере. Он стал главным объектом поклонения в Гелиополе как Владыка Вселенной и Великий Создатель. В Книге мертвых его называют «Создателем небес, людей, прародителем всего сущего, тем, кто породил богов, создал себя, Владыку Жизни; тем, кто дарует новую силу богам». Сам он произошел из Ну, первоначальных вод, и его культ был тесно связан с учением египтян о бессмертии. Что касается жизни, то он выступает как существо, совершающее добрые дела: из него вылетел северный ветер, который принес людям холодный воздух посреди жаркого египетского лета, а «вдохнуть его свежее дыхание» было одним из самых горячих желаний мертвых. Помимо Гелиополя другим центром поклонения Туму был Па Тум (Дом Тума), Питом из Ветхого Завета, развалины которого обнаружил М. Нэвил в 1883 году в Тель-эль-Маскхутах к востоку от дельты Нила. Тума обычно изображали в виде человека в коронах Верхнего и Нижнего Египта на голове, и, когда его связывают с другими солнечными божествами, обычно помещают после Ра Гармакиса, но перед Кхеперой. Изначально у него не было божественной супруги. Только в одном из более поздних текстов из Дендеры мы находим упоминание о богине Тум-т, женской сущности Тума. Тексты утверждают, что ей поклонялись в Бубастисе.

Шу, которого греки называли Сос, Сосос, Сосис, является первым сыном, рожденным богами Ра и Хатхор, и близнецом богини Тефнут с головой львицы. Он стоит третьим в божественных династиях и Фив, и Мемфиса [2]. Один текст, взятый из гробниц царей в Фивах, который называет его сложным именем Кхунсу-нефер-хетеп-Шу, гласит: «Он отделил небеса от земли; он поднял их в вечность над землей». Согласно другим текстам, он поднял первоначальные воды (Ну), небесные столбы и тому подобное. Его изображают в виде человека с пером на голове, но также часто – особенно когда он вместе с Тефнут – в виде льва. Среди центров, где царил его культ, был остров Биггех неподалеку от Филе, Латополь, Дендера и Мемфис. Значение его имени едва ли может быть каким-то иным, кроме поднимающий, что соответствует корню шу(поднимать, подниматься) и выражает веру в то, что он был тем, кто поддерживает небеса, или богом, который когда-то поднял их и таким образом отделил от земли. В текстах более позднего периода он уже начинает олицетворять жар солнца или горячий ветер. Это неправильное отождествление, которое, несомненно, было вызвано созвучием упомянутого корня шус корнями, означающими быть горячим, быть иссушенным жаром и ветер.

Рис. 8. Шу. Карнак, Гипостильный зал, Рамсес I

В Книге мертвых **Тэфнут**, божественная супруга Шу, стоит наравне с ним и Тумом в качестве правительницы Гелиополя. В Филе ее называли дочерью Ра, в Нубии она считалась матерью Тота, а в Элефантине ее отождествляли с **Исидой Сотхис**. В более поздних текстах Шу и Тэфнут относятся к зодиакальному созвездию Близнецов. Ясно, что эту богиню воспринимали по-разному в различных уголках страны, где находились центры ее культа. К ним, помимо вышеупомянутых, относятся Мемфис, Ликополь в Нижнем Египте, Дендера, Эйлейтия и т. д. Обычно ее изображают в виде женщины с головой львицы, на которой находится солнечный диск, реже – в человеческом облике или в облике львицы.

Изначально она, несомненно, была солнечным божеством или богиней неба, но в конце концов стала таким же неопределенным и призрачным персонажем, что и большинство египетских богинь.

Рис. 9. Тэфнут. Храм Рамсеса II в Вади-Себуахе

Атон изначально символизирует солнечный диск. Кроме некоторого созвучия, нет других оснований для сравнения слова «Атон» либо с семитским словом «Адонай», либо с Адонисом, причем значение каждого из этих имен коренным образом отличается от значения слова «Атон». Вообще говоря, Атон получил свое имя только в связи с Ра, которого называли в таком случае Ра в своем Атоне и т. п. И все же иногда – хотя и редко – поклонялись и самому Атону, причем даже в сравнительно поздний период. Такой культ, очевидно, преобладал в течение какого-то времени в Гелиополе, где стоял храм Атона, к которому царями Восемнадцатой и Деятнадцатой династий были сделаны пристройки. Во время непродолжительного периода в истории Египта культ Атона стал государственной религией. Это произошло при царе Аменхотепе IV (около 1450 года до н. э.), который отличался от других египтян бросающимися в глаза телесными особенностями: острым выдающимся подбородком, непропорционально длинными конечностями и складками жира на талии. Тот факт, что его современников изображали схожим образом, не является доказательством их с ним сходства, а проистекает из традиции египетского искусства изображать человека любого исторического периода в соответствии с образцом, которым является царствующий фараон, наделяя его характерными чертами монарха. Неоднократно предпринимались попытки доказать азиатское происхождение этого царя и таким образом объяснить его индивидуальные особенности, но никаких сколько-нибудь весомых доказательств этой теории не представлено. В то же время преобразования, происшедшие за годы его правления, указывают скорее на глубоко скрытое ливийское влияние, хотя нет никаких доказательств того, что в жилах царя текла ливийская кровь. Насколько можно понять из надписей, его предшественник Аменхотеп III был приверженцем древних египетских традиций и культа, а храмы, воздвигнутые им, были в основном посвящены Амону Ра из Фив. После его смерти старые условия какое-то время сохранялись без изменений; новый царь также носил имя, составной частью которого был Амон, и на самых древних памятниках его внешнее сходство с предшественником бросается в глаза. Но приблизительно на четвертом году правления его взгляды переменились; он взял себе новое имя Эхнатон, Слава Атона, и решил насадить во всем Египте культ Атона. Поклонение Атону должно было стать генотеистическим, поэтому из других богов должны были признаваться лишь боги солнца, природа которых легко позволяла слить их воедино с Атоном. В этом смысле, т. е. в качестве составных частей одного-единственного бога, Гор, Ра, Тум и Аменхотеп III под именем Ра-неб-Маа, Ра, Владыка Правды, появляются в надписях этого времени. Такая перемена была несколько неожиданной. В Фивах до сих пор сохранилась гробница, строительство которой началось в первые годы его царствования; в одной ее части он изображен как последователь Амона, в то время как в другой упоминается Атон, а незаконченная погребальная камера несет на себе ссылку на третью ступень эволюции этой религиозной реформации.

Таким образом, кажется, что этот царь сначала был полон желания следовать примеру своих предшественников и поселился в Фивах, где намеревался возвести большой храм Ра Гармакису Атону и бенден, то есть обелиск с соответствующими священными постройками. Но возобладала жреческая оппозиция в Фивах; царь покинул город в сопровождении всего двора и в местечке Тель-эль-Амарна в Среднем Египте основал новую столицу, полностью посвященную культу солнца. Туда были перевезены государственные архивы, и именно среди них мы обнаружили знаменитые клинописные надписи на табличках из Тель-эль-Амарны. Есть также гробницы последователей этого царя, надписи и барельефы, которые вместе с развалинами этого храма и дворцов дали те скудные сведения, что есть в нашем распоряжении, о поклонении Атону.

Этого бога всегда изображали в виде солнечного диска, лучи которого направлены к земле, завершаясь кистью руки. Часто на изображениях эти руки даруют царю или изливают на мир символы жизни, власти или другие блага. Бога Атона никогда не изображают в человеческом облике. Как и в других египетских религиозных культах,

поклонение Атону состояло, главным образом, в торжественных шествиях, в которых принимал участие царь и члены его семьи, и пении целиком или части гимна, который в данном случае великолепен по красоте своего стиля. Одна из самых характерных и поэтических версий сохранилась в гробнице Аи, высокопоставленного чиновника того времени, в Тель-эль-Амарне. С несколькими незначительными пропусками гимн звучит так:

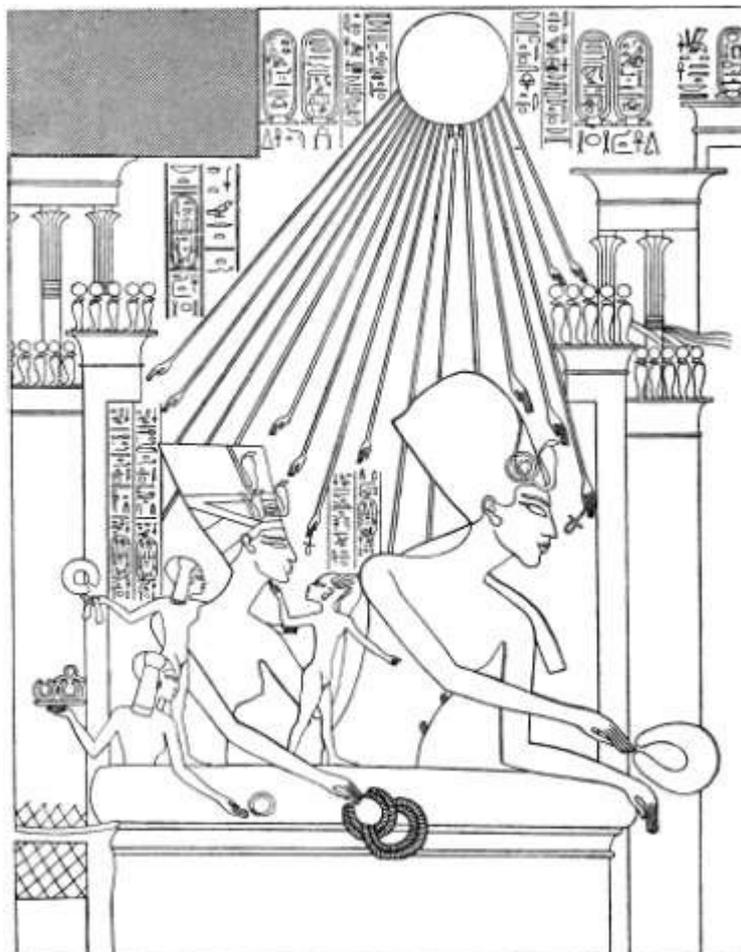

Рис. 10. Царь Эхнатон и члены его семьи раздают награды с балкона; Атон простирает над ними свои лучи. Гробница Аи, Тель-эль-Амарна

ГИМН АТОНУ

*Прекрасно твое блистательное появление на горизонте небес,
О Атон, живущий и дарующий жизнь!
Когда ты поднимаешься на горизонте на востоке, ты заполняешь все страны своей
красотой;
Прекрасно твое сияние, великое и лучезарное, высоко над землей,
Твои лучи охватывают всю землю, которую ты создал.
Ты солнце, ты приносишь то, что им нужно, твоей любовью.
Ты протягиваешь свои лучи на землю;
Когда ты над землей, день следует по твоим стопам;
Когда ты заходишь на западном горизонте, земля погружается во тьму, как
мертвая.
Они [люди] отдыхают в своих жилищах; их головы покрыты; никто не видит
своего товарища.
Они лишены всего того, что под их головами, а они не знают этого.
Любой лев выходит из своей пещеры, все змеи кусаются;*

Спускается ночь, земля затихает, их создатель двигается вперед на свой горизонт.
Светла земля, когда ты поднимаешься на горизонт и сияешь, как Атон днем; тьма отступает;

Ты посылаешь свои лучи, и мир полон радости день за днем.

Они [люди] просыпаются, поднимаются на ноги;

Они омывают конечности, надевают одежды

И поднимают руки в благоговении, потому что ты освещаешь всю землю.

Они принимают за свои труды.

Вся скотина отдыхает на своих пастбищах, деревья и растения зеленеют;

Птицы вылетают из своих гнезд, их распростертые крылья воздают тебе хвалу.

Все стада поднимаются на ноги, оживают домашние и дикие птицы; ты восходишь для них.

Корабли ходят вверх и вниз по реке, твой путь [Нил] открывается, когда ты восходишь;

Рыба в реке поднимается к поверхности к твоему лику, и твои лучи проникают в толщу воды;

Они даруют женищинам плодовитость, а мужчинам – способность стать отцами,

Они заставляют ребенка шевелиться во чреве матери.

Ты даешь дыхание жизни во всех ее проявлениях.

Она исходит из тела матери... в день рождения;

Ты открываешь ей рот, чтобы она могла говорить.

Цыпленок сидит в яйце и пищит в его скорлупе.

Ты даешь ему дыхание, чтобы он мог жить;

Ты завершаешь его развитие, чтобы он мог проклюнуться из яйца;

Он вылупляется из яйца и пищит,

Он бежит на ножках, когда выбирается из яйца.

.....
Ты создал землю, согласно своей воле, когда ты был один:

Люди, стада, все стаи,

Все, что есть на земле и ходит по ней на ногах,

Все, что есть в вышине и летает на крыльях,

Страны Сирия, Куш и Египет,

Ты находишь каждому свое место;

Ты даешь каждому то, что ему подходит...

Ты отмеряешь им длину жизни,

Их языки развязаны, чтобы они могли говорить, их облик в соответствии с цветом кожи;

Предопределяя, ты распорядился жителями стран.

Ты делаешь Нил в подземном царстве (Дуат), ты ведешь его сюда по своей воле,

Чтобы он мог давать жизнь людям, которых ты создал для себя, Владыка Всего!

Ты отправляешь Нил на небеса, чтобы он спустился на них,

От этого его воды поднимаются поверх камней, как море; он орошает их поля в их краях.

Твои дела завершены, о Владыка Вечности! Ты сам есть божественный Нил;

Ты царь всех живущих на земле

И скота, который бродит по ней в каждой стране.

Нил выходит из подземного царства в Египет.

Твои лучи питают каждое поле, ты восходишь, и они живут для тебя.

Ты делаешь времена года, чтобы они могли дать жизнь всему, что ты создал:

Зиму – чтобы охладить их, жару – чтобы согреть их;

Ты создал небеса, которые распростерлись, чтобы ты мог взойти на них,

Чтобы ты мог увидеть все, что ты создал.

*Ты Единственный, когда ты восходишь в своем облике, как живой Атон,
великолепный,*

лучезарный, сияющий.

Ты создал различных существ, которые живут в тебе.

Ты Единственный в городах, полях, на дорогах, реках (Нил).

Все видят тебя, так как ты Атон ясного дня над землей...

Ты взошел – и все живет; после твоего заката все умирает;

Но продолжительность твоей жизни – это жизнь, суцая в тебе.

Глаза ярко блестя, пока ты не закатишься;

*прекращаются все работы, когда ты заходишь
на западе...*

*Ты все предопределяешь, так как ты создал землю и взрастил их [т. е. ее
обитателей],*

*Ради твоего сына, который вышел из твоего тела, царя Верхнего и Нижнего
Египта,*

Который живет праведно, владыка двух стран Эхнатон;

И ради великой жены царя, которую он любит,

Госпожи двух стран Нефер-аити-Нефер-неферу.

Как владыку мира Атона даже изображали с орнаментальным завитком и именовали в надписях «Ра Гармакис, торжествующий на горизонте под именем Шу, который есть в Атоне»; а выражения: «Владыка небес», «Владыка земли», «Тот, кто дает вечную жизнь», «Тот, кто освещает землю», «Тот, кто правит праведно» – часто встречаются среди его титулов.

Эхнатон, по-видимому, пытался сначала осуществить свои преобразования, находясь в доброжелательном расположении духа; противодействие, с которым он столкнулся, превратило его в фанатика. Имя Амона, в котором он признал главного соперника Атона, было стерто с памятников и даже с гробниц. Точно так же его отыскивали на более мелких объектах, таких как погребальные стелы, и усердно стирали оттуда, даже если оно имело место в именах собственных. Несмотря на такие насильственные меры, царю не удалось добиться своей цели. Его вера, хотя она и была поддержана одним или двумя его ближайшими преемниками, впоследствии оказалась забыта, и культ Атона стал, в свою очередь, подвергаться гонениям. Столица царя солнца была покинута и больше никогда не видела жителей; храмы Атона были разрушены; имена бога и царя последовательно стирались, и любое упоминание именно этой формы солнечного божества с тех пор стало чрезвычайно редким. Гелиополь, по-видимому, был единственным местом, где уцелело святилище Атона; на остальной территории страны солнце снова стали олицетворять другие божества. Но с тех пор, как это было с начала Нового царства и до времени правления Эхнатона, старые солнечные божества редко появлялись поодиночке и в своих простых обликах: обычно их объединяли с другими, и они становились Амоном Ра, Кхнумом Ра и т. д. Из самых главных богов бог Птах чуть ли не единственный, кто избежал общей участи быть слитым воедино с солнцем. Это произошло потому, что он уже был практически соединен с Осирисом, богом и правителем царства мертвых, который в некоторой степени противопоставлялся Ра, богу мира живых.

Культ бога солнца ничем не отличался от культов других божеств. Ему жертвовали пищу и напитки; растительные и животные жертвоприношения были представлены в равной степени. Утверждение, что кровь и вино были для него неприемлемы, ошибочно. Можно сказать, что только в одном обряды его культа отличались от обрядов, посвященных другим богам: в адрес Ра пелось больше гимнов, и к нему были обращены более длинные молитвы, чем к каким-либо другим божествам. Естественно, легче было восхвалять и выставлять напоказ благотворную силу такой явной для всех деятельности, как обожествленная мощь природы, чем делать это в отношении божеств, которые не

могли претендовать на такие ощутимые результаты своей силы. Поэтому-то поэтические творения, посвященные Ра и равноценным ему богам Гармакису, Кхепера, Туму и т. д., во множестве можно найти написанные и на камне, и на папирусе, они ведут свое начало от самых давних времен и до эпохи правления римских императоров. Особенно многочисленны гимны из погребальных текстов, которые содержат утомительные повторы одних и тех же мыслей о созидательной и радующей силе солнца и благах, которые надеялись получить от него усопшие. Хорошей иллюстрацией этого является следующий отрывок, сохранившийся во многих, слегка отличающихся друг от друга вариантах. Здесь он переведен из главы 15 Туринского папируса, так называемой египетской Книги мертвых.

«Речь Осириса Н. (имя усопшего): «Приветствую Ра, Владыку Солнечных Лучей, который сияет над Осирисом Н.! Он восхваляет тебя утром, отдает почести вечером; его душа отправляется к тебе на небеса, совершая путешествие на корабле «Мадет», приплывая на корабле «Секти», она становится одной из звезд на небе, которые не знают покоя».

Осирис Н. сказал, восхваляя Владыку Вечности: «Приветствую тебя, Ра Гармакис, Кхепера, который сам себя породил на свет! Ты прекрасен вдвойне! Когда ты восходишь на горизонте, Египет освещают твои лучи. Все боги радуются, когда они зрят Царя Небес. Змея урей выпрямилась на твоей голове, и корона Юга и корона Севера вертикально возвышаются над твоим челом; они приготовили себе там место. Приветствую того, кто раздаает блага, стоя на носу судна [3], потому что он уничтожает для тебя всех твоих врагов, которые пребывают в Дуате (подземном царстве), он идет вперед, защищая твое величие, чтобы он мог узреть твой прекрасный лик.

Я иду к тебе, я с тобой, чтобы видеть твой диск (атон)каждый день. Не лишай меня свободы, не отвергай меня, так как я вновь обретаю себя при виде твоей красоты, как это делают все, кто восхваляет тебя, потому что я один из этих преданных тебе людей на земле. Я достигаю Страны Вечности, я объединяю себя со Страной Бессмертия, с тобой. Смотрите! На меня льет свой свет Ра со всеми богами!»

Осирис Н. сказал: «Приветствую тебя, когда ты восходишь днем на горизонте! Ты спокойно пересекаешь небеса, чтобы заставить голос звучать правильно. Все люди радуются, видя твой восход, приветствуют тебя руками. Каждое утро своим величием ты пробуждаешь рост и движение. Твои лучи низвергаются на людей. Подобно тому как никто не может выразить великолепие асема[сплав серебра и золота], так же нельзя выразить и твое величие. Земли богов видят все краски Пунта, когда ты рассеиваешь тьму, окутавшую их. Ты есть единственный творец, когда создаешь свои формы проявления там, на Ну (первозданные воды).

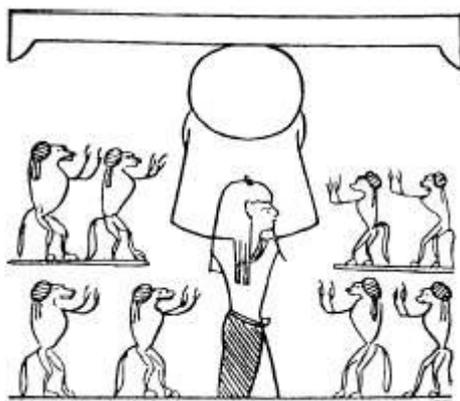

Рис. 11. Бог солнца, поднимающий солнечный диск: поклонение бабуинов. Книга мертвых. Эпоха Птолемея (?)

Да буду я идти вперед, как это делаешь ты! О Ра, да не найду я конца твоему величию! Нет царя такого великого, который проплывает бесконечные воды за один краткий миг. Ты это делаешь. Ты заходишь, ты завершаешь часы – иначе может быть сказано: точно так же ты отмеряешь день и ночь, ты завершаешь их так, как ты это предписал. Подобно солнцу [Ра] ты освещаешь землю своими руками, когда восходишь на горизонте!» (Это относится к изображениям бога солнца в облике человека, поднимающего солнечный диск обеими руками.)

Осирис Н. сказал, как он преклоняется перед тобой утром, когда ты светишь; он возносит тебе хвалу, когда ты восходишь: «Ты тот, кто возвеличивает себя сиянием» или иначе: «Велика твоя красота!» Ты выковыиваешь себя [как ювелир]. Ты приносишь себя, не рождаясь; на горизонте ты восходишь высоко в небо. Дай мне добраться до высоких небес вечности, до тех мест, где восхваляют тебя. Я соединяюсь со священными, совершенными и светлыми духами подземного мира; я иду с ними вперед, чтобы увидеть твою красоту вечером, когда ты пересекаешь свою мать Нут [богиня небес]. И когда ты обращаешь свой лик на запад, мои руки поднимаются в благоговении перед твоим закатом в Страну Жизни [подземное царство]. Да, ты создал вечность; тебя восхваляют, когда ты заходишь в Ну [первозданные воды]. Ты навсегда поселился в моем сердце. Ты омолаживаешься (нетер) больше, чем все боги (нетеру)».

Осирис Н. сказал: «Приветствую тебя, когда ты поднимаешься из первозданных вод, освещая землю в день своего рождения, когда твоя мать принесла тебя на своих руках. Ты сияешь, ты восстанавливаешь свои силы. Ты светишь, как Великое Светило Восхода в первозданных водах. Поэтому жители наряжаются, когда спешат навстречу к тебе; в твою честь устраиваются праздники в нонах, городах и храмах, освещенных твоей красотой. Много, очень много даров несут для тебя. Храбрец! Благородный из благородных, ты защищаешь все твои жилища от Зла! Великий и славный путешественник на корабле «Секти»! Ты велик всем тем, чего желают на корабле «Мадет»! Ты даешь величие Осирису Н. в подземном мире; ты разрешаешь ему пребывать на Западе в качестве властелина Зла, защищенного от Порока. Помести его среди тех почтенных людей, которые посвятили себя тебе; пусть он соединится с душами (бау) в подземном мире; после радостного путешествия пусть он бродит по полям Аалу».

Осирис Н. сказал: «Я иду на небо, я пересекаю железное небо, мое тело среди звезд. Приветствия обращены ко мне, плывущему на корабле. Меня вызывают на корабль «Мадет»; я вижу Ра в его святилище, когда я возношу ежедневные молитвы к солнечному диску (атон). Я вижу рыбу Phagros, когда она поднимается по реке и появляется на зеленой поверхности. Я вижу черепаху и ее частицы. Если появляется какой-либо грешник, он падает на землю, провозглашая Ра; я кромсаю его на куски, разрубаю вдоль позвоночника. Я открываю тебе твой путь, о Ра, когда дует благоприятный ветер. Корабль «Секти» снижает скорость; команда Ра радуется, когда видит его, Владыку Жизни, чье сердце обновилось, так как все его враги низвергнуты. Смотрите! Я вижу Гора у штурвала (?) и Тота с Правдой на руках. Все боги радуются при виде его, того, кто приходит с миром. Сердца прославленных (кху) светятся; Осирис Н. находится с ними на Западе, его сердце обновилось».

И сказал Осирис Н.: «Приветствую тебя! Ты, который приходит как Тум, ты, который был, когда ты создавал Эннеаду богов.

Приветствую тебя! Ты тот, кто приходит как дух (ба)духов, правящих на Западе.

Приветствую тебя! Главный из богов, который освещает Дуат своими прелестями.

Приветствую тебя! Ты тот, кто приходит прославленным (кху), совершая путешествие в своем солнечном диске (атон).

Приветствую тебя! Того, кто более велик, чем все боги, кто сияет на небесах, кто правит в Дуате.

Ты даешь свежее дыхание северного ветра Осирису Н.

Приветствую тебя! Ты тот, кто открывает Дуат, кто показывает все двери.

Приветствую тебя среди богов! Ты тот, кто взвешивает слова в подземном мире.
Приветствую тебя в твоей колыбели! Ты тот, кто создает Дуат своим величием.
Приветствую великого и могущественного! Твои враги повергнуты на землю в зале казней.

Приветствую тебя, того, кто уничтожает врагов и змея Апопа (тьму).

Ты даешь свежее дыхание северного ветра Осирису Н.

Ароэрис открывает дверь [в подземное царство], он великий первооткрыватель великой Страны Покоя в горе подземного царства. Дуат освещен твоим величием. Души (бау) в их тайных жилищах озарены в их пещерах. Ты уничтожаешь Зло, несясь вниз и уничтожая врагов».

Осирис Н. сказал, благоговей перед Ра Гармакисом на его закате в Стране Жизни: «Приветствую тебя, Ра! Приветствую тебя, Тум, ты пришел! Прекрасный, сияющий, благородный! Ты проходишь по небесам, ты пересекаешь землю, ты соединяешься с верхним небом в фимиаме [4]. Жители двух частей Египта склоняются перед тобой и отдают тебе свое поклонение. Боги и обитатели подземного мира радуются твоим прелестям, обитатели тайных уголков превозносят тебя. Цари, которых ты создал на земле, делают тебе жертвоприношения. Те, которые пребывают на горизонте, перевозят тебя, а те, которые находятся на корабле «Секти», направляют твои странствия. Они восхваляют тебя из-за победы твоего величия и говорят: «Приди! Приди! Приди с миром!» Тебе принадлежит радостное шумное одобрение, Владыка Небес, Правитель Подземного мира. Твоя мать Нут обнимает тебя. Она видит в тебе своего сына, вселяющего страх и ужас, который в сумерках заходит в Стране Жизни. Затем поднимаешь ты своего отца Танена [в этом контексте: землю]; он кладет свои руки позади тебя [чтобы защитить тебя]. И происходит твое возрождение на земле. Танен помещает тебя среди почетных особ перед Осирисом. Усопший Н. покоится в мире; он сам Ра!»

Эти слова следует говорить перед Ра на его закате в Стране Жизни; обе руки говорящего должны быть опущены.

Осирис Н. сказал, восхваляя Тума на его закате в Стране Жизни, в величие Дуата (Дуата, который он наполняет величием): «Приветствую тебя! Ты тот, кто находит закат в Стране Жизни, ты отец богов; ты объединяешься со своей матерью в Стране Запада; ее руки каждый день обнимают тебя. Твое величие частично находится в обители Сокариса [5]. Ты радуешься любви, которая породила тебя. Врата на горизонте открыты тебе, ты заходишь в Западную Гору. Твои лучи пересекают землю, чтобы осветить земли обитателей подземного царства. Те, кто обитает в подземном царстве, и шумно приветствующие тебя духи волнуются, видя каждый день. Дай мир богам на земле, то есть тем, кто следует за тобой. Я один из тех, кто следует за тобой в твоей свите. Благородный дух (ба), который породил богов, который дал им их символы, над которым нет суда Божьего! Царь! Ты тот, кто велик в тайных вещах! Да обернется твой прекрасный лик с милосердием на Осириса Н. Кхепера, отец богов!

Усопшие не исчезают в вечности благодаря [существованию] этой книги; я это утверждаю. Тот, кто читает ее вслух или переписывает ее таким образом, пребывает в мире. Мне было много дано; мои руки полны пищи и напитков [буквально: хлеба и пива]. Я соединился с этой книгой после своей жизни. Она была написана для великого утешения сердца».

Видно, что последние предложения гарантируют чтецу этой главы [включая любого, кто переписет ее для своего пользования] единение с этой книгой – он возьмет ее с собой в потустороннюю жизнь и тем самым достигнет вечного блаженства. Такие уверения часто в схожих словах даются и в других религиях, а особенно в магических текстах.

Глава 3 МИФЫ О СОЛНЦЕ

Египтяне относились к богу Ра не только как к богу солнца, но и как к первому царю Египта. В древние времена люди, по-видимому, придерживались этой концепции с постоянством, которое не могли поколебать никакие теологические попытки жрецов поставить в пантеоне других богов выше его. И лишь в более поздний период он уступил свое первое место по популярности Осирису, прототипу египетских царей; но даже тогда он не был совершенно лишен занимаемого им положения. Но если считалось, что Осирис правил как человек и только людьми, то власть Ра относилась ко времени, когда боги еще временно проживали среди людей, и Ра правил и теми и другими.

Правление Ра относилось к самой далекой древности. «Такого не случалось со времен Ра» – так говорили о каком-либо событии, которое не происходило на памяти людей. Народ Египта считал бога антропоморфным созданием. Мы видим его в народных сказках – например, в «Рассказе о двух братьях», в которых он ходит по земле вместе с другими богами, беседует со смертными, одаривает тех, кто пользуется его благосклонностью, подарками, которые не всегда способствуют их счастью; в них его изображают как доброго старика. В этом нет ничего удивительного: схожие идеи можно увидеть в народных сказках большинства различных народов и религий. Но в Египте эта антропоморфическая и несколько вульгарная концепция божественности преобладала даже среди образованных классов. Царь считался буквально сыном Ра, рожденным от царицы; предыдущий монарх поэтому был лишь его предполагаемым отцом. Эта вера прямо выражалась в народных сказках, таких как «Рассказ о царе Хуфу», в котором повествуется о том, как Ра был отцом первых царей Пятой династии. Обнаруживается, что эта же вера все еще фигурирует в предании о том, что Александр Македонский был рожден от союза Зевса Амона и Олимпии. Это предание поддерживал сам Александр, но впоследствии оно было истолковано так, что его отец не был на самом деле богом, а был волшебником Нектанебом, последним царем Египта местного происхождения, который принял его облик. Та же самая идея неоднократно выражается в официальных надписях: со времен Пятой династии царь постоянно называет себя сыном Ра; а также есть тексты, в которых бог хвастается своей родственной связью по линии отца в недвусмысленных выражениях. Такое изображение Ра в человеческом облике также проходит через дошедшие до нас мифы о нем, которые обычно относятся ко времени, когда из-за его чрезвычайно преклонного возраста бразды правления стали выпадать из его рук, а боги и люди перестали быть ему послушными и восстали против своего господина. Три самые важные из этих легенд таковы: 1. Легенда о Ра и Исиде, сохранившаяся на Туринском папирусе, датирующимся периодом Двадцатой династии; 2. Легенда об уничтожении человечества, записанная на стенах гробниц Сети I и Рамсеса III; 3. Легенда о Крылатом солнечном диске, текст которой покрывает стену храма Эдфу эпохи Птолемеев. Эти тексты имеют огромное значение, так как выражают мышление египтян и их концепции божественности, и поэтому желательно давать их основные части почти в буквальном переводе.

ЛЕГЕНДА О РА И ИСИДЕ

Это рассказ о небесном боге, который создал себя, творце неба и земли, дыхания жизни, богов, людей, диких зверей, домашнего скота, ползучих тварей, птиц и рыб; о царе над людьми и богами, для которого века как года, у которого много имен, кого никто не знает, кого не знают даже боги.

«Исида была сильной женщиной; ее сердце устало от людей, она предпочитала богов. Тогда в глубине своей души она задумалась, не может ли она обладать миром на небесах и на земле, как Ра, именем августейшего бога», т. е. тайным именем Ра, которое не знает ни один человек и знанию которого сам бог был обязан своей властью над богами и людьми.

Бог Ра ежедневно приходил во главе своей свиты и восседал на троне; он постарел, из его рта текла слюна и падала на землю. А Исида своей рукой смешала ее с этой землей; она сделала из нее священного змея, которому придала форму копия. Она не обвила его вокруг своего лица (богини носили урея, свернутого кольцами вокруг головы), а бросила на пути, по которому великий бог шел в свое Двойное Царство.

Почтенный бог шел вперед, боги, прислуживавшие ему, как своему фараону, следовали за ним; и он шел, как это делал каждый день. Тогда священный змей укусил его. Небесный бог открыл рот, и его крик достиг небес. Его божественная свита вскричала: «Что случилось?» – и боги закричали: «Смотрите!» Он не мог ответить; он стучал зубами, его конечности дрожали; яд охватил его плоть подобно тому, как Нил покрывает свои владения во время паводка.

Когда великий бог успокоил свое сердце, он позвал свиту: «Подойдите ко мне, дети от тела моего, боги, что вышли из меня! Пусть Кхепера знает это. Что-то нанесло мне болезненную рану; мое сердце чувствует ее, но мои глаза не видят, рука не чувствует. Я не знаю, кто это сделал; я никогда еще не ощущал такую боль, как эта; нет зла хуже, чем она.

Я принц, сын принца, семя (му)бога; я Великий, сын Великого, мой отец придумал мне имя. Я тот, у кого много имен, много обликов; я в каждом боге. Я вызвал Тума, Гора, богов, которые возносят хвалу. Мое имя было произнесено моими отцом и матерью, потом оно было спрятано во мне, чтобы не мог появиться никакой волшебник, который стал бы использовать свое колдовское искусство против меня (это может сделать тот, кто знает тайное имя бога).

Я пришел взглянуть на то, что я создал. Я шел по двум странам, которые сотворил, когда что-то, о чем я не подозревал, причинило мне острую боль. Это не огонь и это не вода. Мое сердце горит, руки и ноги дрожат, все члены содрогаются. Пусть приведут ко мне детей богов с волшебными словами, с понимающими устами, сила которых достигает небес».

Дети всех богов пришли, скорбя. Пришла Исида со своим магическим искусством, та, чьи уста полны дыхания жизни, чьи заклинания рассеивают страдания, чье слово оживляет мертвых. Она сказала: «Что случилось, божественный отец? Что произошло? Какая-то змея причинила тебе вред, одно из моих созданий подняло свою голову на тебя. Воистину я паду от сильных чар; я заставлю их отступить при виде твоих лучей».

Древний бог открыл уста: «Я шел по дороге, я шел по двум странам своей земли. Желанием моего сердца было увидеть то, что я создал. И тогда меня укусила змея, которую я не увидел. Это не огонь и это не вода. Я холоднее воды, я горячее огня; все мои члены в испарине, я дрожу, мои глаза бессильны, я не вижу небес, и с моего лица стекает вода, как летом».

Исида сказала Ра: «О, назови мне свое имя, божественный отец, так как тот будет жить, кто будет освобожден от болезни его собственным именем». Тогда заговорил Ра: «Я создал небеса и землю, я воздвиг на ней горы. Я тот, кто создал воду и наводнение. Я создал мужа его матери [титул, которым награждали различных богов; в данном случае здесь, вероятно, имеется в виду Амон Ра]. Я сотворил небеса и тайну обоих горизонтов, и я поместил в них душу (ба)богов. Я тот, кто, открывая глаза, создает свет; а когда он

закрывает глаза, он создает тьму. Воды Нила поднимаются по его приказу; боги не знают его имени. Я делаю часы и создаю дни; я посылаю праздник Нового года и образую реку; я делают живой огонь, чтобы регулировать жизнь в жилищах. Я Кхепера утром, Ра днем и Тум вечером».

Яд не повернул вспять, великий бог не был излечен. Исида сказала Ра: «Твое имя не было произнесено в твоей речи. Скажи мне его, чтобы яд мог уйти, так как тот будет жить, чье имя повторяется [в заклинаниях]».

Яд горел огнем, сильнее пламени огня. Бог Ра сказал: «Пусть Исида проникнет в меня, чтобы мое имя перешло из моей груди в ее грудь». Бог спрятался от богов, корабль вечности был пуст [т. е. корабль, в котором бог солнца плыл по небу]. Когда настал момент выходить из его сердца, Исида сказала своему сыну Гору: «Он должен связать себя священной клятвой отказаться от своих глаз [от солнца и луны, видимых знаков власти солнца]».

Имя великого бога было взято у него, и Исида, великая волшебница, сказала: «Яд, уходи! Уходи из тела Ра! Глаз Гора [6], выходи из бога, вылети, сверкая, из его рта! Это я делаю это; я заставляю яд, который потерял свою силу, упасть на землю, потому что имя великого бога было взято у него. Да будет жить Ра, да умрет яд!» Так говорила Великая Исида, госпожа богов, та, которая знает Ра и само его имя».

Заключительные слова этого текста говорят далее о том, что замечательным средством от змеиного яда является чтение вслух этого рассказа над изображением Тума, или Гора, или Исиды; или же, записав его, следует растворить написанное и выпить его; или же следует написать его на куске холста и носить подвешенным на шее.

УНИЧТОЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Ра – это бог, который создал себя и был царем над богами и людьми. Люди посоветовались и сказали: «Смотрите, его величество бог Ра состарился; его кости стали серебряными, члены – золотыми, а волосы – чистая ляпис-лазурь». Его величество услышал слова, которые люди говорили о нем. И обратился к тем, кто находился в его свите: «Позовите ко мне мой глаз [богиню Хатхор Секхет] и бога Шу, и богиню Тефнут, и бога Себа, и богиню Нут, а также отцов и матерей, которые были со мной, когда я пребывал в Ну [первозданные воды], и еще Ну [бога первозданных вод]. Пусть он приведет с собой своих товарищей; пусть они придут тайно, чтобы люди не могли увидеть их и убежать. Пусть он придет с ними к большому храму [храму в Гелиополе], чтобы они могли дать совет, так как я выйду из первозданных вод к тому месту, на котором должен быть: пусть этих богов приведут ко мне».

Теперь, когда эти боги пришли на место, где был Ра, они бросились на землю перед его величием, и он заговорил с Ну, отцом самых древних богов, он, тот, кто создал человечество, кто был царем духов, которые знают. Они заговорили с его величеством: «Говори с нами, чтобы мы могли услышать твои слова». И Ра сказал Ну: «О ты, самый древний бог, от которого я первый получил жизнь, и вы, боги-предки! Смотрите: люди, которые родились из моего глаза, настроены против меня. Скажите мне, что вы сделали бы в таком случае. Дайте мне совет. Я не стану лишать их жизни, пока не услышу того, что вы мне скажете».

Тогда заговорил великий бог Ну: «О мой сын Ра, ты бог, который более велик, чем его создатель [сам бог Ну] и чем те, которые воспитали его! Твой трон стоит прочно, страх перед тобой велик. Обрати свой взор на тех, кто строит заговор против тебя». Бог Ра ответил: «Смотрите, люди бегут в горы; их сердца наполнены страхом из-за того, что они говорили». Затем заговорили боги, обращаясь к его величеству [царю Ра]: «Пошли свой глаз; пусть он уничтожит людей, которые затаили злобный заговор против тебя. У людей нет глаза, который мог бы противостоять твоему глазу, когда он спускается в виде богини Хатхор».

Затем эта богиня вышла вперед и в горах убила людей. Затем заговорило величие этого бога: «Приблизься с миром, Хатхор! Никогда я не расстанусь (?) с тобой». После этого богиня сказала: «Да будешь ты жить ради меня! Когда я завладела людьми, мое сердце радовалось». Затем заговорил его величество бог Ра: «Я завладею человечеством как царь и уничтожу (?) его». И случилось так, что на протяжении нескольких ночей Секхет ходила по колена в крови людей, начиная с Гераклеополя Магна.

Тогда Ра сказал: «Позовите мне быстрых гонцов; пусть они бегут, как порыв ветра». Тут же привели гонцов. Его величество бог сказал: «Пусть они бегут в Элефантин; пусть принесут мне корни мандрагоры» [7]. Корни мандрагоры были ему принесены. Их отдали богу Секти (мельнику), который обитает в Гелиополе, чтобы он размолот эти корни. Когда рабыни размельчили зерно для пива, тогда эти корни были положены в кувшины, в которых было пиво, а также человеческая кровь. Были сделаны семь тысяч таких кувшинов с пивом.

Когда его величество Ра, царь Верхнего и Нижнего Египта, пришел вместе с богами посмотреть на это пиво и занялась утренняя заря, после этого богиня убивала людей, идя вверх по течению. Затем заговорило величие этого бога: «Отлично. Я буду защищать людей от нее».

Ра сказал: «Пусть эти кувшины отнесут в то место, где убивают людей». Его величество Ра, царь Верхнего и Нижнего Египта, приказал, чтобы этот усыпляющий напиток вылили в ясную ночь. Поля на все четыре стороны были затоплены, как повелел бог.

А богиня Секхет пришла утром; она увидела поля затопленными, чему обрадовалась; она стала пить с них воду, ее сердце возликовало, она ходила пьяная и больше не замечала людей. Тогда его величество Ра заговорил с этой богиней: «Подойди ко мне с миром,

очаровательная богиня (ами-т)». От этого произошли милые девицы в Аму [потому что Ра назвал Секхет ами-т, очаровательной, привлекательные девицы стали жрицами в городе Аму на западе дельты Нила; греческие авторы называли этот город Аписом]. И его величество Ра сказал этой богине: «Сонный напиток будут готовить для тебя к каждому празднованию Нового года, и поистине их число [т. е. количество кувшинов с напитком] будет соответствовать количеству моих служанок». Поэтому с того дня усыпляющий напиток готовят все люди во время праздника Хатхор согласно числу служанок [8].

Его величество Ра сказал этой богине: «Я страдаю от жгучей боли; откуда эта боль?» Его величество Ра сказал: «На самом деле я жив, но мое сердце устало быть с людьми; я не уничтожил их, они не истреблены, как подобает моей силе». Тогда заговорили боги, которые находились в его свите: «Забудь о своей усталости; твоя сила соответствует твоему желанию». Но его величество бог сказал великому богу Ну [богу первозданных вод]: «Впервые мои члены причиняют мне боль; я не буду ждать, пока эта слабость охватит меня еще раз».

Здесь повествование прерывается большим пробелом, а из его продолжения можно расшифровать лишь отдельные части предложений. Если судить по ним, может показаться, что Ну отдавал распоряжения Шу, а богиня Нут в виде небесной коровы должна была помочь Ра облегчить его боль, чтобы он снова почувствовал желание править. После довольно продолжительной дискуссии Нут посадила бога Ра себе на спину. В такой ситуации люди еще раз отважились показаться на земле, и, когда они увидели Ра на спине Нут, их охватило раскаяние за то, что они сделали, и они стали молить Ра, чтобы он убил своих врагов, т. е. тех, кто строил против него козни. Тем временем корова несла Ра вперед, пока он не прибыл в Обитель Коровы (храм в Ливийском номе), и люди пошли вместе с ним. «Он достиг его, когда была еще ночь. Но когда земля осветилась и наступило утро, люди, взяв свои луки, пошли сражаться с врагами бога Ра. Его величество бог сказал: «Я простил вам ваше преступление; убийство [которое вы совершили ради меня] искупает убийство [которое мятежники затевали против меня]». И этот бог сказал богине Нут: «Я принял решение подняться на небо» (т. е. присоединиться к почитаемым богам и отказаться править миром). Его желание было исполнено, и, достигнув верхних сфер, он осмотрел территорию, которую избрал для себя, объявил о своей цели собрать там вокруг себя много людей и для их будущего жилья создал различные подразделения в небесном мире. «Его величество – ему Жизнь! Процветание! Здоровье! [9] – сказал: «Пусть будет большое поле (хетеп)», и появилось Поле для Отдыха (хетеп). «Я соберу (аарад) на нем растения» – и появилось Поле Аару (Аалу). «Здесь его обитателями будет все, что свешивается с небес, даже звезды». Тогда Нут сильно задрожала (т. е. затрясся свод небес, так что звезды сместились и упали, как повелел Ра, на землю, которую он создал). И его величество бог Ра сказал: «Я придумал миллионы существ, чтобы они могли восхвалять меня». И появились миллионы существ. И великий Ра сказал: «О мой сын Шу, соединишь с моей дочерью Нут и там следи для меня за миллионами миллионов тех, кто там есть, кто пребывает во тьме», т. е. Шу назначен Ра быть для людей светом на земле: старое солнце официально вводит его в должность нового солнца.

В этой части повествования следует длинный текст, описывающий божественную небесную корову в очень непонятных выражениях, трудность которых усиливается канцелярскими ошибками. Согласно одному представлению египтян об устройстве мира, эта корова должна была образовывать небесный свод, а солнце должно было путешествовать по поверхности ее тела, которое поддерживалось в стоячем положении над землей различными божествами, а особенно богом Шу. Иногда эту корову отождествляли с богиней Хатхор, а иногда с Нут. Именно на ее спине пребывал Ра после ухода на покой, и там он правил небесами, которые, как говорится в тексте, он сам и создал вместе со всеми их полями, где египтянин надеялся обрести место обитания после смерти подобно миллионам ему подобных, которые воздавали хвалу богу, создавшему их.

После такой реорганизации неба и земли Ра вспомнил, что он оставил жить на земле созданий, опасных даже для него самого, чье жало нанесло первый вред его силе. Так что, прежде чем окончательно покинуть царский трон, он распорядился относительно этих существ и создал заклинателей змей, которые стали особыми фаворитами этого бога. «Великий бог сказал Тоту: «Позови ко мне великого бога Себа и скажи ему: «Приди немедленно». Когда великий Себ пришел к нему, великий бог Ра сказал: «Есть жалоба на рептилий, которые есть в тебе; пусть они боятся меня так, как я их боюсь сейчас! Когда ты узнаешь об их умыслах против меня, поспеши к тому месту, где находится мой отец Ну, и скажи ему: «Смотри за рептилиями на земле и в воде и замечай каждую нору, в которой рептилии находят себе жилье, говори: «Остерегайтесь причинить вред». Пусть они знают, что я уйду отсюда, но я буду светить на них. Их отец должен присматривать за ними; ты их отец на земле на веки вечные. Пусть в этих созданиях будет нужда. Те, что знают волшебные заклинания, зачаруют их, вооруженные моими особыми волшебными заклинаниями. Я выдам свои заклинания, я вверю их обладателей твоему сыну Осирису; их дети будут защищены; они будут процветать; они будут распоряжаться, как хотят, на всей земле, ведь они заколдовывают тех, которые сидят в норах».

Великий бог Ра сказал: «Пусть ко мне позовут Тота». Его немедленно привели. Великий бог сказал Тоту: «Пойдемте, оставим небеса и мое жилище, так как я создам нечто сверкающее и ослепительное в Дуате и в Стране Бездны. Ты будешь записывать тех обитателей, которые делали плохие дела, и будешь лишать их свободы и слуг, которых ненавидит мое сердце. Но ты находишься у меня, обитаешь в моем доме; тебя будут звать Тот, Житель [представитель] бога Ра. Я даю тебе власть посылать гонцов (хаб)» – вследствие этого и появился ибис (хаби)бога Тота. «Я побуждаю тебя поднять руку перед девятью великими богами: благое то дело (кхен), которое ты совершаешь» – вследствие этого появилась священная птица (техни)Тота. «Я побуждаю тебя охватить (анх)два неба [дневное и ночное] своими прелестями» – отсюда появилась луна (аах)Тота. «Я побуждаю тебя обратиться (анан)к народу севера» – отсюда появился бабуин (анан)Тота, который будет моим представителем (т. е. представителем Ра). «Ты, Тот, теперь занимаешь мое место в глазах всех, кто обращается к тебе; все создания восхваляют тебя, как бога». Таким образом, всякий раз, когда в своей речи Ра произносит слово, которое фонетически соответствует названию священного животного, это животное тут же возникает.

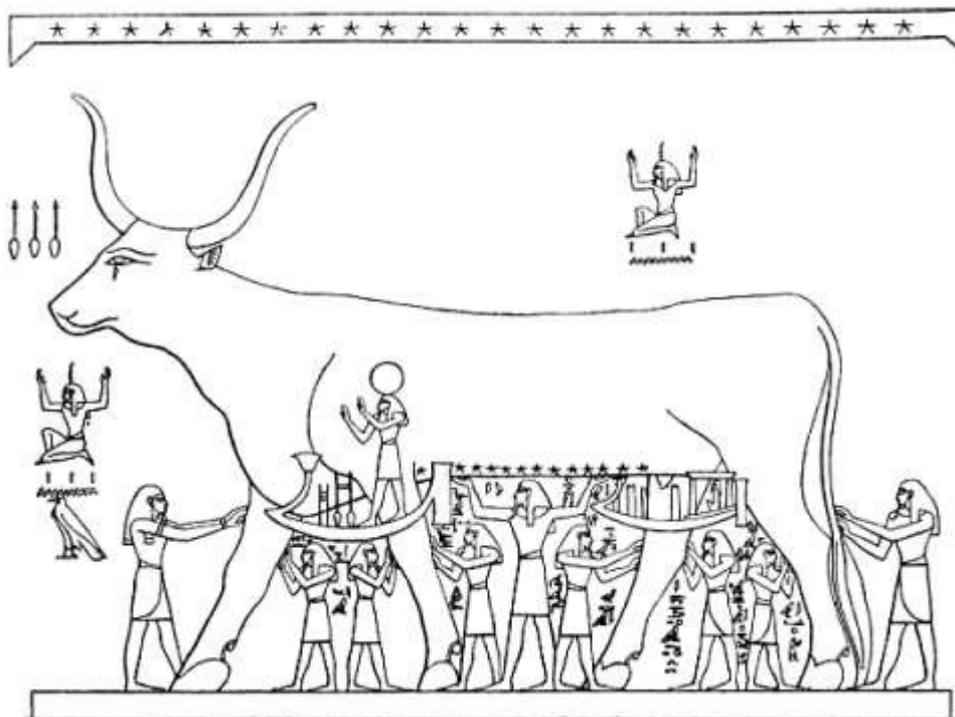

Рис. 12. Божественная корова

После этих слов, которыми Ра назначил бога мудрости и законного порядка своим представителем и одновременно создал для него священных животных, следует короткое сообщение, совершенно не относящееся к повествованию, в котором говорится о том, в какой манере следует читать вслух этот миф, чтобы вызвать магические последствия. «Когда человек произносит эти слова для себя, он должен натереть себя маслом и мазью; у него в руках должна быть курильница, полная ладана; за его ушами должен быть натр, а на губах – ароматная мазь. Он должен быть одет в два новых наряда, он должен быть очищен паводковой водой, на его ногах должна быть белая обувь, символ правды должен быть начертан на его языке зеленой краской. Когда сердце Тота возжелает продекламировать эту книгу для Ра, тогда он должен очиститься семь раз за три дня; жрецы и люди должны сделать то же самое».

ЛЕГЕНДА О КРЫЛАТОМ СОЛНЕЧНОМ ДИСКЕ

В 363-й год правления Ра Гармакиса вечно живущий Ра находился в стране Нубии вместе со своими воинами, но враги составили против него заговор (уу), и поэтому и по сей день эта страна носит название Страна Заговорщиков (Уауа). Тогда бог Ра вместе со своей свитой отправился в путь на своем корабле и высадился на сушу в номе Эдфу. Здесь на корабле Ра оказался бог Горбехудти [10], и он сказал своему отцу: «О Гармакис! Я вижу, как враги строят заговор против своего господина». Затем его величество бог Гармакис сказал Горбехудти: «Ты, восхваляемый сын Ра, тот, кто вышел из меня, убей скорей врага, который находится перед тобой». Горбехудти полетел к солнцу [11], как большой крылатый диск; поэтому с тех пор его стали называть Великим Богом, Владыкой Небес. С небес он увидел врагов, стал преследовать их, как огромный крылатый диск. Из-за яростного нападения на них их глаза больше не видели, их уши уже не слышали. Каждый человек быстро убил своего соседа, ни одной головы не осталось целой. Горбехудти прибыл на корабль Ра Гармакиса в виде огромного разноцветного крылатого диска. Тогда Тот сказал Ра: «Повелитель богов! Прибыл бог Бехудета [Эдфу] в виде огромного крылатого диска. С этого дня его должны называть Горбехудти [Гор из Эдфу]». И Тот сказал: «Начиная с этого дня город Эдфу будет называться городом Горбехудти». И Ра обнял Гора и сказал Горбехудти: «Ты положил виноград в воду, которая исходит из Эдфу [т. е. ты заставил красную кровь врагов течь туда], и от этого твое сердце радуется». С тех пор эта вода из Эдфу называется Виноградная Вода.

И Горбехудти сказал: «Приди, Ра, чтобы увидеть твоих врагов, лежащих там внизу, в этой стране». Когда великий Ра проделал свой путь – а вместе с ним и богиня Астарт, – он увидел своих врагов, лежащих на земле; каждый лежал, распростершись, как пленник. И тогда сказал Ра Горбехудти: «Жизнь приятна». Поэтому с того дня место обитания Горбехудти называется Приятная Жизнь. Бог Тот сказал: «Мои враги были заколоты (деб)». Стого дня ном Эдфу стал называться Деб. Тот сказал Горбехудти: «Ты великий защитник (мак-аа)». С того дня священный корабль Гора называется Великая Защита (аа-мак).

Ра сказал богам, которые находились в его свите: «Давайте совершим путешествие (кхен) в нашем корабле к Нилу; мы рады, так как наши враги лежат на земле». Канал, по которому плыл великий бог, называется Судходная Вода (пе кхен) с той поры.

Вслед за этим враги Ра ушли в воду; они превратились в крокодилов и бегемотов. Но Гармакис плыл в своем корабле дальше. Когда крокодилы и бегемоты добивались до него, они открывали свои пасти с намерением причинить вред великому богу Гармакису. Затем пришел Горбехудти; слуги в его свите были с металлическим оружием (месен) [12]. У каждого из них в руках было железное копье и цепь, которыми они поражали крокодилов и бегемотов. На это место были приведены враги в количестве 381 человека, которые были убиты у города Эдфу.

Тогда сказал Гармакис Горбехудти: «Пусть мое изваяние стоит в южной стране, так как это то место, где была одержана победа (некхт-ах)». С той поры обитель Горбехудти называется Победной (некхт-ах). Увидев врагов, лежащих на земле, Тот сказал: «Пусть полнятся радостью сердца, боги небесные! Пусть полнятся радостью сердца, боги земные! Юный Гор идет с миром, в своем путешествии он совершал чудеса, согласно Книге об убийстве бегемота» [13]. И с того дня стали ставить статуи Горбехудти из металла (месен).

Горбехудти поменял свой облик и принял вид крылатого солнечного диска, того самого, который покоится на носу корабля Ра. Он взял с собой богиню Юга Некхебит и богиню Севера Уазит в виде двух змей, чтобы они могли уничтожать врагов в их телесной оболочке крокодилов и бегемотов везде, куда бы он ни пришел, в Южной стране или в Северной.

Затем перед ним появились его враги; они обратили свои лица на юг (когда их догнали, как показывают последующие события, они уже выступили на север, отступая); мужество покинуло их от страха перед ним. Но Горбехудти был позади них на корабле Ра.

В его руке было железное копьё и цепь. С ним была его свита с оружием и цепями. Он увидел врагов на равнине к юго-востоку от Фив. И так далее. Разумеется, враги были побеждены и в этот, и в последующие разы. Они уже были отброшены в девятнадцатый ном Верхнего Египта и там потерпели поражение, когда вождь и зачинщик мятежа решил лично выйти против Горбехудти.

Смотрите, Сет вышел вперед и издал ужасный крик (неха); он выкрикивал проклятия, как Горбехудти, когда тот убивал врагов. Затем Ра сказал Тоту: «Ужасный (нехаха), он кричит из-за того, что Горбехудти сделал против него». Затем Тот сказал Ра: «Поэтому с этого дня такие крики станут называть ужасными (нехаха)». Горбехудти стал бороться с Сетом; он бросил в него свое железное копьё, бросил его на землю этого города, который с того дня стал называться Па-нехеху [14]. Когда Горбехудти вернулся, он взял с собой Сета; его копьё поразило его в шею; его цепь была на его руке, палица Гора ударила его, чтобы закрыть ему рот. Он привел его к своему отцу Ра.

Ра сказал Тоту: «Пусть спутников Сета отдадут Исиде и ее сыну Гору, чтобы они могли поступить с ними по своему усмотрению». Тогда сын Исиды Гор отрезал голову Сету и его сообщникам перед своим отцом Ра и великим множеством собравшихся богов. Он протащил его за пятки по земле и поставил трезубец ему на спину и голову (ссылка на изображения Гора, когда он стоит над Сетом с трезубцем в руке). Через несколько строк в тексте говорится: «Так совершил Горбехудти 7-го числа Тиби вместе с Гором, сыном Исиды, который принял облик Горбехудти, убийство этого злобного врага и его сообщников». Но конфликт по-прежнему не был разрешен. Сет продолжал жить, несмотря на то что был обезглавлен; он превратился в ревущего змея и спрятался в норе, которую ему было запрещено покидать. Всю страну обшарили и перебили отдельных приверженцев Сета. Время от времени сам Сет вновь появлялся, и однажды даже было необходимо прибегнуть к магическим заклинаниям Исиды, чтобы справиться с ним. Последнее поле битвы находилось у города Фалу (Зару) на дальней восточной окраине Египта. Здесь Горбехудти в облике льва перебил 142 врага; он убивал их своими когтистыми лапами, вырывал их языки, и их кровь текла рекой. Потом оставшиеся враги бежали к морю.

Тогда обратился Ра к Горбехудти: «Остановись, давай отправимся к морю, чтобы уничтожить врагов, принявших облик крокодилов и бегемотов, у берегов Египта». И Горбехудти сказал богу Ра: «О Владыка богов! Навигация остановилась из-за того, что третья часть оставшихся врагов находится в море». Тогда Тот прочитал главу о защите корабля и лодок воинов, чтобы успокоить бушующее море. Магические заклинания были, разумеется, эффективными; любое упоминание об этом опускалось как совершенно излишнее, и враги, которые вызвали шторм, все исчезли. Тогда Ра сказал Тоту: «Разве мы не пересекли всю землю? Разве мы не преодолели (секед) все море?» Тот сказал: «С этого дня эта вода (море) будет называться Преодоленное Море (секед)».

И боги к ночи повернули назад, так как они больше не видели врагов. Когда они приблизились к Нубии и городу Шасхер, Горбехудти увидел врагов и их сторонников на земле Уауа, которые строили заговор (уауа) против своего господина Гора. Бог снова превратился в крылатый солнечный диск и в этом обличье перебил их.

После этой последней победы боги вернулись в свою страну. Гармакис приплыл на своем корабле и высадился у Трона Гора (Тес Тер, Эдфу). Тот сказал: «Метатель лучей, который вышел из Ра, он победил врагов в облике крылатого солнечного диска; с этого дня он будет называться Метателем Лучей, который появляется из-за горизонта». Гармакис сказал Тоту: «Пусть это солнце будет везде, где я обитаю, где обитают боги в Южной стране, где обитают боги в Северной стране и подземном царстве, чтобы оно могло изгнать Зло из их окрестностей». И Тот сделал это в каждом месте обитания богов – как много бы их ни было. И теперь крылатый солнечный диск есть на храмах всех богов и богинь в Египте, так как их святилища также являются святилищами Горбехудти.

Рассказанная легенда переведена с оригинала большей частью буквально. Она представляет интерес с разных сторон. Она замечательно иллюстрирует то, что уже заметно в легенде об уничтожении человечества: характерный для египтян порыв объяснить происхождение определенных обозначений (имен, названий) игрой слов. Из-за того, чтобы бог произнес какое-то слово в определенной ситуации, это слово, как они утверждают, стало названием чего-либо связанного с этой ситуацией. Разумеется, это была точная инверсия реального процесса, благодаря которому эти самые простые высказывания были придуманы, так как они были попытками объяснить уже существующие названия, приписывая богам высказывания, фонетически намекающие на слова, о которых идет речь. При этом почти никакого внимания не обращается на грамматику. В качестве примера можно привести группу знаков, означающих «Великая Защита», которые использованы для объяснения выражения «Величайший Защитник». Еще меньшее значение придается смыслу, вопиющим примером чего является надпись эпохи Птолемеев в Филе, в которой имя Исида объясняется следующим образом: «Когда родилась Исида, ее мать Нут сказала, увидев ее: «Смотрите! (Ас)Это я» [т. е. мой образ и подобие], и поэтому богине было дано имя Исида (Аст)». Очевидно, такая игра слов имеет не больше мифологического значения, чем этимология, предложенная греками и римлянами для объяснения имен своих богов. Но выдвижение в этих мифах таких каламбуров на первый план является хорошим указанием на сравнительно позднее их происхождение, так как это подразумевает, что требовалось найти способ объяснить существование священных имен, которые уже перестали быть понятными. Эти мифы также являются поразительными примерами смелости египетских выводов в лингвистической мифологии, в то время как их исключительно прозаическая форма выдает нехватку воображения и отсутствие какого-либо чувства поэтической конструкции. В последнем отношении они представляют собой заметную противоположность красивым и образным объяснениям, данным в свое время греческими и римскими поэтами архаическим словам, потерявшим свое первоначальное значение. Это предложенное сравнение национального таланта является более подходящим, так как легенда о крылатом солнечном диске была чрезвычайно популярной. Она пережила падение язычества и затронула ряд коптских текстов, которые, используя хорошо известный апокрифический рассказ о путешествии Христа (когда тот был ребенком) по Египту, описывают победное шествие Спасителя по долине Нила и рассказывают о том, как Он прогонял своих врагов с места на место и уничтожал их во время своего путешествия.

Наконец, этот текст ценен как образец намеренного мифологического синкретизма, с которым часто сталкивается читатель в более ранних текстах. Главный смысл рассказа состоит в описании конфликта бога Ра с его врагами, которые, подобно людям в легенде об их уничтожении, пользуясь его преклонными годами, строят против него заговор. Ра не сам вышел разрешать конфликт, а обратился за помощью к богу Горбехудти в облике крылатого солнечного диска. Горбехудти также изначально был солнечным божеством, но при слиянии различных культов его стали изображать как бога, подчиненного Ра, а не как его аналог. Ему выпала задача победить врагов солнца, и он выполнил ее, пройдя весь Египет в сопровождении Ра, и всегда отражал зло, охраняя от него царя богов. И поэтому все надеялись и верили, что он всегда и везде будет проявлять эту свою благотворную силу, а изображение крылатого солнечного диска помещали над входами во внутренние помещения любого храма и над его воротами, а также на стелах и других объектах как знак, защищающий от зла и особенно от уничтожения. Именно к этому относятся заключительные слова текста. Иногда эта эмблема представляет собой просто крылатый солнечный диск, но также можно увидеть ее в сочетании с двумя змеями по одной с каждой стороны диска, которые иногда увенчаны коронами Верхнего и Нижнего Египта. Они символизируют богинь, охраняющих две части страны, которых Горбехудти взял с собой для разрешения конфликта, а именно: богиню Некхебит и Уазит – греки их называли Эйлейтия и Буто. И хотя они редко представлены в Древнем царстве, эти

крылатые диски были широко распространены в Новом. В более поздние времена их можно было увидеть расположенными один под другим на одном и том же памятнике, что выражало надежду на то, что сила священного символа может возрасти благодаря его повторению.

Приведенный выше вариант мифа представлял собой местную легенду Эдфу, где Горбехудти почитали как бога этого нома, и только постепенно его стали признавать на остальной территории Египта. И хотя схожие легенды о боге солнца происходят из других местностей, тем не менее они приписывают роль его защитника другим божествам. Так, Анхер, бог Фиса, носил в Абидосе прозвище Истребитель Врагов, и его задачей было стоять на носу корабля солнца и разить копьём всех существ, особенно крокодилов и бегемотов, которые мешали кораблю Ра плыть вперед. В других местах похожая роль приписывалась богу Шу.

Старый миф о борьбе Горбехудти с врагами Ра, которые представляют силы тьмы, в тексте из Эдфу соединен со вторым мифом, а именно с мифом о походе сына Исиды Гора с целью отомстить Сету за убийство своего отца Осириса. К рассмотрению этого второго мифа мы вернемся чуть позже. В общих чертах он перекликается с оригинальным вариантом легенды о Горбехудти. В соответствии с ним Гор пересек весь Египет и везде одерживал победу над Сетом и его приверженцами. Но в этом случае враги не являются силами тьмы, враждебными богу света; это злобные враги добра. В обоих случаях конфликт не разрешен. В мифе о Горбехудти, после того как враги Ра были отброшены на север через всю территорию Египта, они внезапно появляются на юге, и таким образом возникает угроза того, что война разразится заново, потому что, хотя свет и может в действительности одержать победу над тьмой и отбросить ее, он все-таки не может покончить с ней. Так же и в мифе о Горе: добро одерживает победу над злом, но у него нет сил уничтожить его в мире насовсем. Поэтому также в рассказе о походе Гора в мифе Эдфу Сет терпит поражение, и его казнят, но он тут же возвращается к жизни и нападает на бога в другом обличье. Сам Осирис не упоминается в надписи, но легенда о нем предполагается, и без нее не было бы смысла поручать наказание Сета Исиде, на которую, как на супругу и сестру убитого бога, пал долг отомстить за его кровь.

Было много более коротких мифов, связанных с богом Ра, помимо трех главных мифов, которые были изложены в этой главе. Но один из них имеет большое значение, так как предлагает мифологическое объяснение солнечного и лунного затмения. Он рассказывает о том, как однажды Гор пожелал увидеть всех существ, созданных Ра, и, наконец, Ра показал ему черного борова; в тот же миг Гор почувствовал сильную боль в глазу, потому что Сет превратился в борова, чтобы причинить вред Гору. Поэтому Гор, когда выздоровел, больше никогда не принимал в качестве жертвоприношений свинью. В пересказе греков этот миф предстает в измененном виде. В нем говорится о том, что Сет ранил Гора в глаз, вырвал его и проглотил, но потом его заставили возратить его Гелиосу (Ра).

Глава 4 ПРОХОЖДЕНИЕ СОЛНЦА ЧЕРЕЗ ПОДЗЕМНОЕ ЦАРСТВО

Самый северный из великих храмов Фив – это храм Карнака, построенный на западном берегу реки фараонами Сети I и Рамсесом II приблизительно в 1350 году до н. э. Покинув равнину и повернув в холмы чуть севернее этого храма, путешественник сейчас добирается до узкого прохода в скалах, который проделал в доисторические времена водный поток в поисках стока в Нил. Через несколько сотен ярдов есть развилка в этом древнем водном русле, но два его рукава тянутся позади Ливийских гор почти параллельно друг другу до высот над долиной Ассассиф посреди некрополя Фив. И прежде чем ближайший к Нилу рукав оборвется на крутой скале, по бокам его пронизывают двадцать три прорезанных в скалах прохода, ведущие к гробницам царей Нового царства, тогда как во втором ущелье были обнаружены лишь две такие гробницы, покрытые надписями. В древности можно было увидеть гораздо больше царских могил. Страбон упоминает о том, что около сорока царских гробниц достойны того, чтобы их осмотреть. Но в настоящее время входы в них частично скрыты под осыпью, которая произошла от выветривания скал и оседания их в расположенную внизу долину. Вряд ли их найдут снова, если не поможет случайность. Действительно, только случай помог увидеть, что дождевой поток исчезает в скалах, вместо того чтобы течь вниз, в долину. Это привело к открытию среди них самой прекрасной гробницы, которая стала местом упокоения мумии фараона Сети I.

Эти гробницы относятся к Восемнадцатой, Девятнадцатой и Двадцатой династиям. От входа гробницы коридор, который иногда имеет ступеньки, ведет наклонно вниз в скалу, время от времени расширяясь и образуя помещения, или же в нем появляются входы в различные помещения, вырубленные в его стенах. Но при этом он сохраняет одно и то же общее направление и в конце концов достигает большого зала, в котором стоит царский саркофаг. Дальние комнаты могут быть связаны с залом, где стоит саркофаг, или же из него может вести коридор, заканчивающийся тупиком. Различия планов этих гробниц объясняют так: царь начал готовить себе место захоронения при вступлении на престол, приказав проделать простой коридор, ведущий в погребальную камеру; но, продолжая жить, он тянул этот коридор до второй камеры и т. д., пока смерть не клала конец этому процессу расширения. И таким образом гробница Сети I достигла в длину почти двухсот футов.

Стены коридоров и помещений, потолки и сам саркофаг были украшены сценами и надписями, относящимися исключительно к потустороннему миру. Один из таких текстов, написанных на стене, текст легенды об уничтожении человечества, уже был предложен вниманию читателя; два других, «Отречение от грехов» и «Погребальная церемония», потребуют нашего внимания, когда мы будем рассматривать учение Осириса о бессмертии. Многие другие останутся без внимания, такие как литании к солнцу, семьдесят пять обращений к богу солнца, которые следует читать вслух «в вечерний час, когда у Ра появляется настоящий голос (маа кхер) против своих врагов в подземном мире», т. е. эти заклинания следует использовать, когда умирающее солнце, преодолевая все препятствия, вступает в другой мир в качестве благословенного бога. В этих литаниях бога заклинают, называя его всевозможными тайными именами, непонятными без подробного комментария, которые изображают его как существо, все охватывающее и объединяющее в себе самые различные божественные функции. Так, они свидетельствуют о сильном влиянии синкретизма даже в 1300 году до н. э. Но еще более важными, чем эти литании, для понимания религии египтян являются два пространственных текста, которые мы сейчас будем рассматривать: это Книга Ам Дуати Книга Врат. В некоторых гробницах, которые мы уже описывали, текст Книги Ам Дуат («Книга того, что есть в подземном царстве») сопровождается сценами, изображающими части потустороннего мира и его обитателей. Этот текст был также написан на саркофагах, как, например, на саркофаге царя Некхт-Херхета (Нектанеб I, умер около 369 года до н. э.), который в настоящее время хранится в

Лондоне. Его также писали и на папирусе, особенно в период правления Двдцатой – Двдцать второй династий, и в таком виде его клали в могилы жрецов и жриц Амона. Экземпляры, которые дошли до нас, можно разделить на две группы. Одна состоит из тех, которые дают нам полный текст со всеми событиями, а другая – из примеров, обычно на папирусе, которые излагают часы ночи с первого до седьмого вкратце, а оставшиеся пять – подробно. Любопытно то, что текст представлен как в полной, так и сокращенной форме в гробнице Сети I: не было никакой необходимости делать это. Повторение произошло благодаря равнодушию египетских писцов, которые копировали различные религиозные тексты, возможно случайно оказавшиеся в их распоряжении, безотносительно их содержания и поэтому рисковали продублировать тексты на одном и том же памятнике. Какой бы великолепной ни была гробница Сети I, среди ее надписей нет никакого порядка: тексты, относящиеся к различному времени суток, не следуют друг за другом в правильной последовательности, а художник располагает их, как ему удобно, в соответствии с тем, как позволяет место.

В этих текстах было двенадцать частей Дуата, и путешествие солнца ночью по каждой из них занимало один час. Эти части именовались полями, городами или жилищами, и в каждое можно было войти через дверь. Они были связаны между собой рекой, по которой бог солнца совершал свое путешествие на корабле с запада на восток. На ее берегах обитали всевозможные духи и демоны. Сцены, относящиеся к реке, разделены на три ряда: верхний ряд представляет правый берег, средний – реку, а нижний ряд – левый берег. Сами демоны далеко не однородны; некоторые были древними богами, другие – более поздними воплощениями, наделенными формами, которые были приспособлены к качествам, которые, как считалось, было необходимо им приписать. Например, некоторые демоны изображены в виде обезьян, потому что их назначение состояло в том, чтобы поклоняться заходящему солнцу: египтяне, заметив, что все обезьяны лопочут на закате, приняли это за выражение любви к солнцу. Другие демоны, женского и мужского пола, кололи и разрывали на части грешников и поэтому имели ножи и копья и носили такие имена, как Денит(та, которая режет), Некит(та, которая разрывает на куски), Шесри(пронзающий) и т. д. Третьи обязаны своим видом и именем исключительно живой фантазии египтян, которые испытывали поистине восточное удовольствие, выдумывая невозможное. Взглянув на текст Ам Дуат, не трудно понять, что в нем есть почти все мыслимые комбинации животного и человека; тем не менее для египтянина все эти существа были реально существующими, и он надеялся или, скорее, страшился встретиться с ними после смерти. В этих фантазиях обитатели долины Нила превзошли все другие народы древности, о которых у нас имеются письменные источники.

В своей более короткой и понятной версии это произведение начинается со слов: «Начало открытия Аменти[т. е. Запада и, следовательно, подземного царства], границы сгущенной тьмы» (т. е. подземного царства, области, куда прячется тьма и собирается в течение дня, откуда она угрожает снова накрыть землю, как только власть солнца начнет ослабевать).

«Бог [солнце] выходит с земли, с западного горизонта. Он должен преодолеть сто двадцать атеру [15] в этом пространстве, прежде чем он придет к богам Дуата. Нет Ра, река Ра, – это название первого поля Дуата. Ра выделяет поля богам, которые находятся в его свите. Он начинает отдавать распоряжения богам Дуата относительно этого поля. Если человек изображает это в соответствии с появлением в Аменти Дуата [т. е. если состояние вещей, реально существовавших в Дуате, показано должным образом] и знает эти картины, которые являются изображением самого великого бога, тогда тот, кто это делает, будет сиять на земле, он будет сиять в великом Дуате. Ушемт хату кхефтиу Ра(Истребитель переднего края врагов Ра) – таково название этого первого часа ночи, который ведет этого великого бога в эту часть подземного царства».

Иллюстрированный вариант текста, который находится в гробнице Сети I, представлен с незначительными изменениями и также рассказывает о части подземного царства, которую пересекает солнце в течение первого часа ночи. Водный поток течет по ней, а по нему плывет корабль. В каюте стоит бог солнца со скипетром в одной руке и знаком жизни в другой; его голова представляет собой голову барана, увенчанную солнечным диском. Это бог Аф Ра, «плоть Ра» – не сам Ра, так как солнце умерло, но его плоть и кровь, – потому что даже тело Ра бессмертно. Знак жизни, который держит эта фигура, олицетворяет жизнь, которая остается у него даже после смерти. Скипетр – это символ его господства над подземным царством. Голова барана служит для того, чтобы показать, что он не просто бог солнца Ра, которого всегда изображают с головой ястреба, а что он здесь проявляет себя в виде Амона Ра из Фив, чьим земным воплощением был баран.

Перед каютой стоит Ап-уат, Открывающий Пути, аналог Анубиса, чьей обязанностью было вводить душу Ра, а также души умерших людей в подземное царство. Следующим идет Са, бог вкуса и знаний, и фигура женщины с рогами коровы, между которыми находится солнечный диск. Она именуется Хозяйкой Корабля. Позади каюты стоят: бог Гер-хекену с головой ястреба, который в этом путешествии является представителем Ра; Шу в облике Ка; Нехес(Наблюдатель), Ху(Молотобоец) и рулевой корабля у руля. Таким образом, присутствует Ка как одна из форм проявления бога солнца, ведь он, как и Ка в облике человека, должен спуститься в подземное царство вместе с существом, с которым он связан, и там оставаться с ним, существуя при этом независимо от него.

Впереди корабля шествуют двенадцать богов, во главе которых идет Страж Часов с ножом в руке. За ними ползет змея, а позади нее стоят четыре сундука, каждый из которых увенчан человеческой головой и назван соответственно: Речь Осириса, Речь Кхепера, Речь Тума и Речь Ра. Их следует рассматривать как олицетворение слов четырех богов, существующих независимо от самих богов. Следующим изображен великий Светоч с головой барана, который, очевидно, является формой проявления бога солнца, хотя и отделен от него. Позади него – верный спутник солнца богиня Секхет с головой львицы, или, как ее здесь называют, Секхмет,та, которую перевозят, а за ней следом идет Тот, кто обитает в Аменти, Осирис в виде мумии, на которую надета корона Верхнего Египта, далее бог в человеческом облике, вооруженный ножом и носящий имя Тот, кто режет на куски, и, наконец, идут две богини: Правды и Справедливости. Текст, сопровождающий эти картинки, приблизительно повторяет вводные слова, но с одним примечательным дополнением, которое гласит, что это река Урнес [16], а корабль солнца – это корабль Секти. В этом месте текста размеры данной части подземного царства оцениваются как 220 атерув ширину и 300 в длину. Это отклонение от вышеприведенных данных показывает, насколько египтяне пренебрегали последовательностью в религиозных вопросах. Возможно, эти размеры были по-разному подсчитаны авторами, а составители этого текста посчитали, что лучше поместить рядом два варианта, чем рисковать и выбрать неправильный вариант.

Ряд, расположенный ниже, изображает тех, кто ждал бога и его спутников в поле первого часа и сопровождал его, отставая, когда тот переходил в следующий час. Здесь изображены десять божеств, некоторые с посохами в виде змей, и три длинных пятнистых змеи. Далее следует корабль, в центре которого висит скарабей; ему поклоняются, как этому Ра, два мужчины, каждого из которых зовут Осирисом. Эта сцена, очевидно, должна изображать поклонение мертвых солнцу. Надпись над изображением гласит приблизительно следующее: «Этот бог пересекает эту часть подземного царства в облике барана. После того как он пересек ее, мертвые, которые находятся в его свите, не поднимаются вместе с ним [во владения других часов]; они остаются в своей части подземного царства. Но Ра отдает распоряжение [в пользу мертвых, которым он дарует места обитания] богам, которые пребывают в этой части подземного царства». Мертвые,

на которых здесь сделана ссылка, – это те, чьи души в момент смерти поспешили к отверстию в западных небесах, через которое Ра вступает в подземное царство. До этих пор они следовали в свите за богом, но здесь их путешествие закончилось, и только те могли вступить на корабль солнца и продолжить путь с богом солнца, кто пользовался особой благосклонностью бога и кто знал «Книгу всего, что есть в Дуате». Остальные оставались, и даже сам Ра не обладал достаточной властью для того, чтобы взять их с собой.

На левом берегу реки Урнес сидели на корточках девять бабуинов, «носильщики этой великой души», существа, которые, как только солнце достигало Запада, открывали ему ворота первого часа подземного мира. У каждого из них было свое имя: Тот, кто открывает Землю, Душа Земли, Сердце Земли, Двойное Сердце Земли, Тот, кто созерцает Ра и т. д. Далее шли двенадцать богинь, «те, которые восхваляют на земле», т. е. они возносят хвалебные гимны богу в тот момент, когда он покидает землю и вступает в подземное царство. Их именами были названия двенадцати часов дня. Они прощаются с Ра и возвращаются на восточное небо, чтобы там ожидать новое солнце. После этих богинь изображены девять богов, сидящих на корточках, – трое из них в человеческом облике, трое – шакалы, а еще трое – с головами ястребов – боги, которые поклоняются Ра. А с ними еще двенадцать богинь, тех, которые ведут Великого Бога. Эти богини носят имена, созвучные названиям двенадцати часов ночи, и они теперь вместо дневных часов ведут бога солнца.

На правом берегу реки Урнес находятся, во-первых, еще девять бабуинов (те, что восхваляют Ра); далее следуют двенадцать змей, изрыгающих огонь, чтобы осветить мрак подземного царства. Это богини, которые освещают тьму в Дуате. Девять мужчин, следующих за ними, превозносят владыку цикла богов, т. е. Ра и двенадцать сопровождающих его богинь воздают хвалу Ра, когда он пересекает Урнес.

Здесь заканчивается описание первой части подземного мира. Когда Ра пересекает ее целиком, открываются двери, и он вступает во владения второго часа ночи, все еще продолжая свой путь по реке Урнес. Боги, которые плывут с ним на корабле, одни и те же на протяжении этого путешествия, но спутники, находящиеся не на борту, а особенно демоны на обоих берегах реки, меняются постоянно. Нет нужды рассматривать их поодиночке. Описание первого часа может послужить демонстрацией того, каким египтянин представлял себе Дуат. Только однажды в изображении того, как бог продвигался вперед от часа к часу, было важное изменение: количество демонов с каждым часом возрастало, они представляли во все более и более фантастическом облике, и все увеличивалось количество смешанных человеческих и животных форм. У всех демонов были свои имена, которые умерший египтянин должен был знать наизусть. Если же он не выучил их, у него должен был быть папирус, с которого он мог бы прочитать их, если только он не был предусмотрителен в течение своей земной жизни и не обзавелся путеводителем по Дуату, выцарапанным на стенах своей гробницы, как это сделал Сети I.

Как во владениях первого часа, так и в каждой части подземного царства, Ра оставлял некоторых своих спутников, приведенных им с земли, и наделял их участком, который они должны были обрабатывать. Раздавая своим последователям землю в качестве награды за службу и поощряя их в дальнейшем хранить ему верность, Ра действовал так же, как обычно делали земные цари для вознаграждения верных подданных. Фараон был вынужден придерживаться этой линии как средства предотвращения сепаратистских тенденций, всегда свойственных египтянам и ведущих к восстаниям; он также стремился обеспечить себе верных и преданных вассалов в каждом номе. Точно так же Ра действовал и в своих собственных интересах, так как хотя он и давал свет, следуя по своему пути к жителям подземного царства, но не мог без дополнительной помощи победить демонов тьмы. С этой целью ему требовались союзники, а их он находил не только среди добрых демонов Дуата, но и среди мертвых, которых поселил в этом царстве и которые были привязаны к земле, подобно земным

вассалам, привязанным к данным им земельным участкам. Здесь они ожидали своего господина Ра, чтобы помочь ему в его борьбе со змеем Апопом, олицетворением тьмы. В некоторых частях текста Осирис изображен как равный богу Ра; другие ссылки показывают, что эти двое отличались друг от друга: к Осирису относились как к постоянному владыке мертвых в Дуате. Эти противоречия свидетельствуют о том, что учение, изложенное в этих текстах, уже не было однородным, а представляло собой смешение отдельных теорий. В дальнейшем это становится очевидным во введении, где там и сям мы видим еще одно гетерогенное божество в лице Сокариса, которому приписывались владения четвертого и пятого часа путешествия. В своем путешествии по последним отделениям подземного царства Ра встретил скарабея Кхепера, бога утреннего солнца, который после этого взшел на корабль с мертвым богом солнца вчерашнего дня, чтобы сопроводить его до восточного горизонта, где начнется его собственная власть.

Шестая и седьмая части подземного царства были в особой мере посвящены Осирису. В первом из них было много существ, связанных с мифом об Осирисе: Исида, ибис, Гор и различные формы проявления самого Осириса. Здесь в большом помещении жили цари Верхнего Египта, люди, щедрые на приношения, – то есть богатые люди, которым их оставшиеся жить родственники делали много жертвоприношений, – цари Нижнего Египта и прославленные духи. Им бог гарантировал владение полями, непрерывное правление, власть над магическими заклинаниями, которые они выучили, и личное наслаждение приношениями, которые были сделаны для них. Во владениях седьмого часа змей Мехен («Обхватывающий») обвился вокруг каюты Ра. И теперь наступил момент самой острой части конфликта со змеем Апопом, который был в конце концов побежден и пронзен ножами, в то время как благодаря заклинаниям Исиды корабль солнца продолжал самостоятельно идти своим путем. Здесь, в седьмой части подземного царства, находились четыре сундука, частично заполненные песком, помимо которого в них находились формы проявления Тума, Кхепера, Ра и Осириса. Будучи талисманами необычайной силы в потустороннем мире, которые, по-видимому, являлись на помощь Ра по его зову, каждый охраняла богиня, вооруженная ножом. Рядом находились змеи, которые изрыгали пламя на врагов Осириса и пожирали души его врагов; здесь были также звездные боги и божества каждого часа.

В девятой части подземного царства змеи изрыгали огонь, чтобы осветить дорогу Ра, чтобы он мог задержаться там. Как только он проходил, они поглощали пламя, чтобы снова извергнуть его в конце двадцать третьего часа. Языки пламени поражали врагов Ра, и змеи питались кровью тех, кого они ежедневно убивали. В десятой части подземного царства находилась, главным образом, вода и водные обитатели. Здесь есть сцена, изображающая рождение Кхепера, что, таким образом, противоречит сказанному выше, будто он впервые появляется в пятом часу. Тайный путь вел из одиннадцатого отделения подземного царства в Сейс; его охраняли две ипостаси богини Нейт. Одна из них была в короне Верхнего Египта, а другая – Нижнего. Так как Нейт из Сейса считалась матерью Ра, эта дорога, несомненно, была предназначена для того, чтобы дать ей возможность добраться до подземного царства из ее собственного города и здесь родить бога солнца. Рядом с дорогой горели большие костры, в которых сжигали врагов Ра под присмотром Гора. В двенадцатой и последней части подземного царства, наконец, появляется новое солнце в своем земном облике. Получив новую жизнь, оно поднимается над горизонтом благодаря богу Шу, и вместе с ним выходят на свет дня души умерших людей, которым благодаря своим знаниям магических заклинаний удалось остаться на корабле солнца и на нем пересечь весь Дуат. Поэтому они должны навсегда оставаться с Ра, быть неотделимыми от него и все же не терять своей индивидуальности.

Идея бессмертия и обновления мира, представленная в этом тексте, необычна. В центре этого учения находится мертвый бог Ра, и тем не менее с ним слились части учений, относящихся к культу Сокариса и Осириса. Но этот Осирис не тот, что фигурирует в Книге мертвых и которого мы будем рассматривать чуть позже. Он, как и Сокарис,

является здесь богом солнца, которого иногда воспринимают как второстепенную форму проявления Ра, а иногда как правителя части подземного царства, которое целиком принадлежит Ра. Согласно этому учению, бессмертные ожидают всех людей, но только друг Ра мог ожидать, что будет владеть полями в Дуате, урожаем с которых спасет его от голода. Ежедневно в течение часа он будет иметь возможность видеть солнце, а в остальное время окажется погружен во тьму, которую в лучшем случае развеет огонь, изрыгаемый из пасть змей, или море пламени, которое пожирало врагов Ра. Криками радости он приветствовал свет, когда появлялся его бог, но эта радость была коротка: в конце часа дверь за его господином закрывалась, и он снова оставался в темноте. Такова была участь даже царей и богатых и великих людей, за исключением того, что в их случае она была настолько облегчена, что они получали пищу, нисколько не утруждаясь. Мало было таких, кто навсегда оставался с солнцем, и не обязательно они были выдающимися или очень хорошими людьми на земле. Ими были те, кто обладал самой подробной информацией о потустороннем мире и был сведущ в магии. Таким образом, все учение основано на вере в силу магии: только благодаря магии можно было победить демонов и достичь вечного блаженства; идея добиться его добродетельным поведением в земной жизни также является его предпосылкой: единственное, что требовалось в этом отношении, – это не быть при жизни врагом Ра.

Второе произведение, найденное в гробницах царей и описывающее продвижение солнца по подземному царству, – Книга Врат – в основном переключается с вышеизложенным, особенно в изображении жизни мертвых как обитателей тьмы, которую пронизывает свет солнца в течение лишь одного часа из двадцати четырех. Но он восполняет один пробел, имеющийся в тексте Ам Дуат, и изображает суд Осириса над праведниками и грешниками. Сцена этого помещена между пятым и шестым часами пребывания солнца под землей. Здесь Осирис сидит на своем троне, на ступенях которого размещаются девять богов, образующих окружение Осириса. Перед Осирисом стоят весы, на которых человек взвешивает свои поступки, а позади стоит Анубис, который в этой сцене присутствует лишь как зритель, хотя, согласно обряду Осириса, это он должен вводить мертвых в зал суда. Сопроводительный текст гласит, что все враги Осириса повержены и уничтожены; сцену уничтожения иллюстрирует изображение бога Тота в небольшой лодке, в которой он представлен как бабуин с палкой в руке, изгоняющий из зала суда и из рядов праведников борова, который носит имя Пожирателя Руки и символизирует Сета, врага Осириса.

Шестой час показывает нам финал сцены суда: праведники работают на своих полях, а грешники, привязанные к столбам, ожидают наказания огнем и водой, которое следует отчасти в восьмой час. Сельскохозяйственные сцены во многом напоминают Поля Аалу, существующие в культе Осириса. Но Аалу был залит светом, а здесь света нет или почти нет.

Сходное мрачное представление о жизни после смерти изложено в отдельных текстах, равно как и в Книге Врат; но во многом оно отличается и имеет некоторое сходство с восприятием этой темы греками, когда жизнь мертвых изображается как мрачное существование. В надписи на стеле, относящейся к временам Клеопатры и хранящейся в Британском музее, умершая женщина так взывает к своему мужу: «О мой брат, мой муж, не прекращай есть и пить, будь пьян, наслаждайся любовью женщин, устраивай праздник. Следуй своим желаниям и днем и ночью; пусть тревоге не остается места в твоём сердце. Ведь Аменти это страна сна и тьмы, обитель тех, кто там остается. Они спят в виде мумий, они больше никогда не просыпаются, чтобы увидеть своих друзей, они не видят ни отцов, ни матерей, их сердца не тревожатся о женах и детях. На земле каждый вкушает воду жизни, но я страдаю от жажды. Вода приходит к тому, кто находится на земле, а я жажду воды, которая находится рядом со мной. С той поры, когда я пришла в эту долину, я не знаю, где нахожусь. Я хочу воды, которая течет мимо меня. Я желаю, чтобы ветер на берегу реки облегчил горе в моем сердце. Ведь имя бога, который правит

здесь, Абсолютная Смерть. Услышав его зов, все люди, дрожа от страха, идут к нему. Он не делает различия между богами и людьми; перед ним великие и малые равны. Он не выказывает расположения к тому, кто его любит; он выхватывает ребенка у матери, забирает старика. Никто не приходит поклоняться ему, потому что он не милостив к тем, кто ему поклоняется; он не смотрит на того, кто приходит к нему с приношениями».

Книга Врат начинается с описания вступления солнца в подземное царство. В облике диска, вокруг которого свернулась змея, бог солнца на своем корабле приближается к долине, ограниченной двумя высокими песчаными холмами. На одном берегу стоит штандарт с головой барана, а на другом – с головой шакала; ведь в подземном царстве бог будет носить голову барана, в то время как шакал является символом Анубиса, его проводника. Перед каждым штандартом на коленях стоят два духа: дух Дуата и дух земных холмов, т. е. регионов, которые образуют границы, сходящиеся у ворот в подземное царство. Долину закрывает простая дверь, которая при помощи заклинаний открывается для Ра, который входит через нее во владения первого часа с головой барана на плечах. Демоны здесь полностью описаны так, как и в других частях, и через все место действия течет одна и та же река, по которой путешествует солнце в сопровождении своих спутников, а справа и слева на ее песчаных берегах стоят духи.

Но хотя устройство подземного царства в общем соответствует тому, что было описано в тексте «Ам Дуат», тем не менее детали, имена демонов, сцены и тексты отличаются на всем своем протяжении. На схожих фундаментах мы имеем в целом различные надстройки. У египтян сложились две отдельные концепции потустороннего мира, и им было так трудно сделать выбор в пользу одной из них, что иногда они обе представлены в одной и той же гробнице.

Начнем с того, что деление между двенадцатью часовыми частями ночи проводится по-разному. В «Ам Дуат» достаточно одной двери; во втором тексте, за исключением первого часа, мы видим настоящие укрепления. Каждая часть обнесена стеной, единственный узкий проход в которой ведет в коридор между двумя зубчатыми стенами, и этот проход имеет поворот под прямым углом, чтобы еще больше затруднить проникновение. Этот метод строительства в настоящее время можно увидеть в египетских укреплениях, дошедших до наших дней. В каждом конце этого коридора стоит мумия, а в углу с каждой стороны свисает змея, изрыгающая пламя, которое огненным потоком течет вдоль дороги. Помимо этого там находятся девять богов, которые стоят, повернувшись спиной к стене, чтобы защитить ее. Сам Ра мог пройти, только произнеся заклинания; но если они были произнесены должным образом его проводником, мумифицированные фигуры раскрывали ему объятия, змеи прекращали изрыгать пламя, а огромный змей, дежурящий у ворот в конце коридора, пропускал его во владения следующего часа. Едва только Ра проходил, демоны снова были на страже, как и раньше. И все-таки, несмотря на эти защитные меры, бог не был в безопасности: его везде встречали враги, а особенно змей Апоп, которого он должен был победить.

И наконец, заключение этого текста привлекает внимание тем, что в нем говорится о рождении нового солнца гораздо подробнее, чем в «Ам Дуате». Когда в конце двенадцатого часа ночи захлопнулась последняя дверь, среди душ, обитающих в Аменти и остающихся во тьме, воцаряется великая скорбь. Но Исида и Нефтида – каждая в облике змеи – сидят у ворот, чтобы защитить молодого бога солнца, как они защищали Гора, сына Исиды. Перед ними простираются первозданные воды Ну, из которых, как рассказывает нам один из мифов, возникло все. Из них должен подняться и Ра, и, чтобы осуществить это, бог вод поднимает его вместе с его кораблем «Мадет». Ра находится посередине корабля, а рядом с ним, как его телохранители, стоят Исида и Нефтида, а на корме находятся Себ, Шу, бог Хек, знающий магические слова, и два рулевых. Впереди стоят три привратника, которые открыли ворота дня и которые также будут открывать различные двери верхних небес. Богиня дневного неба Нут тянется с другой стороны, чтобы принять солнце. Она стоит на фигуре, которая, касаясь ступнями головы, образует круг и зовется

Осирис, который окружает Дуат. Такое расположение фигур означает, что дневное небо поднято над ночным небом, царство Нут находится над царством Осириса.

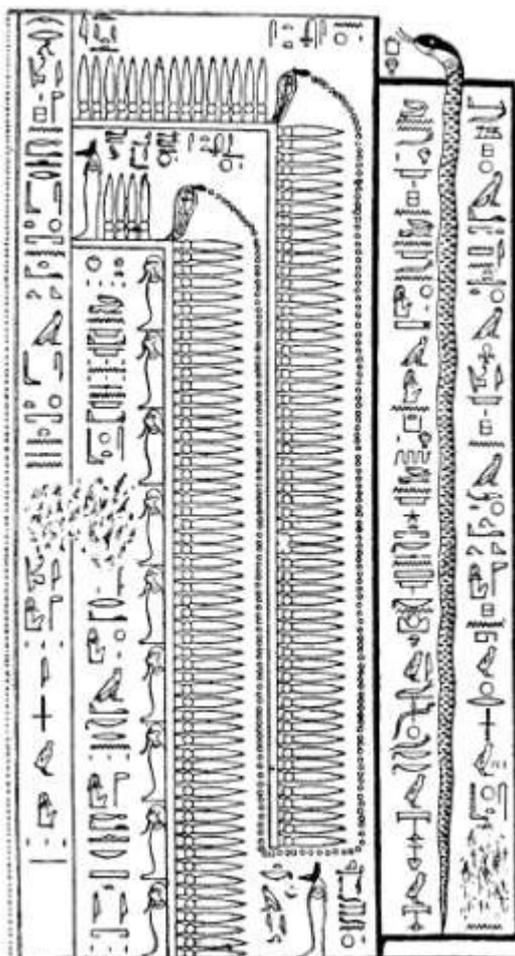

Рис. 13. Врата в подземное царство. Девятнадцатая династия

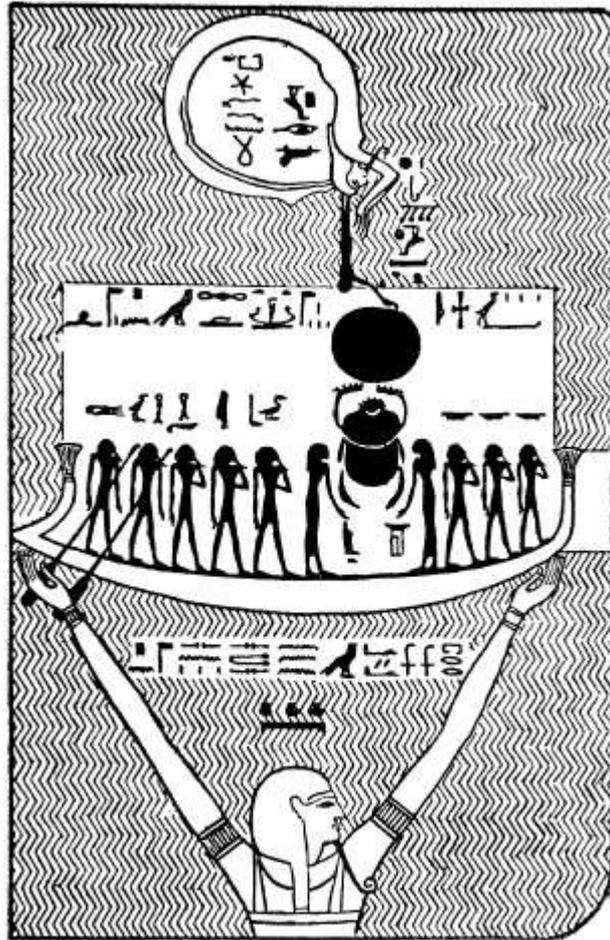

Рис. 14. Бог Ну поднимает корабль солнца в конце ночи. Саркофаг Сети II

У нас уже не раз была возможность заметить, что учение, содержащееся в этих текстах, уже не является «чистым», а включает в себя много заимствованного из учения об Осирисе, которое имело независимое происхождение. Это влияние было обоюдным. В Книге мертвых, в которой изложена вера в Осириса, нам постоянно встречаются отрывки и ссылки, которые, строго говоря, не имеют ничего общего с основным культом и фактически часто прямо противоречат его догмам. Во многих случаях они взяты из текстов, имеющих отношение к прохождению солнца через подземное царство. Так, в главе 15 Книги мертвых мы находим ссылку на то, что Ра освещает Дуат, а также упоминается появление змея Апопа; есть и другие факты, указывающие на общепринятую синкретическую тенденцию.

Глава 5 ГЛАВНЫЕ БОГИ

Египетский храм был, как правило, посвящен какому-то одному богу, который обитал в этом святилище. Ему делались главные жертвоприношения, и в его честь устраивались большие местные праздники. Об этом ясно говорят надписи на стенах. Но те же самые надписи делают очевидным то, что бог не рассматривался как одиночка. Почти в каждом случае божественные почести также воздавались и его богам-спутникам. Они обычно были связаны с великим богом этого храма тесными узами родства и вместе с ним образовывали круг богов. Так как этот круг, как правило, состоял из трех богов, то возникли так называемые триады, в которые обычно входили два бога и одна богиня: богиня была женой главного бога, а третий член триады был их сыном. Сын был двойником своего отца, и ему предстояло заменить его, когда тот состарится и умрет, согласно закону природы, которому подчинялись даже боги. Так сын становился отцом, и египетские тексты могли говорить о богах как о существах вечных; ведь как только старый бог исчезал, его сменяло точно такое же божество. В этом смысле бог порождал сам себя, будучи отцом сына, который был его копией; и он был мужем своей матери, после смерти своего отца он вступал во все права в отношении богини этой триады и становился, в свою очередь, благодаря ей отцом нового бога-сына, который однажды заменит его. Такая схема обеспечивала не только надежное непрерывное существование божества, но и независимое существование каждого из отдельных божеств, посредством которых она осуществлялась. Эта схема является законченной во всех своих составляющих, за исключением того, что касается богини; ведь она также состарится, умрет и будет заменена. Никакого объяснения такому упущению учение египтян не дает; следует считать, что та часть учения, которая в мире богов отдана богине триады, вообще не имеет значения. Она рождает молодого бога и воспитывает его, но у нее нет определенной индивидуальности. Так обстоят дела почти со всеми египетскими богинями: они, как правило, незаметны в мифах; ими пренебрегают в культах; надписи, вообще говоря, просто дают их имена и называют их матерями, воспитательницами, опекунами, не добавляя никаких характеризующих их черт. Исключением является Исида, но едва ли ее можно ставить в один ряд с богинями из триад.

Триаду такого рода, как была описана выше, в Фивах составляли, например, Амон, Мут и Кхунсу; в Мемфисе – Птах, Секхет и Имутхес; в Ком-Омбо – Себак, Хатхор и Кхунсу; но в некоторых местах триада была другого рода. В некоторых храмах, где главный бог не имел традиционной семьи, по-прежнему считалось желательным поклоняться ему вместе с двумя другими значимыми местными божествами, даже если они втроем образовывали триаду по числу богов, а не по родственным отношениям. Так, например, двух богинь Сати и Ануки объединили в триаду с богом Кхнумом просто потому, что они были двумя из трех главных богов этой местности, и сочли целесообразным поклоняться им в его храме.

Похоже, что триада явилась результатом усилий по систематической группировке богов. Позднее она расширилась до девяти богов (эннеады); но члены такой девятки были объединены скорее соображениями ранга, нежели родства. Главный бог был владыкой и царем, тогда как другие боги образовывали его двор, помогали ему править миром и таким образом получали часть почестей, которые оказывались ему. Концепция девяти богов также очень древняя, но она рано потеряла свое численное значение и стала эквивалентом совокупности богов вообще. В сказках рассказывается, что бог отправился в путь вместе со своими девятью божественными спутниками, при этом это просто означает, что его сопровождали придворные. А из некоторых текстов, которые точно определяют состав девятки, явствует, что в нее входило лишь восемь членов.

В некоторых храмах было две эннеады – большая и малая, высшая и низшая, – и об эннеадах даже иногда говорили во множественном числе, чтобы обозначить совокупность

божественных сущностей. Как правило, ничто не свидетельствует о том, что выбор богов в эннеаду был продиктован какой-то глубокой философией: входящие в нее члены были просто основными национальными божествами, возглавляемыми богом данного нома. Однако имелось, наверное, одно исключение – эннеада Гелиополя, которое иногда влияло на состав девятки богов в других городах. Но тут трудно определить, имел ли ход мысли, представленный в эннеаде Гелиополя, решающее значение в определении его изначального состава, или же он был привнесен извне в течение последующей систематизации. В Гелиополе Тум-Ра считался творцом вселенной, от него произошли Шу и Тефнут, а от этой пары родились Себ и Нут, которые стали родителями Осириса и Исиды, Сета и Нефтиды. Главным назначением Шу было отделить небеса от земли (Нут от Себа), чтобы дать дорогу солнцу (Ра). Когда это было сделано, на земле появились Нил и пустыня, жизнь и смерть, добро и зло. И эти противоположности олицетворяли Осирис и Сет. У создателя не было супруги, и все созидательные действия он осуществлял сам; но другие члены большой девятки были сгруппированы попарно, как бог и богиня, и от первой пары – Шу и Тефнут – произошли все остальные. Члены малой девятки Гелиополя (сын Исиды Гор, Тот, Маат и другие), по-видимому, специально занимались цивилизаторской и нравственной стороной жизни людей, но при существующем состоянии наших знаний невозможно сформировать достоверную концепцию, объясняющую, каким образом они получили свои функции.

Часто случалось, что боги с одними и теми же отличительными чертами были объединены в одну группу. Связанной с этим бессмыслицы удавалось избегать, позволяя им править по очереди, как это делали фараоны, каждому из которых по очереди присваивался титул царя Верхнего и Нижнего Египта. Так, по обычаю Гелиополя, Атму (Тума) сменял Ра, Шу, Себ, Осирис, Сет и Гор, тогда как в Мемфисе Птах, а в Фивах Амон Ра считались основателями божественной династии. Новое учение не нашло широкого одобрения, потому что эта мнимая преемственность не затрагивала главную трудность, имевшую место в вере египтян, которая рассматривала богов как существ, способных вечно осуществлять каждый свою деятельность в любой момент. Поэтому учение было ограничено определенными жреческими школами и никогда не проникало в верования людей.

Очевидно, что среди бесчисленного числа богов, фигурирующих в надписях, мы можем здесь рассмотреть лишь тех, которые чаще всего упоминаются в текстах и которых сами египтяне считали главными. Даже для этих богов можно отметить лишь самое характерное, бросающееся в глаза. Рассказ обо всех богах Египта и обсуждение их функций и характерных черт заняли бы не один том.

Амон, Мут и Кхунсу составляли триаду Фив. Этот город, у греков Диосполь, был столицей Египта в течение почти всего периода, начиная от Одиннадцатой династии и углубляясь в эпоху Нового царства. Отсюда произошли самые великие и воинственные цари этой страны. Его храмы и гробницы дали явно большую часть материала, который имеется в настоящее время у исследователей Египта. Так, у нас есть длинный ряд текстов, имеющих отношение к культу фиванских богов, но мы должны быть осторожными и не спешить с выводом о том, что изобилие этих текстов доказывает, будто в Египте в целом преобладало поклонение Амону. Фиванские фараоны действительно стремились ввести культ своего бога на территории всего царства, и им это удалось настолько, что этот бог был принят во многих крупных храмах. Тем не менее этого бога принимали не как главного, и он обычно занимал более низкое положение рядом с местными божествами.

Согласно объяснению, сделанному во времена Нового царства, имя бога Амон означает Тот, кто спрятан. В чистой и простой форме Амон появляется в текстах, но редко, и в них его изображают скорее как бога солнца в комбинированном виде Амона Ра. Едва ли это была его изначальная природа, но об этом сами египтяне, по-видимому, утратили все предания. Его имя произошло из того же корня, что и слово «Аменти», которое обозначало и запад, и подземное царство. Это наводит на мысль, что он мог считаться

богом мертвых, тогда как наряду с этим есть тексты, особенно те, в которых Амон объединен с богом Мином, которые заставляют нас считать его божеством, олицетворяющим бесконечно самообновляющуюся силу природы. Когда об Амоне речь идет в более поздних текстах, всегда имеется в виду Амон Ра. В последнем тысячелетии до н. э. Амон Ра стал пантеистическим божеством, и в его имени Тот, кто спрятан, стали находить много мистического сначала сами египтяне, а потом и греки. Его считали тайной, все созидательной, все поддерживающей силой, изначально заключенной в солнце. Более ранние тексты, а особенно гимны, ведущие свои темы и сравнения от солнца, которое согревает и освещает все вокруг, уже восхваляли Амона Ра почти в монотеистическом стиле как Владыку и Творца вселенной и таким образом подготовили почву для более поздней пантеистической концепции.

Помимо таких текстов много отрывков найдено в египетских надписях и папирусах, в которых утверждается, что бога, т. е. бога вообще, восхваляют, бог знает грешников, бог дарует поле, бог любит покорных и т. д. И из всего этого часто делали вывод о том, что имеется в виду один Бог, вечный, Бог еврейских пророков и даже христианства. Такое толкование, по существу, невозможно. В этих же самых текстах, где содержатся такие утверждения, говорится о других божествах, существующих одновременно с ним, и видно, что при написании в тексте слова «бог» писец думал лишь о боге самом близком ему, боге его нома, о нетер пути, боге этого города. Этот бог был для автора текста всеобъемлющей силой, но такой, которая все же не исключала существование других сил, которые могли, по мнению других людей, удерживать первое место. Таковыми являются Осирис, Гор, Тот, Ра Тум Гармакис, Птах Танен, река Нил, Амон Ра и другие, каждый из которых время от времени, судя по текстам, отдельно пользовался поклонением как бог единственный. Но из этого не стоит делать далеко идущих выводов относительно базовых идей религии древних египтян. И хотя такие выражения не дают никаких доказательств изначального и периодически возвращающегося монотеизма, который египтяне считают верой, нельзя доказать, исходя из надписей, что такая концепция не существовала в Древнем Египте. Ввиду повторяющихся попыток выставить религию Египта напоказ то с одной стороны, то с другой в дискуссии о раннем монотеизме этот факт следует подчеркивать снова и снова: еще не было представлено ни одного такого заслуживающего доверия доказательства. Нельзя забывать, что пока в нашем распоряжении имеется лишь небольшая часть материалов, оставленных нам цивилизацией Древнего Египта. Многие все еще лежат в земле, а многое безмятежно покоится в частных и общественных коллекциях. Очень мало было сделано именно в плане религиозных текстов. До тех пор, пока большая их часть не будет опубликована и тщательно изучена, невозможно обрести какое-то определенное представление о центре и истоках пестрой смеси, которая в настоящее время известна нам как религия Египта. В изучении религии египтян, как и во всех других отраслях египтологии, наши знания все еще очень неполны. Поэтому мы не должны делать вывод о том, что отдельные египетские предания о некоторых фактах и системах мышления не заслуживают доверия, потому что надписи и папирусы до сих пор не дали нам никаких доказательств в их пользу. Многие выводы такого рода настойчиво декларировались, но оказались ошибочными при более подробном изучении текстов, а другие могут в любое время оказаться опровергнутыми благодаря какому-нибудь значительному открытию. Наши знания по этой теме расширяют формулировки надписей, а не их случайное умолчание.

Самый длинный, красивый и в то же время самый информативный гимн Амону Ра, который дошел до наших дней, в настоящее время хранится в музее Гизы; эта копия, сделанная на папирусе, ведет начало от Двадцатой династии. Гимн написан стихами, если их можно так назвать; конец каждой строчки отмечен красной точкой. В прилагаемом переводе каждая строчка представляет собой одну строчку гимна в оригинале. Образы и параллелизм его частей напоминают стиль еврейских псалмов, с формулировками которых

близко соотносятся предложения гимна, хотя сравнение, разумеется, не простирается до концепции главного бога. Текст гимна гласит:

*Хвала Амону Ра!
Быку Гелиополя, главе всех богов,
Прекрасному и любимому богу,
Который дает жизнь всякого рода теплом,
Всякого рода рогатым скотом.
Приветствуем тебя, Амон Ра, властитель трона двух земель,
Обитающий в Фивах,
Муж своей Матери, пребывающей в его полях,
Всеохватывающий, живущий в Южной Стране,
Повелитель ливийцев (Матау), правитель Аравии (Пунт),
Князь небес, наследник земли,
Владыка, который дает срок жизни живым существам, всем существам.
Один в своих ипостасях (?) среди богов,
Великолепный бык в девятке богов,
Глава всех богов,
Властелин Правды, отец богов,
Творец людей, создатель стад и стад,
Владыка вещей, которые старше плодовых деревьев,
Создатель трав, дающий скотине жизнь,
Светлая Сила, созданная Птахом, молодая прекрасная любовь.
Боги воздают ему хвалу;
Творец того, что внизу, и того, что вверху, он освещает
Две страны, он спокойно пересекает высокие небеса;
Царь Верхнего и Нижнего Египта, Ра правдивый голос (маакхеру),
Владыка двух стран,
Великий герой, внушающий благоговейный страх,
Вождь, создающий землю во всех ее проявлениях,
Создающий атрибуты всех богов (?).
Боги радуются его прелестям;
Приветственные возгласы адресованы ему в большом доме [храме Амона],
Торжественные шествия в доме пламени
[т. е. когда его ведут вперед
в торжественной процессии].
Боги любят его аромат,
Когда он прибывает из Аравии (Пунт);
Князь росы, он проходит по земле ливийцев,
Приходит, прекрасноликый, [из] божественной страны (та нетер, Аравия);
Боги собираются у его ног, как собаки,
Когда они признают его величество своим владыкой.
Властелин страха, вселяющий великий ужас,
Он велик душой, могущественен ... (?),
Он делает так, что подношения процветают (?), он творец изобилия.
Хвала тебе, создатель богов,
Ты тот, кто поднял наверх небеса, кто положил вниз землю.
Пауза.
Бодрствуй во здравии (?), Мин Амон [т. е. Амон-создатель],
Властелин Вечного, творец Вечности,
Повелитель поклоняющихся тебе в Фивах,
Увенчанный двумя рогами, прекрасноликый,*

Обладатель венца из змей, вознесенный высоко двумя перьями,
Прекрасный в короне, благородный в белой короне
Верхнего Египта

царской земли, и две змеи – это все его (?).
Он украшен (?) в своем дворце короной Секхета [17],
Шапкой Неммеса

и шлемом Кхепереша

Прекрасноликый, он овладевает короной Атефа [18],
Любя ее юг и ее север [т. е. две части Египта, которые символизирует эта
корона)];

Могущественный властелин, он овладевает скипетром Амеса [19],
Владыка-защитник, который держит плеть.

Прекрасный правитель, появляющийся в белой короне,
Повелитель лучей, дающих свет.
Боги воздают ему хвалу;
Две его руки дают дары тому, кто любит его,
Он повергает наземь врагов огненными языками,
Это его взгляд поражает грешников,
Он бросает свое копье в пожирателя
Ну, он заставляет змея (?) исторгнуть то, что он проглотил (?) [20].
Приветствуем тебя, Ра, властитель правды!
Скрытый в своей обители властелин богов!
Кхепера находится на его корабле,
Он сказал слова, и были созданы боги.
Тум, создатель разумных существ,
Как много их; нужно вдохнуть в них жизнь,
Отличить их по цвету кожи [т. е. различные расы] друг от друга,
Выслушивать молитвы того, кто пребывает в горе,
Обращать щедрое сердце к тому, кто взывает к нему.
Он освобождает от робости того, кто идет впереди;
Он судит дело бедного человека, между бедным и сильным мира сего.
Он все понимающий владыка, на его устах многое.
Он, как Нил, приходит к тем, кто любит его.
Милосердный бог, полный великой любви.
Он создает живых разумных существ,
Он дает движение каждому [букв.каждому глазу].
Он вышел из Ну,
Создав лучи света.
Боги радуются его прелестям,

Их сердца живут, когда они видят его.

Пауза.

Ра, вознесенный в Фивах, велик и великолепен в доме Бенбен (в Гелиополе),

Ани (стойкий), бог праздника девятого дня месяца,

*В честь которого устраивается торжество в шестой день месяца и пир четверти
месяца,*

Да пребудут с монархом Жизнь, Процветание,

Здоровье!

Владыка всех богов.

Он виден посреди горизонта,

Правитель всех существ, что живут под небом;

Скрыто (амон)его имя от его детей

В имени Амона (тот, что скрыт).

Привет тебе, покоящемуся в мире!

Бог радости, могущественный бог в коронах,

Бог в короне из змей с двумя перьями,

С прекрасным украшением на лбу, возвеличенный белой короной.

Боги любят твой образ,

Корона Секхета покоится на твоём лбу.

Твои милости пересекают две страны;

Твои лучи сияют из твоих глаз, прекрасен для людей твой восход;

Утомляются стада, когда ты светишь (со всей силы);

Твоя благодать в южном небе, твоя свежест в небе севера.

Твои прелести завоевывают сердца,

От твоей благодати утомляются руки,

Прекрасные вещи, которые ты сотворил, заставляют руки упасть [21].

Сердца останавливаются при виде тебя.

*Только ты, кто создал все это, один-единственный создатель всего, что
существует!*

Люди произошли из его двух глаз,

Боги были созданы на его устах.

Он создает травы, которые дают жизнь скоту [22],

Плодовые деревья – для людей;

Он создает рыб в реке,

Птиц – в небе.

Он дарит жизнь тому, что находится в яйце;

Благодаря ему живут кузнечики,

Благодаря ему живут птицы,

Ползучие твари и летающие, а также все то, что к ним относится.

Он дает пищу мышам в их норах;

Он дарит жизнь птицам на деревьях.

Приветствуем тебя, создатель всего вокруг!

Один-единственный, он обладает множеством рук (?).

Когда он отдыхает, он наблюдает за всеми, кто отдыхает,

Он хочет добра для своих созданий.

Амон, который все учреждает,

Тум Гармакис!

Хвала тебе, когда они [создания Амона] все говорят:

«Хвала тебе, так как ты находишься в нас;

Почтение [23] тебе,

Потому что ты создал нас!»

Привет тебе от всех верующих,

Приветствия тебе из каждой страны,
До высоты небес, до шири земли,
До глубины моря [24].
Боги склоняются перед твоим величием;
Они прославляют духов (ба-у) того, кто создал их,
Они радуются пришествию того, кто породил их;
Они говорят тебе: «Приди с миром,
Отец отцов всех богов,
Ты, кто поднимает небо и кладет вниз землю».
Создатель тех, кто живет, творец живущих существ,
Монарх, да пребудет с ним Жизнь, Процветание,
Здоровье! Вождь богов,
Мы поклоняемся твоим духам (ба-у), так как ты создал нас;
Мы твои творения, потому что ты породил нас (?);
Мы возносим тебе хвалу, так как ты пребываешь в нас.
Приветствуем тебя, того, кто создал все сущее!
Бог правды, отец богов,
Создатель людей, стай и стад,
Бог зерна,
Дающий жизнь стадам в пустыне.
Амон, бык красноликий,
Ты любим в Фивах,
Велик и великолепен в доме Бенбен,
Ты снова принимаешь венец в Гелиополе,
Ты, который судит спор между Близнецами [25] в большом зале,
Глава большой эннеады богов.
Один-единственный, не имеющий себе равных,
Он пребывает в Фивах,
Ани в его божественной эннеаде,
Он живет праведно каждый день.
Гармакис на востоке,
Он создает землю, серебро и золото,
Настоящий лазурит для тех, кто любит его;
Бальзам и ладан в стране ливийцев (Матау),
Свежий ладан для твоих ноздрей;
Прекрасноликий, он идет к ливийцам,
Амон Ра, владыка трона двух стран,
Пребывающий в Фивах (ант-т-у),
Ани, обитающий в своем святилище (ант)!
Пауза.
Он царь, когда он один или если он среди богов;
Многочисленны его имена, никто не знает их числа; он поднимается
На горизонте с востока, он заходит на горизонте на западе;
Он побеждает своих врагов,
Дает средства к существованию день ото дня,
Утро рождения каждого дня.
Бог Тот поднимает глаза;
Он опускает их перед его великолепием.
Боги радуются его прелестям,
Те, кто ему поклоняются [26], превозносят его.
Господин кораблей Секти и Мадет,
Которые для тебя мирно пересекают Ну,

Твоя команда радуется,
 Когда они видят ниспровержение грешников,
 Чьи конечности отведал нож,
 Пламя пожирает его,
 Его душа наказана за его зло,
 Душа этого грешника, которого спасают его ноги [27].
 Боги ликуют,
 Команда Ра пребывает в мире;
 Гелиополь торжествует,
 Враги Тума повержены. Фивы пребывают в мире,
 Гелиополь торжествует.
 Сердце хозяйки жизни радуется [28],
 Враги ее повелителя повержены.
 Боги Вавилона [29] кричат приветствия,
 Обитатели Летополя преклоняются [30];
 Они зрят его, могучего, в полноте его власти,
 Как самого могущественного из всех богов; правда [31], повелитель Фив,
 В твоём имени, Творец Правды, Владыка Изобилия, Бык Приношений,
 В твоём имени, Амон, Бык [т. е. Муж] своей Матери,
 Создатель людей,
 Тот, кто создает все сущее,
 В твоём имени, Тум Кхепера.
 Великий ястреб, прославлено его тело;
 Прекрасноликий, прославлен его глаз [32];
 Его статуя много локтей в высоту,
 Две змеи урей летают на крыльях перед ним.
 Сердца людей ласкаются, как собаки, к нему,
 Прославленные идут к нему,
 Две страны устраивают праздники при его появлении.
 Приветствуем тебя, Амон Ра, владыка трона двух стран!
 Чей город любит его восход.
 [Это произведение] закончено с миром,
 Как оно было найдено [33].

Амона Ра обычно изображают в человеческом облике; он держит в руке скипетр или скипетр и символ жизни и увенчан солнечным диском и двумя длинными перьями

которые поднимаются вверх либо с жесткой шапки

либо с пары бараньих рогов

Иногда его раскрашивали синим цветом, вероятно, потому, что это был цвет небес, в которых он правил как бог солнца [34]. У него рога барана, потому что в Фивах он имел

свое воплощение в теле барана. Однако следует отметить, что, строго говоря, рога, изображенные выступающими по бокам, – это не рога Амона, а рога Кхнума, и что на изображениях бога с этими рогами происходит объединение богов Амона и Кхнума, которые изначально были различными: рога Амона загибаются вокруг ушей.

Рис. 15. Амон Ра. Обелиск Хатшепсут в Карнаке

По обеим сторонам аллеи сфинксов храма Амона по всей ее длине стояли гигантские бараны с закрученными рогами, которые охраняли подступы к святилищу, как изображения священных для него животных. В Фивах почитание барана, который считался воплощением бога, распространилось в измененной форме на всех баранов, и они не подлежали забою; ведь, так как бог соизволил облечь себя в такую форму, убийство барана было преступлением. В других египетских городах это животное резали для того, чтобы употребить в пищу, без всяких угрызений совести. Фиванский культ бога Амона с головой барана проник в оазис Юпитера Амона, вероятно, приблизительно в начале Нового царства и там смешался с культом, в центре которого был священный камень и который, возможно, был семитского происхождения. Оттуда, приблизительно тысячу лет спустя, он перебрался через море в Грецию, где были воздвигнуты несколько храмов Амону. Александр Македонский заставил приветствовать себя как сына Зевса Амона, а характерные изогнутые рога бога из Фив стали чеканить на монетах и изображать в других местах, знакомя тем самым с этим божеством весь греко-восточный мир. Оракулы, на которых основывалась власть бога оазиса в греческом мире, были также доставлены в его родные Фивы. Здесь в период с Двадцатой по Двадцать вторую династию его совета спрашивали не только в отношении важных церковных и государственных вопросов, но и в связи с такими, если сравнивать, пустяками, как установление вора. Цари Фив видели в нем, к кому они обращались как к Владыке небес и Трону двух стран и Царю богов, того, кто был в особом смысле их постоянным спутником и советником. Это он посылал их на войну; он дрался рядом с ними в сражениях; он давал им победу, и поэтому ему доставалась большая часть добычи. Во всех серьезных вопросах, даже связанных с завещаниями, считалось необходимым узнать его мнение; он утверждал судебные приговоры, и на того, кто противился им, падало божье проклятие.

Согласно надписям, общение между царем и богом происходило так. Царь представлял перед богом и задавал прямой вопрос, сформулированный таким образом, чтобы ответом на него были просто «да» или «нет». В ответ бог кивал, давая утвердительный ответ, или качал головой, отрицая. Это навело на мысль о том, что

пророчества делались путем механического манипулирования статуями богов, которые приводили в движение жрецы. Но так как пока ни одной такой статуи не было найдено в долине Нила, и устройства такого рода не могли иметь никакой другой цели, кроме как обманывать людей, предположение, очевидно, исключается в этом случае тем фактом, что царь обычно приходил к богу один и тайно. Возможно, царь в таких случаях представал перед священным животным, воплощением бога, полагая, что божественная воля проявится в его движениях.

Мут была супругой Амона Ра, госпожой богов, хозяйкой небес, глазом Ра, а в городе Самхуд она считалась дочерью Ра. Главным центром ее культа был Агдер, местечко к югу от Карнака. Здесь Аменхотеп III построил храм, посвященный богине Мут, со священным озером, прилегающим к нему. Статуи, изображающие эту богиню с головой львицы, как стоящую, так и сидящую, были поставлены здесь основателем храма и Шешонком I (в Библии – Шишак) в таком количестве, что даже в древние времена многие из них были перевезены в другие храмы Египта. Почти каждый крупный музей мира в настоящее время имеет в своей коллекции одну или несколько таких статуй. В сценах, изображенных на стенах, Мут обычно имеет человеческий облик. Слово мут означает мать и таким образом выражает материнскую функцию этой богини из триады Фив. Идеографический знак, используемый для написания ее имени, является изображением стервятника

и одновременно символом слова «мать». Этот факт был признан Гораполло в его работе, посвященной иероглифам и написанной еще в V веке н. э., отрывки из которой дошли до нас на греческом языке.

Иногда вместо Мут называют еще одну богиню Фив, **Амент**; однако она не была реальным и основным божеством, а, как подразумевает конструкция ее имени, просто искусственным созданием. При рассмотрении ее происхождения становится неудивительным обнаруженный факт, что Амент находилась даже в более близком родстве по отношению к Амону, чем сама Мут, которую изображали с головой овцы, что соответствовало бараньей голове ее мужа. Несмотря на сходство имен, эта Амент никак не связана с богиней Аменти – греческой Аментес – олицетворением подземного царства.

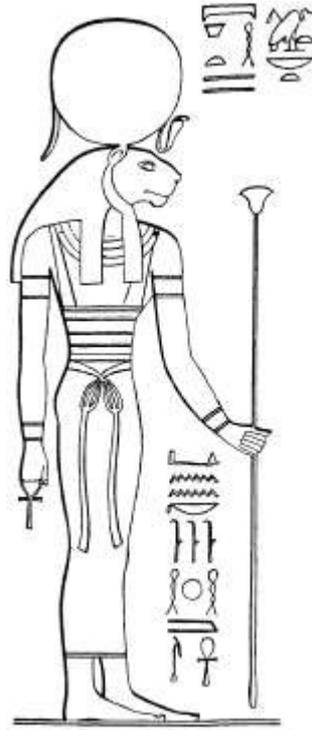

Рис. 16. Мут. Карнак Гипостильный зал. Двадцатая династия

Кхунсу является, во-первых, богом луны и как таковой почти полностью совпадает с Тотом; в Гермополе и Эдфу этих двух богов иногда объединяли в одного под именем Кхунсу-Тот. Его имя, произошедшее от корня кхенс(пересекать), указывает на его связь с небесными телами. Его изображали с головой ястреба, увенчанной полумесяцем и солнечным диском. Оба эти символа были характерными атрибутами всех лунных божеств: Тота, Аха, который является исключительно богом луны, и других. В своем нынешнем виде его огромный храм в Фивах, расположенный между храмом Амона и храмом Мут, был начат Рамсесом III, а завершен и украшен царями Двадцать первой династии. Приблизительно в это время, как станет ясно из надписей на Бентрештской стеле, Кхунсу явно распался на двух отдельных богов: Кхунсу, мирно покоящегося в Фивах, и Кхунсу – исполнителя планов. Первый упоминается в древних текстах; на второго нет ранних ссылок, но он появляется в надписях времен Двадцать шестой династии и эпохи Птолемеев.

Греки иногда сравнивали Кхунсу с Гераклом, и не потому, что последнего считали лунным божеством, а, возможно, потому, что Кхунсу рассматривали как бога солнца. У нас, по крайней мере, есть некоторые данные в пользу такой точки зрения, так как в Ком-Омбо Кхунсу принял облик Кхунсу-Гора, а в Фивах – Кхунсу-Шу и Кхунсу-Ра. Таким образом, ясно, что он мог периодически выступать в роли солнечного божества, на что указывает также его голова ястреба.

Мент(у греков Монт) стоял по значимости следующим после Амона среди главных богов нома Фив. Здесь ему поклонялись в огромном храме около Карнака, в Медамоте, в Тауде и в Эрменте на противоположном берегу реки – в действительности в столь многих местах, что это наводит на мысль о том, что он был настоящим богом этого нома и предшественником Амона в этом качестве. Но так как его имя, по-видимому, имеет общий корень со словом амен,то возможно, что оба эти бога были изначально идентичны, и только впоследствии их стали различать. Мент был однозначно богом войны; он сражался вместе с египетской армией и гарантировал силу и победу царю. В более поздние времена его часто объединяли с богом солнца в качестве бога Мента Ра, и как таковой он стоит на носу корабля, на котором плывет солнце, вооруженный копьем и готовый пронзить врагов, которые препятствуют продвижению солнца вперед. В Эрменте его супругой считалась Ра-

т Тауи, но в Тауде – **Анит** или Хатхор. Мента изображают с головой ястреба; на ней он носит головной убор Амона

Рис. 17.Мент. Карнак, Гипостильный зал, Рамсес I

В Эрменте священным животным был бык, Бакх, Бацис у античных авторов; и оказывается, что титул сильный бык, который носили цари Фиванских династий, заимствован у этого животного. Бациса в текстах называют «живой душой Ра», т. е. воплощением этого бога, и это доказывает, что, когда имя появилось впервые, слияние Мента с Ра уже состоялось.

Этому животному также поклонялись и в Тауде, где этого бога изображают в его обычном головном уборе, но с головой и рогами быка. Культ Мента замечен во многих более поздних текстах, так как, когда Фивы потеряли свое политическое и общественное главенство, столицей этого региона стал Эрмент, и многие надписи, относящиеся к Менту или, скорее, к Менту Ра, были тогда сделаны в храмах Карнака, изначально посвященных Амону и его группе богов. Упоминание бога Мента в более древних текстах главным образом сводится к риторическим фигурам, в которых о царе говорится, что он храбр, как Мент, что он победил своих врагов, как Мент, и т. п. Но такие выражения не дают ничего для понимания характера и культа данного божества. В качестве египетского бога войны его периодически делали полной противоположностью семитского Ваала, и объединенная сила Мента и Ваала, дарованная царю, считалась вершиной силы.

Мин [35] был богом нома Панополя, сильным божеством, которому в большей или меньшей степени поклонялись на всей территории Египта. Его изображают с поднятой правой рукой, размахивающей плетью над головой. Позади бога обычно находится гробница с деревьями на ней или поблизости. Его священным животным был баран. Это бог животворной силы природы, поэтому именно ему посвящались праздники урожая в знак благодарности за изобилие, к которому он побуждал землю; поэтому с ним также идентифицировали некоторых богов, особенно Амона Ра, когда их называли «мужами своих матерей», т. е. родителями своих божественных сыновей.

Кхнум или **Кхнеф**, Кнум или Кнеф у греков, которого особенно почитали в окрестностях первого водопада, считался, как и указывает его имя, лепщиком. Во многих египетских текстах его представляют как творца: это «тот, кто создал все, что есть, кто сотворил все то, что существует, Отец Отцов, Мать Матерей»; «тот, кто создал людей, кто сотворил богов, кто был отцом в самом начале»; «создатель небес, земли, подземного царства, воды, гор»; «тот, кто создал птиц, рыб, диких зверей и всех ползучих тварей попарно, мужского и женского пола». Человека он сотворил и придал ему облик на гончарном круге; даже во времена Нового царства иногда считалось, что именно так и был сделан фараон. А в «Сказке о двух братьях» мы читаем, что по приказу Ра Гармакиса Кхнум сделал красивую женщину, и «в ней была сущность всех богов». Согласно другим текстам, он также был богом, который сотворил мир; более поздняя надпись в Эснехе сообщает нам, что «он поднял небо на четыре столба, поднял его вверх из вечности».

Его священным животным был баран, и его обычно изображают с головой барана, рога которого расположены горизонтально

С течением времени Кхнума стали объединять с Ра, а в Абатоне, неподалеку от Филе, священного барана называли живой душой Ра, в то время как в Гелиополе он соответствовал Осирису, и его барану поклонялись как воплощению этого бога. Связью этих богов с такой формой воплощения в каждом случае руководило то, что производительная сила этого животного была идентична силе, благодаря которой жизнь в природе обновляется бесконечно, а в человеке – после его смерти.

Хект, богиня с головой лягушки, иногда считалась женой бога-барана; ее также считали формой проявления богини Хатхор и матерью бога Ароэриса. И хотя в текстах часто встречаются ссылки на нее, мы ничего не узнаем из них ни о ее характере, ни о ее функциях; во времена Древнего царства великие люди гордились тем, что являются

«пророками» правды и богини Хект. Тот факт, что ее упоминают и изображают на саркофагах, а также то, что светильники, относящиеся к временам коптов, украшены изображением лягушки с надписью: «Я – возрождение», показывает, что она играла некоторую роль в учении о возрождении. Направление мысли, которая навела эту ассоциацию, вероятно, имело свой источник в древней вере египтян, часто упоминаемый греческими авторами, в то, что лягушки родились из плодородного ила, который приносил Нил во время ежегодного разлива.

Рис. 18. Хект. Эпоха Птолемеев или римлян

Утверждали даже, что видели этих животных, когда половина их тел все еще представляла собой бесформенный ил. Поэтому египтяне стали верить не только в спонтанное порождение лягушки, но и в то, что первые живые существа зародились в долине Нила.

Сати – это богиня, которую обычно связывали с Кхнумом чаще, чем богиню Хект: она, Кхнум и Анукт образовывали триаду богов в Элефантине. Ее титулы: Богиня неба, Госпожа Двух земель, Глава над всеми богами – привели к тому, что греки стали отождествлять ее с Герой, с которой у нее не было никакого сходства. Она не играет никакой роли в мифах, в настоящее время известных нам, но она упоминается в нескольких текстах как дочь Ра. Ее изображают в головном уборе в виде грифа, с рогами коровы и в короне Верхнего Египта.

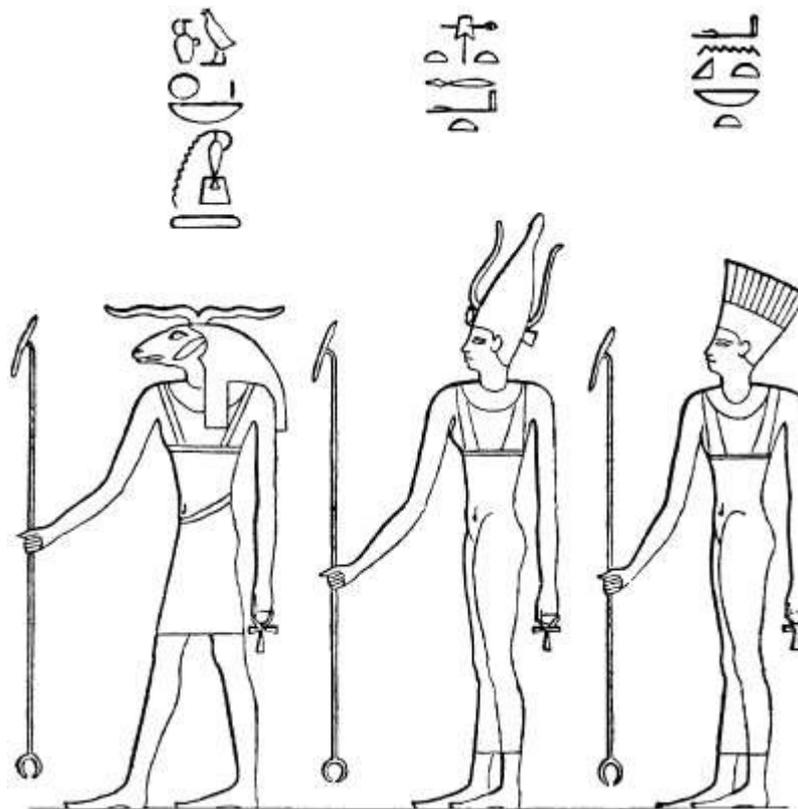

Рис. 19. Кхнум, Сати-т и Анукт. Храм Тутмоса III в Ибриме

Анукт, Ануки у греков, сравнивают с Гестией, для чего опять-таки нет никаких внутренних причин. Родственная связь с царем, которую иногда ей приписывают, в текстах выражается такими словами: «Он был сыном Кхнума, рожденным от Сати и выкормленным богиней Ануки». На памятниках ее изображают в виде женщины с символом жизни в руке и в короне из Перьев на голове

Головной убор из перьев наводит на мысль о том, что это негритянское божество. Действительно, большой почет, в котором она была на всей территории, лежащей к югу от водопадов, и то, что ее культ редко можно было встретить на севере, в равной степени указывают на ее нубийское происхождение. Ее титул госпожа Сати ввел в заблуждение некоторых авторов, которые стали считать ее азиатской богиней, но слово «Сати» как название места обозначает не только Азию, но и остров Сехель неподалеку от Филе, который был главным центром ее культа; оттуда и произошел этот титул.

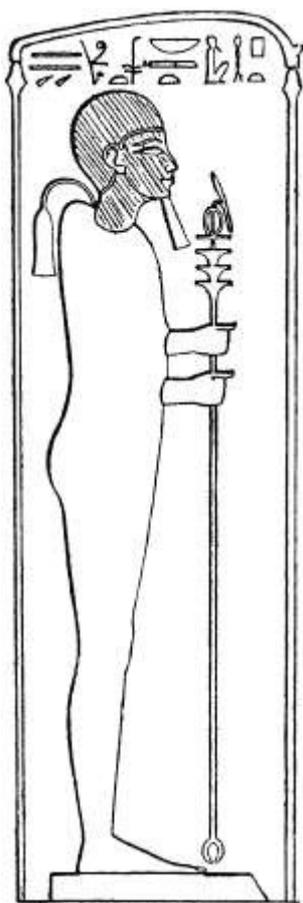

Рис. 20. Птах. Карнак, Гипостильный зал. Девятнадцатая династия

Птах, имя которого греки писали как Пта и отождествляли его с Гефестом, носил имя, возможно произошедшее от корня пт(открывать), особенно в ритуальном термине открывание рта. В надписях нет явных следов какого-либо мифологического события, связанного с этим именем, но Порфирий, который хорошо разбирался в вопросах, связанных с Египтом, рассказывает нам, что этот бог вышел из яйца, которое выпало изо рта Кнефа. Птаха изображают в виде обвитой бинтами мумии, в руках которой посох, стоящий на иероглифе, означающем правду и справедливую меру

Обычно его изображают с кисточкой, которая ниспадает ему на спину от основания шеи в виде цветка в форме колокольчика

Относительно того, что это значит, было выдвинуто много безосновательных предположений, но изучение более подробных изображений показывает, что это так называемый противовес менат, который широко использовали для того, чтобы помешать ожерелью съехать слишком низко на грудь. Надписи не дают никаких оснований к тому, чтобы придавать ему какое-либо мифологическое значение в отношении этого бога.

В Мемфисе, где Птах вместе с Сехмет и Нефертумом или Имутхесом образовывал божественную триаду, его считали первым царем Египта и творцом вселенной, и поэтому он носил титулы: Отец могущественных отцов (других богов), Начало начал, Тот, кто создал солнечное яйцо и лунное яйцо. На барельефе в Филе, на котором есть

сопровождающая и поясняющая надпись, он изображен в своей сложной ипостаси Птаха Татунена, вращающего яйцо солнца или луны на гончарном круге. Его также называют создателем собственного образа, который сотворил сам себя, который упрочивает правду, царем обеих стран, владыкой небес и т. д. В Книге мертвых говорится, что он совершает церемонию «открывания рта» для мертвых, как он когда-то совершал ее для умерших богов; но, по всей вероятности, эта его функция была просто выведена из его имени.

Птах часто можно обнаружить в сочетании с другими божествами. Так, существовал Птах атен ен пет (Птах солнечный диск небес), бог солнца, о котором говорят, что «он освещает землю своими лучами»; Птах Ну (Отец богов), форма проявления первозданных вод; Птах Хапи (Птах Нил), который насылал паводок и через него проявлял свою созидательную силу.

Птах Танен – еще одно сложное божество; оно объединяет в себе Птаха с редко встречающимся богом **Таненом**, или **Татуненом**, который, по-видимому, был богом земли, аналогом Себа. Но Птах Танен встречается нередко. Мы находим его, например, в Абу-Симбеле, где его считают отцом Рамсеса II, а надпись гласит: «Так говорит Птах Танен, который на голове носит длинные перья и два рога, тот, который каждый день порождает богов: «Я твой [т. е. Рамсеса II] отец, который породил тебя, как бога, чтобы сделать царем Верхнего и Нижнего Египта; я дал тебе земли, которые я создал». Здесь бог, о котором идет речь, – это бог Птах, за исключением добавленного ему головного убора, который состоит из двух рогов и двух страусовых перьев

символов правды и справедливости, приписанных ему как атрибуты. В его руке находится скипетр или иногда плетка

Но в последнем случае нам приходится иметь дело с новой его комбинацией, в которой этот бог связывается с известными формами проявления богов.

Рис. 21. Птах Татунен. Филе. Римская эпоха

Птах Осирис, Птах Сокарис или **Птах Сокар Осирис**, как обычно считалось, имели свое воплощение в быке Аписе в Мемфисе и являются темой бесчисленных текстов. Что касается элементов этого сложного божества, то Осирис – это хорошо известный бог мертвых, в то время как о Сокарисе (египетский Секер), на которого мы ссылались в главе 4, когда рассматривали путь солнца через подземное царство, известно мало. Он появляется редко, за исключением комбинации с кем-то, и почти полностью утратил свою изначальную сущность. Первоначально он был богом солнца, воплощение которого хранилось на священном корабле хенну. Этот корабль изображают стоящим на постаменте

его корма украшена головой газели, а ястреб, увенчанный диском и изображающий самого Сокариса, сидит на каюте. Во время праздника этого бога его корабль в торжественной процессии несли вокруг стен храма Сокариса. Этот праздник проводился с большой пышностью, разумеется, в Мемфисе, но его отмечали также и в других религиозных центрах с определенными местными изменениями, такими как добавление к этой процессии корабля Секти. Этот праздник был связан с зимним солнцестоянием, с «маленьким солнцем», как называли его в те времена египтяне. В эпоху Птолемеев он выпадал на утро 26-го числа месяца Хойяк (22 декабря), тогда как в более древний период его, по-видимому, праздновали вечером. Один египетский текст гласит: «Солнце велико, как Гор, солнце мало, как Сокарис». Но эта идея развилась позже, а возникла в то время, когда существовало стремление защитить людей от различных солнечных богов, связывая каждого с появлением солнца в определенное время дня или года, принимая во внимание, что изначальны Ра, Гор и Сокарис были одинаково значимы и были просто богами солнца.

Рис. 22. Сокар Осирис. Со стелы Аменхотепа III, Фивы

Софистика таких приписываний к тому же очевидна из того факта, что было предложено еще одно разграничение между Сокарисом и Ра: первого стали считать богом солнца ночью. Именно такое толкование привело к объединению Сокариса с Осирисом, царем подземного царства. Более того, постепенно он стал богом

κατ' ἐξοχήν

мемфисского некрополя, где его имя до сих пор сохранилось в названии деревни Саккара. Сокариса обычно изображают с ястребиной головой, как Ра, но без солнечного диска на голове, и, помимо скипетра, он держит в руке плеть и крюк (?), которые носит Осирис как символы своей власти.

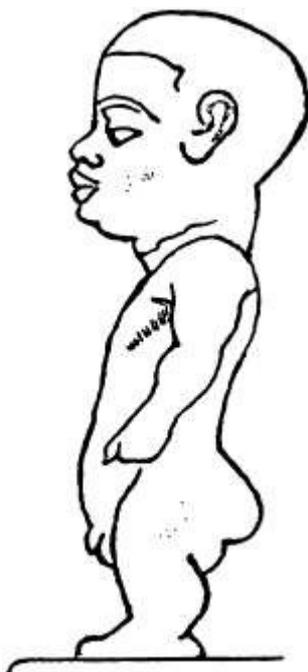

Рис. 23. Один из Кхнуму. Статуэтка из Британского музея

Эти формы бога Птаха, совмещенные с Осирисом и Сокарисом, объединили атрибуты трех этих богов. В результате получилось божество, которое одновременно было и творцом мира, богом солнца, и царем мертвых и стало центром идей пантеистического правления, а также таких идей, которые были выражены в гимне Амону Ра. Но этот Птах был более тесно связан с жизнью в мире ином, нежели с характерными чертами солнечного божества, тогда как с Амоном Ра все обстояло наоборот. Птах по своей сути не был никак связан с греческим Гефестом; насколько свидетельствуют надписи, он никогда не был богом огня, как это считалось, исходя из его индивидуальности. Единственным основанием для такого сравнения является, по-видимому, то, что Птаха называют лепщиком, а его плотно облегающий головной убор наводит на мысль о кузнеце.

В процессе созидания Птаху помогали Кхнуму, лепщики, которые сначала считались его детьми, а позднее – детьми Ра. Их изображали в виде карликов с большими головами, кривыми ногами, очень длинными руками и длинными усами. Это были гротескные фигуры, которые, по словам Геродота, вызвали насмешки Камбиза в храме Гефеста в Мемфисе. Бесчисленное количество глиняных изображений этих богов, покрытых глазурью, находят в египетских гробницах. Ведь если когда-то Кхнуму помогали в созидании мира, они будут помогать и при восстановлении тела умершего человека, в гробницу которого их положили.

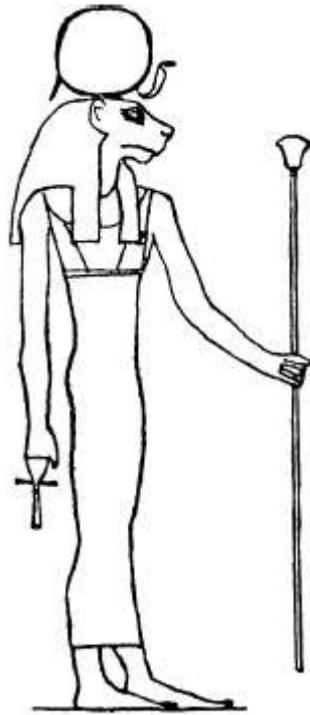

Рис. 24. Сеххет (Сехмет). Храм, высеченный в горе Сильсилех. Девятнадцатая династия

Сеххет (Сехмет) в Мемфисе считалась женой Птаха и матерью Нефертума или Имутхеса. Ее изображают в виде женщины с головой львицы, увенчанной солнечным диском и змеей. Вообще говоря, по своей природе она ничем не отличается от других богинь с головами кошек: Тефнут с головой львицы, Мут из Фив, **Пакхт** из храма Артемиды, высеченного в скале, и Бает из Бубастиса с головой кошки или иногда львицы – все они символизировали изменяющуюся силу солнца от умеренного тепла до палящей жары. Так, один текст в Филе относительно Исида Хатхор, которая там олицетворяла всех богинь в одной, гласит: «Она добра, как Бает, она ужасна, как Сеххет». Как победительница врагов богов Сеххет держит в руке нож, ведь это она под именем Глаза Ра приступила к выполнению задачи по уничтожению человечества. В других текстах она представлена как предок какой-то части рода человеческого.

Нефертум, которого местные мифы представляют как сына Сеххет, Пакхт или Бает, является в Книге мертвых малозначим божеством, которое упоминается в связи с учением о бессмертии. Его изображали как человека с короной в виде раскрывающегося цветка лотоса, символа возрождения и его силы, которая гарантировала продолжение жизни в мире ином. В более позднюю эпоху, начиная приблизительно со времен Двадцать шестой династии, большое количество его изображений делали из бронзы или покрытой глазурью глины. Но помимо этого факта у нас нет точных знаний о том, почему ему особенно поклонялись в этот период. Во всяком случае, Нефертум играл гораздо меньшую роль, чем Имутхес (Имхотеп), который чаще занимает его место в триаде Мемфиса.

Рис. 25. Нефертум. Гробница Сети II

Имя **Имхотеп** означает Тот, кто приходит с миром. Греки писали его как Имутхес и приравнивали его к Асклепию. Его изображают в виде молодого человека в плотно облегающей шапочке. В подземном царстве его функции имели отношение к бессмертию людей, тогда как на земле он лечил их от болезней с помощью медицины и магии. Как правило, его считали богом-ученым и часто изображали в позе человека, читающего наполовину развернутый свиток папируса, лежащий у него на коленях. Это, по-видимому, означает, что он исполняет обязанности руководителя (кхер хеб), т. е. он глава жрецов, в чьи обязанности входило читать вслух погребальные молитвы и заклинания. Очень часто находят маленькие бронзовые статуэтки этого бога, которые обычно замечательны искусным исполнением. Почти все они датируются саисским и греческим периодами, когда культ Имхотепа был очень любим в Египте.

Рис. 26.Нейт

Нейт – богиня, которую часто упоминают греки; она, Осирис и Гор образовывали триаду Саиса. Ее имя фигурирует в некоторых самых древних надписях, но не достигает какой-то известности до периода Двадцать шестой династии, которая возникла в Саисе. Но даже тогда ее реальное влияние не распространялось за пределы дельты Нила. Ее изображают в виде женщины с зеленым лицом и руками, характерными для богов подземного царства. Как воительницу ее обычно изображают с луком и стрелами, и именно благодаря этому обстоятельству греки отождествляли ее с Афиной. Она носит корону Нижнего Египта. Идеограмма ее имени – это челнок ткача; эту эмблему ливийцы ткали на своей одежде и татуировали себе на руках, так что, по-видимому, изначально она была ливийской богиней. В египетской мифологии она считается матерью богов, и в особенности Ра, и поэтому во времена Двадцать шестой династии Саис называют обителью матери богов. Впоследствии ее стали путать с Исидой, и она заняла место последней в мифе об Осирисе. Памятники рассказывают нам о праздниках в Саисе, о которых нам также повествует и Геродот и которые были посвящены главным образом богине Нейт, как об обычных праздниках в честь Исиды.

Рис. 27.Некхебит

Некхебит и **Уазит** часто противопоставляют друг другу в надписях как богинь-хранительниц Верхнего и Нижнего Египта. Кроме этого, почти ничего не известно ни об одной из этих богинь. Главным местом пребывания первой был Эль-Каб, и греки отождествляли ее с Эйлейтией, богиней рождения. Обычно ее изображали в виде грифа, парящего над царем. Уазит особенно поклонялись в дельте Нила; она была богиней Буто

для греков, которые сравнивали ее с Лето и приписывали ей прорицания. Ее изображают либо в виде крылатой змеи, либо в виде женщины. Время от времени, когда имена Некхбит и Уазит стоят вместе, они обе принимают один и тот же вид крылатых змей, или грифов, или женщин. В мифе об Осирисе Буто была опекуном Гора, которого Исида вверила ее заботам, пока ходила искать тело Осириса.

Рис. 28. Уазит

Маат, дочь Ра, – это Фемида у греков. Ее изображали в виде женщины со страусовым пером, символом правды, на голове. Она была богиней Правды и Справедливости, и поэтому ее иногда изображали с завязанными глазами, так как Справедливость судит невзирая на лица. В Подземном царстве она присутствовала при взвешивании сердца. Упоминания о ней встречаются в самых древних текстах; считалось честью быть одним из ее жрецов; боги и цари во все времена заявляли, что они происходят от нее и живут благодаря ей. И тем не менее в мифологии для нее нет места.

Рис. 29. Маат. Стела в долине Хаммамат. Двадцатая династия

Хатхор также была богиней часто упоминаемой, но не фигурирующей в отдельном мифе. Ее имя означает Обитель Гора, и для его написания используется идеограмма, состоящая из горизонтального плана крепости и фигуры ястреба, стоящего внутри него

Она была богиней любви и радости, ей было посвящено много праздников, а ее великолепный храм в Дендере и по сей день сохранился сравнительно неповрежденным. Здесь ее почитали за женскую сущность богини, и все богини считались формами проявления или атрибутами Хатхор, которой поклонялись под разными именами, так что, если верить жрецам Дендера, все молитвы, вознесенные к ним, в действительности были адресованы Хатхор.

(Еще одна богиня, носящая это же самое имя и титул Госпожи подземного царства, имела собственное происхождение. Иногда она вместо Нут давала воду душам умерших из сердцевины смоковницы. Независимое происхождение имели также семь вариантов Хатхор, которые, как гласят надписи, помогают царице при родах и играют роль сказочных крестных в сказках.)

Хатхор обычно изображают в облике женщины иногда с ушами, рогами или даже головой коровы, которая является ее священным животным.

Рис. 30. Хатхор. Карнак, Гипостильный зал. Девятнадцатая династия

Себек, у греков Сукхос, изображался либо в облике своего священного животного, крокодила, либо с крокодильей головой. Это имя объединяло в себе двух отдельных богов. Во-первых, существовал бог солнца Себек, которого обычно объединяли с Ра и которому особо поклонялись в Омбосе, где местным богом был бог солнца Ароэрис. И во-вторых, существовал Себек как аналог Осириса. Согласно некоторым текстам в Дендере, Осирису поклонялись под именем Себек в ливийском номе, особенно в городе Аписе. Миф из

Верхнего Египта повествует о том, что именно на спине крокодила тело Осириса было перевезено в Филе. Но Себека иногда считали и злым богом. Крокодилы, его священные животные, считались союзниками Сета в подземном царстве, и люди искали спасения от них на земле посредством заклинаний.

И хотя на значительной части территории страны страх перед богом, которому принадлежали эти создания, мешал регулярной охоте на них, тем не менее в регионах, где культ Себека не был распространен, это занятие было любимым времяпрепровождением, особенно среди знати во времена Древнего царства.

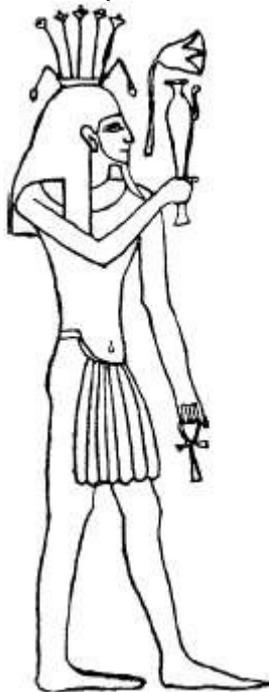

Рис. 31. Хапи. Стела в Джебель-Сильсилех. Времена Рамсеса II

Хапи, или Нил, был объектом одного из величайших национальных культов; в его честь проводилось самое большое количество египетских праздников (по крайней мере, их повсеместно устраивали). По словам Либания, этот бог был таким требовательным в отношении соблюдения этих ритуалов, что в случае если его праздник не был отпразднован должным образом, он отказывался даровать благотворный разлив реки. Для него были возведены великолепные храмы в Никополе, неподалеку от Мемфиса, в Гелиополе и других местах, которые получали богатые дары от царей. Бога реки изображали в виде толстяка с женскими грудями, которые символизировали плодородие, а его верующие выражали ему свое почтение собственным женоподобием. Его голова была увенчана короной из цветов. Иногда его разделяли на Нил Верхнего и Нил Нижнего Египта; тогда лотос считался эмблемой первого, а папирус – второго. Рисунок, состоящий из обоих растений, связанных вместе, был любимым мотивом для украшения царского трона, олицетворяющим власть царя над Верхним и Нижним Египтом

Иногда Хапи подвергался еще большему дроблению, и в каждом номе имелся свой бог Нила с более или менее законченной индивидуальностью. В Египте существовал признанный способ изображения принятия присяги всей страны на верность фараону: для этого рисовали процессию богов Нила, шествующих друг за другом гуськом и вручающих свои дары царю. В числе спутников-богов у бога Хапи был бог Ка, отец богов, с головой лягушки со скарабеем на ней; боги **Ху**, **Зефа** и **Ресеф**, которые все вместе изображали

пищу или изобилие, **Непера**, богиня зерна, и **Реннут**, богиня урожая с головой или телом змеи.

Есть много гимнов, восхваляющих бога Нила и его благодеяния для Египта, а особенно его разлив. Такие тексты находят написанными на папирусе, стелах и скальных стенах; предполагается, что их содержание должно быть озвучено царем. Вниманию читателя предлагаются несколько главных отрывков одного такого гимна, который был вырезан на камнях горы Сильсилех в Верхнем Египте по приказу Рамсеса II, идентичный ему текст – по приказу его сына и преемника Меренптаха, а еще один – по приказу Рамсеса III. Они проиллюстрируют общую манеру и стиль таких гимнов в их самой интересной форме.

«Живой и прекрасный Нил, который любит Ну, отец богов и божественного круга, тот, кто обитает в реке; это Изобилие (ху), Богатства (ка), Пища (ресеф – обозначен символами птиц и рыб) Египта; он дает всем людям жизнь благодаря своим Богатствам (ка), его почитают на всем его пути, в его пальцах находится Изобилие (ху). Люди радуются его приходу. Ты один, ты создал себя, никто не знает, где ты [источник, в котором должен был пребывать Нил]. В день, когда ты выходишь из себя [начало разлива], все полны радости. Ты владыка многих рыб и даров; ты даешь пищу (ресеф – в виде значков, обозначающих птиц и рыб) Египту. Круг богов не знает, где ты обретаешься. Ты их жизнь, ведь с твоим приходом подношения им увеличиваются, их алтарь полон изобилия, они кричат от радости при твоём появлении. Ты обеспечиваешь нас всем, что нужно людям для жизни, как Ра, когда он правил этой страной».

Далее следует хвалебная речь царю и его приказ устроить два праздника в честь Нила, «отца всех богов, царя вод, который кормит Египет, от разлива которого приходит изобилие, богатства и жизнь для всех».

Глава 6 ЧУЖЕЗЕМНЫЕ БОГИ

Египтяне не исключали чужеземных богов из своего пантеона. Они никогда не подвергали сомнению истинность богов тех народов, с которыми вступили в контакт, а принимали ее в каждом случае как установленный факт. Для них исключительная мощь государства сама по себе была доказательством того, что его народ обладает исключительно могущественным богом, которого жители долины Нила поэтому жаждали принять в ряды египетских богов, чтобы получить для себя его защиту посредством молитв и подношений и в то же время отдалить его от его родной страны. Приобретение бога неизменно влекло за собой приобретение его царства, так как, по представлениям египтян, да и вообще Древнего Востока, война между двумя государствами была в первую очередь войной между их богами, и народ без могущественного бога был верной добычей более удачливого в этом отношении соседа. Среди народов, чьих богов египтяне имели возможность себе присвоить, особенно разграблению подверглись ливийцы, семиты в Азии, а также хамитские и негритянские народы Эфиопии.

Вероятно, определенные ливийские боги были уже присвоены себе египтянами в начале истории их государства, во времена, о которых у нас нет исторических данных. Среди них, очевидно, были Баст и Нейт. Этим двум богиням поклонялись в западных районах дельты Нила, где большая часть населения была ливийцами. Но даже при династиях, которые возникли в Бубастисе и Саисе, главных центрах их культов, они никогда не добивались влияния на остальной территории страны, особенно там, где жители были в большей степени чистокровными египтянами, как в Верхнем Египте.

О присвоении египтянами азиатских богов у нас есть более качественные исторические свидетельства. Среди таких богов Баал, Астарта, Анта, Решпу и Кедеш требуют к себе особого внимания.

Баал, у египтян Бал, впервые стал известен египтянам как главный бог народов, с которыми в начале Нового царства они воевали веками с переменным успехом. Именно в ходе этих войн культ Баала был привнесен в Египет, и Рамессиды особенно любили называть себя такими же храбрыми и могущественными, как Баал на небесах. Ему явно не отведено никакого места в египетской мифологии, но так как его имя на письме обычно сопровождается изображением бога Сета или его священного животного, то, по-видимому, была признана связь между этими двумя богами, и фактически имя Баала заменено именем Сета в одном из текстов из Эдфу, который имеет отношение к легенде о Крылатом солнечном диске. В Египте Баала считали богом неба – концепция, которая некоторым образом соответствует его изначальной природе, – а также великим, но в высшей степени опасным божеством. Вообще говоря, его культ ограничивался восточной частью дельты Нила, где доля семитского населения была велика; его главный храм находился в укрепленном пограничном городе Танисе.

Астарте поклонялись в нескольких египетских храмах. В надписи, относящейся к временам Двадцать первой династии, упоминается жрец в Мемфисе, который служил и ей, и богу луны Аху; а в эпоху Птолемеев неподалеку от Серапеума стояла небольшая часовня, посвященная этой богине. Вероятно, именно на эту часовню или на более древнюю ее предшественницу, стоявшую на этом же месте, ссылается, по любопытному недоразумению, Геродот, называя ее храмом «чужеземной Афродиты», которую он далее смешивает с Еленой Гомера. Западная четверть города Таниса была посвящена Амону, южная – Сутекху, северная – Буто, а восточная – Астарте, для которой, по-видимому, был также возведен храм неподалеку от Таниса на берегу Сербонского озера. В магических текстах она упоминается наравне с Антой как богиня, которая «беременеет, но никогда не рождает». В договоре между хеттами и египтянами она появляется как национальная богиня сирийских хеттов, и это в то время, когда ее культ стал настолько известен жителям берегов Нила, что Рамсес II назвал в ее честь своего сына Мер-Астротом. Также были

широко распространены несколько сложных имен собственных, в которые входило ее имя. Она поздно вошла в египетскую мифологию: в сценах, иллюстрирующих легенду о Крылатом солнечном диске, она с головой львицы правит квадригой лошадей, которые топчут тела врагов. Ее называют владычицей коней и колесниц, и такой титул выдает позднее происхождение мифологического эпизода, в котором она фигурирует, так как лошадь появилась в Египте, очевидно, лишь во времена гиксосов и никогда не упоминается ни в одном из более древних мифов. Ссылка на Астарту есть в мифе об Осирисе в пересказе Плутарха, но в нем ее называют царицей Библоса.

Рис. 32. Анта. Стела в Британском музее. Двадцатая династия

Анта вместе с Астартой фигурирует в договоре с хеттами, откуда может показаться, что она также была богиней этого народа, проживавшего в Сирии. На египетских памятниках она появляется в качестве богини неба и владычицы над богами в шлеме, со щитом и копьем, размахивающей боевым топором, который она держит в левой руке. Иногда ее изображают верхом на лошади. Она часто упоминается в надписях, связанных с Рамсесом II и Рамсесом III. Оба они были воинственными царями, а последний даже дал своей любимой дочери семитское имя Бент анта («дочь Анты»).

Рис. 33. Решпу. Стела в Британском музее. Двадцатая династия

Решпу изображают в шлеме и с копьем. Семитское происхождение явствует из очертаний его профиля; он соответствует финикийскому Резефу, которому поклонялись как на Кипре, так и в Карфагене. Его титулы – великий бог, владыка небес, правитель вечности, могущественный повелитель в круге богов – просто позаимствованы у египетских богов, и от них мало толку при определении его сущности.

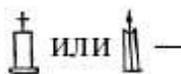
Богиню **Кедеш** изображали сопровождающей Решпу. В своей правой руке она держит цветы, а в левой – змею. Обычно в качестве головного убора она носит на голове солнечный диск, обхваченный двумя рогами, а стоит она на спине льва. Кедеш, Ра и египетский бог Мин были объединены в триаду, но фактически она была просто богиней города Кадеш, столицы конфедерации хеттов в Сирии, на владения которых Рамсес II, в частности, посчитал себя обязанным пойти войной. По всей вероятности, Кедеш изначально была местным вариантом Астарты. На египетской стеле Восемнадцатой и Девятнадцатой династий ее величают – госпожа небес, возлюбленная всех богов, глаз Ра, не имеющая себе равных, дочь Ра, уса-глаз Тума, возлюбленная бога солнца. На тех же самых памятниках высечены молитвы, адресованные ей, с просьбами даровать жизнь и здоровье, а после весьма преклонных лет – хорошие похороны к западу от Фив. Последняя просьба доказывает, что эта богиня была признана в столице страны.

Рис. 34. Кедеш. Стела в Британском музее. Двадцатая династия

Вышеназванные боги не поменяли ни своих имен, ни индивидуальностей, перебравшись в Египет; но влияние семитского мышления, которое время от времени начинало там преобладать, имело гораздо более широкое и глубокое значение и сказалось на основных изменениях в понимании египтянами сущности их собственных богов. Бросающийся в глаза пример этого влияния есть в вере в то, что священные неодушевленные предметы являются воплощениями бога, особенно священные камни бетилы. Известно, что они были такими важными объектами поклонения у семитов, что поклонение им возникало везде, куда проникали семитские колонисты. Их устанавливали в честь Астарты в Пафосе, в честь Аполлона в Амбрасии, в честь Зевса Телиоса в городе Тегея в Аркадии и во многих других местах помимо этих. Изваяние-оракул в оазисе Юпитера Амона представляло собой камень, который по форме якобы напоминал пупок. Во время праздников этот камень, богато украшенный драгоценными камнями, несли в торжественной процессии. Египетское происхождение этого камня как изображения

Амона невозможно; в Египте возникло только его воплощение в животном, в баране, и является его характеристикой. Второй символ бога, которому поклонялись в этом оазисе, был, по всей вероятности, привнесен сюда из одного из финикийских поселений на северном побережье Африки; между ним и оазисом всегда существовали активные связи. Жители оазиса, правда, были лишь наполовину египтянами. Но схожая форма культа упрочилась в Египте в Гелиополе, в самом знаменитом из всех храмов: одно воплощение бога солнца в Гелиополе представляло собой камень. Форма камня, по-видимому, менялась с течением времени; в настоящее время о нем говорят как о пирамиде или обелиске и снова как о стилизованной колонне

такой иероглифический знак использовался с древнейших времен в качестве идеограммы слова «Ан», названия города Гелиополя. Ввиду того что время от времени делают ссылку на наличие похожей колонны в других храмах, эта форма культа, очевидно, была вверена коллегиями жрецов благодаря влиянию храма в Гелиополе.

Другим египетским богом, которого иногда считают имеющим воплощение в камне, был Сет. Это доказывает тот факт, что символ продолговатого камня

является обычно определителем его имени, хотя в надписях не было найдено никаких специальных формулировок по этому поводу. В этом и в других вопросах, имеющих отношение к этому богу, несомненно, преобладало семитское влияние.

В Египте наравне с камнями поклонялись и деревьям, но нет никакого подтверждения тому, что в нем когда-либо существовало поклонение горам [36].

Лефебюр попытался доказать, что египтяне были также и огнепоклонниками, но иллюстрации, которые он приводит в качестве доказательств, только показывают, что огонь иногда считали атрибутом различных богов, чьи функции сравнивали с действием огня, особенно если это были солнечные божества; однако вывод о том, что египтяне были настоящими огнепоклонниками в том же смысле, что и иранцы, нельзя сделать, прочитав египетские тексты.

Поклонение водным источникам едва ли можно было принимать в расчет, так как они почти отсутствовали в этой стране, а поклонение воде неизбежно ограничивалось поклонением Нилу. Но один источник неподалеку от Гелиополя был посвящен богу солнца. Отдельные случаи поклонения деревьям сравнительно редки. В эпоху Птолемеев систематически предпринималась попытка ввести эту форму культа в храм каждого нома: в соответствии со списками той эпохи, имеющими отношение к этой теме, в двадцати четырех номах поклонялись нильской акации, в семнадцати – дереву *Cordia туха(?)*, в шестнадцати существовал культ *Zizyphus spina Christi*, тогда как другие деревья, такие как смоковница, *Juniperus phoenicea* и *Tamarix nilotica*, названы один или два раза. Здесь упоминаются всего десять видов священных деревьев, трем из которых иногда поклонялись в одном и том же номе. Но связь этого культа с основным культом храма была очень свободной. В текстах время от времени упоминается священное дерево Гелиополя, которое растет неподалеку от места, где змей Апоп был убит солнечной кошкой; из него также возник феникс, а также на его листе Тот, или богиня знаний Сешет, написал имя царя, который благодаря этому был удостоен вечной жизни.

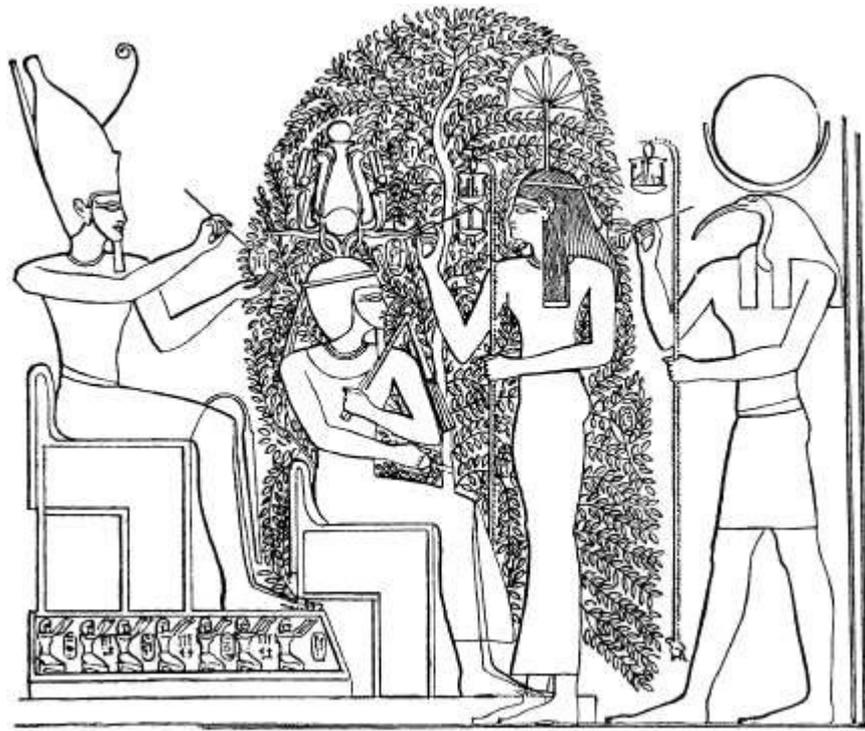

Рис. 35. Сешет и Тот пишут имя Рамсеса II на священном дереве Гелиополя. Храм Рамсеса II в Гурнахе

Мы также читаем о священном дереве, которое росло на сундуке с телом Осириса, о дереве на западе, в котором обитала богиня Нут или богиня Хатхор, а также о других деревьях. Любопытен, однако, тот факт, что пальме, дереву, которое во всем остальном так тесно связано с мышлением и чувствами египтян, можно сказать, нет места в этом культе [37]. Вера Порфирия в то, что египтяне считали неправильным причинять вред растениям, была результатом более поздних представлений, основанных на пантеистических взглядах.

И хотя культ растений не оказал ощутимого влияния на египетскую религию, что явствует из храмовых надписей, тем не менее я бы не спешил утверждать, что он не имел местных корней. Точно так же в египетских текстах мало учитывается культ животных, и все же из работ греческих авторов нам известно, что он играл значительную, если не главную, роль в религии египтян. Эти авторы были лучше знакомы с жизнью народа, нежели жреческой касты и правящих классов, а в Египте, как и везде, верования большой массы населения не совсем соответствовали учению жрецов. Должное почитание и дары воздавались богам крупных храмов, но именно к второстепенным божествам обращались люди в своих личных радостях и печалях, и им они адресовали свои молитвы и жалобы. Недавние исследования показали, как такое положение вещей развивалось у индогерманских народов, особенно у греков и римлян; и в Египте все было не иначе. Здесь также первым побуждением крестьянина было обратиться к своему скромному сельскому божеству, а не богу, который обитал в великолепном жилище в городе. Среди таких божеств были многие священные животные, да и священные деревья также следует поместить в эту же категорию. Дающая тень смоковница была особым объектом такого поклонения, и именно крестьяне, возносящие молитвы к этому дереву, изображаются на памятниках, хотя это было низшее сословие людей, которые усердно молились и посвящали стелы священным животным. Правящие классы в Египте смотрели на этих сельских богов простолюдинов с тем же презрением, которое чувствовали цивилизованные греки и римляне по отношению к грубоватым богам сельских жителей. Мало какие из них были допущены в большие храмы, а тем, которые получили такой допуск, обычно были отведены второстепенные места: их часто лишали присущих им качеств и сливали с богом храма, делая их либо его воплощениями, либо атрибутами, либо

символами; или же их низводили на более низкое положение в свите этого бога или в его окружении. Насколько мы можем судить, факт приема культа какого-либо дерева в храмовую службу и мифологию всегда был результатом компромисса: жрецы были вынуждены делать уступки вере народных масс и допускать в храмы культы богов, которым поклоняется народ. Но они делали это весьма неохотно, и это объясняет то явно незначительное место, которое занимал официальный культ растительности в Египте по сравнению с культами великих богов и их свиты.

Изображения ливийских и азиатских богов почти полностью соответствовали изображениям египетских богов и внешне, и в их позах, и в символике. Иначе обстояли дела с богами африканского происхождения, которые внешне напоминали современных негритянских идолов в человеческом облике и изображались уродливыми, чудовищно толстыми, омерзительными и страшными, в то время как истинно египетские боги – насколько это допускали правила священного искусства египтян – изображались в соответствии с идеалом.

Бес был самым важным из африканских богов. Его изображали в виде бородатого карлика с огромными ушами и кривыми ногами, на которых иногда лежат его длинные руки

Одет он в шкуру животного, хвост которого свисает позади него, а на голове он носит корону из перьев, напоминающую головной убор богини Ануки, которой поклонялись в Нубии. Другое различие между Бесом и египетскими богами состоит в том, что его обычно рисуют анфас, тогда как тех – в профиль. Ему давали много имен, таких как **Хайт**, **Анти**, **Сепд**, **Кхерау**, особенно в более поздний период, но они не подразумевали никакого изменения в восприятии его сущности. Его обычное имя во все времена было Бес, которое произошло от слова беса, что означает одну из крупных кошек, *Synaelurus guttatus*. Шкура именно этого животного составляла его одеяние, и вполне возможно, что его называли по имени животного, в которое он, согласно представлениям египтян, иногда воплощался.

Культ Беса был древним; есть указания на то, что он был известен во времена Древнего царства, и, несомненно, он был еще в силе в начале Нового царства, в то время как начиная с Двадцать шестой династии он приобрел такую популярность, что многие имена собственные сочетались с его именем. И такой стиль перешел и к грекам в Египте, и к коптам. Копты утратили весь смысл этого слова, и один из христианских мучеников из Александрии и по сей день известен нам как Бесас. Бес был известен во времена римлян, главным образом благодаря его оракулу в Абидосе, к которому часто обращались до самого позднего периода. Фигура Беса дала тему для декоративного искусства в Александрии и, кроме того, нашла более широкое применение в искусстве эллинов и финикийцев. Это в достаточной мере объясняет его позднее появление на арабских монетах, что, однако, не дает никаких доказательств сколько-либо тесных взаимоотношений между арабами, которые пользовались этими деньгами, и крупными центрами культа Беса.

Одно из древнейших изображений бога Беса найдено на барельефе в Дейр-эль-Бахри, в храме, построенном царицей Рамакой, более известной как царица Хатшепсут, приблизительно в 1600 году до н. э. Оно появляется в сцене, имеющей отношение к рождению его основательницы. Посреди верхнего ряда находится царственная мать, которая сидит на стуле, держа на руках новорожденного дитя. Слева от нее расположены пять богинь, которые, очевидно, помогали ей при родах в качестве повивальных бабок. Каждая из них держит символ жизни в знак того, что жизнь пришла к ребенку при их содействии. Среди них находятся Исида и Нефтида. Перед царицей стоят на коленях

четыре женщины, ожидая своей очереди ухаживать за ребенком и за его кародившимся в то же самое время. Они простирают вперед руки, готовые принять младенца.

Рис. 36. Бес. Дом рождения храма в Дендере. Римский период

В среднем ряду сидят на корточках три демона с человеческими головами, четыре демона с крокодильими головами и один демон с головой барана. Каждый из них дарит младенцу символ жизни. Среди них находятся символы, означающие, что в судьбе ребенка будут жизнь, стабильность, вечность. Непосредственно под этими символами в самом нижнем ряду есть другие символы, обозначающие защиту богов и независимость, которые предназначены этому младенцу. По обеим сторонам от них располагаются боги в позе молящихся. Двое из них с головой ястреба, а фигура третьего вместе с фигурой бога с головой шакала заняли свободное место справа от символов. Боги с ястребиными головами – это Гор, **Амсет** и **Хапи**, согласно Книге мертвых, – являются душами Пе, храма Буто; они считались духами севера. Фигуры с шакальими головами – Гор, **Дуамутеф** и **Кебхсенуф** – это души Некхеба или духи юга. Таким образом, пиетет, который демонстрируют эти божества, символизирует дань уважения Северного и Южного Египта новорожденному фараону. Рядом с ними стоят бог Бес и богиня Таурт. Все происходит в присутствии богини рождения **Мескхент**, которая изображена сидящей на своем троне. Сопровождающие тексты обещают новорожденной принцессе жизнь, стабильность, здоровье, радость и власть над Верхним и Нижним Египтом на троне бога Гора. Тема этой сцены найдена в схожей трактовке на барельефе в храме Луксора; там она представляет рождение царя Аменхотепа III. Есть похожая сцена в храме в Дендере, относящаяся приблизительно к временам Траяна и изображающая рождение бога солнца. Здесь Бес является сидящим богом по имени Ахти. В этой же связи фигура Беса появляется во всех домах рождения египетских храмов. Дом рождения в любом храме должен был быть местом рождения бога этого храма и давно был известен как Тифоний, потому что гротескная фигура Беса всегда находится на его стенах, и считалось, что он изображает

Тифона, бога греха. Но такая точка зрения была ничем не подтверждена и отброшена после расшифровки иероглифов.

Во всех этих сценах Бес является одним из богов, присутствующих при рождении царя или бога солнца. Его также изображают держащим на левой руке Гарпократа, молодого бога солнца, и дающим ему пищу из своей правой руки, или же он несет ребенка на своем плече. Но его служение ребенку не ограничивалось обеспечением его пищей; он также должен был его развлекать, и поэтому его изображают смеющимся над ребенком, танцующим нелепые танцы и играющим для него на арфе. Таким образом, постепенно он стал считаться богом танцев, музыки и веселья – роль, которая, похоже, была ему предопределена нелепой внешностью. Ему также выпала еще одна обязанность – охранять молодого бога солнца. Так как змеи были главными врагами бога солнца, Бес был поэтому врагом змей.

Рис. 37. Бес и Гарпократ. Бронзовая фигурка в Британском музее. Римский период

Его часто изображают сжимающим и душащим их руками или разрубающим их на куски, как это делает богиня Таурт. В конце Нового царства его стали объединять с его подопечным, наделять его всеми атрибутами молодого бога солнца и изображать, как и того, сидящим на цветке лотоса с локонами юного бога. С ним также стали связывать солнечных львов, и его стали считать одним целым с богом Сепдом, владыкой Востока, покорителем горных племен Синайского полуострова. В конечном счете его полностью смешали с богом Гором с ястребиной головой. Это, а также его отождествление с Амоном и даже с Осирисом Амоном произошло благодаря бытовавшему в период Птолемеев синкретизму.

Бог солнца Бес был богом Востока. Поэтому он был владыкой Пунта, т. е. южных стран на обоих берегах Красного моря, а в более поздние времена – особенно Аравии, где, как предполагалось, находился дом бога солнца и его священной птицы феникс. Эта сравнительно поздняя связь Беса с землями Пунта не является аргументом в пользу его арабского происхождения. Вся его внешность и одеяние указывают скорее на какую-то африканскую и, несомненно, негритянскую страну к югу от Египта, которая была местом, где он появился. На заре истории Египта негры жили на южных границах этого царства, но после того, как несколько хамитских народов заняли большие территории южнее египетских, негры были превращены в рабов и изгнаны дальше на юг. Цивилизация этих хамитских народов зависела от цивилизации египтян, поэтому они почитали не

первоначальный африканский образ Беса, а ту его форму, которая затем пользовалась поклонением в Египте. Они лишь часто изображали его в виде человека нормального роста, а не карлика.

В подземном царстве Бес появляется как несколько другой персонаж. Здесь – хоть и на египетской территории – его образ карлика поменялся на образ человека нормального роста или даже великана. Бес подземного царства был мстительным божеством: его искаженное лицо внушало ужас; он пугал грешников ножом, угрожая вырезать их сердца, и поэтому его называли Воителем. Впоследствии была предпринята попытка приписать ему эту репутацию также и на земле, за исключением того, что там его считали скорее другом добра, нежели врагом зла. И в таком качестве его изображали со щитом и мечом, готовым поразить всех, кто осмелится противостоять тем, кто находился под его защитой и носил его изображение как амулет.

Таурт, «великую», обычно изображали как бегемотиху, стоящую на задних лапах, с непропорционально большим животом и обвисшей грудью; ее передние конечности покоятся на амулете, который олицетворяет кровь Исиды. Ее головной убор

состоит из солнечного диска и двух длинных перьев. Временами ее изображают с человеческой (женской) головой, увенчанной коровьими рогами, которые, по-видимому, временами имеют право носить египетские богини. Таурт считалась матерью и кормилицей богов, она помогала при рождении и богов, и царей. Она имела своего двойника в образе **Апет**, богини-бегемотихи из Фив, для которой там был возведен небольшой храм в эпоху Птолемеев. Здесь, как полагали некоторые, Апет родила Осириса, тогда как эту честь оспаривал храм в Омбосе. Еще позднее Таурт была известна просто как Рерт, бегемотиха, которую изображали обитающей в «доме младенца».

Однако до этого господствующий синкретизм отождествлял ее с Исидой Хатхор и снова с Баст из Бубастиса, с Буто из Пелусия, с богиней **Менхт** с головой львицы из Гелиополя, с **Ренгт** (т.е. олицетворение года) из Мемфиса и другими богинями. Ее изображение в виде покрытой глазурью глиняной фигурки было излюбленным амулетом, который, как и амулет, изображающий Беса, считался профилактическим средством при родах и был одним из самых распространенных из множества египетских амулетов, которые перешли в другие страны. Ее изображение в некоторой степени перешло также и в искусство других стран; есть воспоминания о фигуре Таурт, изображенной в сценах на стене в Микенах. В поклонении мертвым функции Таурт совпадали с функциями коровы Хатхор; она должна была быть Хранительницей Западной Горы, через которую пролегал дорога в Царство мертвых. В конце эпохи Нового царства она, как и Бес, вернулась в Эфиопию, где, по-видимому, были ее корни, когда эта страна была населена неграми, которые ничего не знали о египетской культуре. В самом Египте ее популярность, как и популярность Беса, началась в эпоху Нового царства и усилилась в течение более позднего периода в истории религии Египта, когда бытовало явное предпочтение всему самому необычному, что содержалось в древних текстах. Причем особое значение придавалось этому и в культе, и в вере.

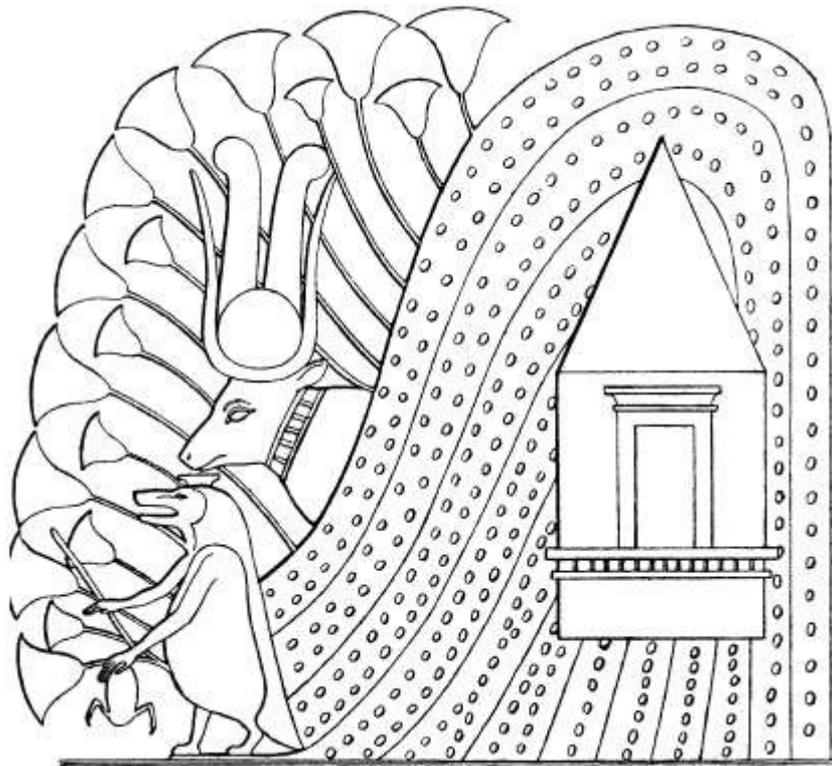

Рис. 38. Таурт и корова Хатхор появляются из Западной Горы. Скальная гробница в Анибехе. Эпоха Рамсеса VI

Поразителен тот факт, что в это время, когда была так сильна тенденция египетской религии объединять и использовать каждый религиозный феномен, явно не возникла склонность подвергнуться влиянию религии греков. Также и язык, который показал себя очень восприимчивым к семитским словам, был закрыт для проникновения греческих и латинских слов и редко использовал термин, заимствованный либо из того, либо из другого, вместо какого-либо египетского слова. Точно так же египетская религия, очевидно, оставалась не подверженной влиянию веры македонских правителей этой страны. Можно обнаружить лишь очень отрывочные намеки на греческие идеи; например, замена в текстах названия Хадес на Дуат (подземное царство). В то время, когда эллины демонстрировали величайшее старание в присвоении чужих богов, просто принимая одних и объявляя других аналогами своих собственных богов, египетская религия отвергла свою прежнюю либеральность и перестала перенимать чужих богов.

Ненависть и презрение к чужеземцам, характерные для египтянина в период упадка, которые он с удовольствием демонстрировал даже своим чужеземным правителям, были теми чувствами, которые он также приписывал своим богам. Они также испытывали такое же презрение к этому молодому народу варваров с Севера вместе со всеми его богами, которые, как выразился бы Платон, не имели истории и поэтому не имели этого заслуживающего доверия доказательства своего существования, которое дают древние предания.

Глава 7 ПОКЛОНЕНИЕ ЖИВОТНЫМ

Поклонение животным всегда рассматривалось как поразительное явление в религии Египта: Отцы Церкви считали его одним из самых ужасных заблуждений языческого духа. Апологеты христианства использовали его в качестве иллюстрации бессмысленных глупостей языческого культа, тогда как греческие философы стремились увидеть в нем глубокое символическое учение. Среди современных критиков Древнего Египта также преобладает подобное расхождение во мнениях по этому вопросу. Некоторыми из них египетский культ животных приводится в качестве доказательства существования тщательно продуманного пантеизма и восприимчивого понимания жизни животных. Другие сравнивают его с негритянским фетишизмом и выдвигают в качестве доказательства низкий уровень, на котором существовали мысли и чувства в долине Нила в древности; третьи, с другой стороны, принимают его за пережиток доисторической религии этого народа, а четвертые – за результат неуклонной деградации религиозной мысли.

Что-то можно сказать в поддержку каждой из этих точек зрения, и все же ни одна из них не свободна от ошибки. Маловероятно, что в настоящее время будут предприняты какие-либо попытки превознести культ животных и рассматривать его как особенно возвышенную фазу духовной жизни Египта. Но в этой главе мы попробуем показать, как случилось так, что египтяне приняли эту форму культа путем логического развития веры в соответствии с принятой у них традицией религиозной мысли. При рассмотрении этой темы следует четко разделять две различные точки зрения, которые впоследствии объединились и смешались: поклонение отдельным животным и выделение некоторых видов животных как священных.

Идея воплощения бога в животном имеет исключительно египетские корни. Египтянин представлял себе, что мир иной устроен так же, как и этот, что жизнь блаженных мертвецов такая же, как и у живущих на земле, и что мертвые так же пьют, едят, испытывают голод и жажду, радуются и страдают, имея лишь одно преимущество перед живыми: они больше не привязаны к одной оболочке, а могут изменять свой облик на облик животных, или растений, или даже богов. Также не существовало существенного различия между богами и людьми. Жизнь бога была в действительности длиннее, чем жизнь человека, но смерть клала конец как жизни одного, так и другого; и сила бога – хоть она и была больше, чем у человека, – была тем не менее ограничена. Во всех областях мысли человек – и только он один – был для египтян мерой всех вещей.

Так как тело необходимо для того, чтобы осуществлять жизненные функции, душу мертвого нельзя было представить себе как неосязаемую, нематериальную субстанцию, а только как нечто, которое живет благодаря телу. Бог тоже находился в таком же положении, и, чтобы общаться с людьми, он по необходимости должен был иметь воплощение, иначе он не мог ни выразить себя в человеческой речи, ни действовать с видимым результатом. Из текстов мы узнаем, что в длинной беседе бога с царем бог кивал или простирал руки, а богиня выступала в роли акушерки при рождении принца и выкармливала своей грудью ребенка, который был рожден, чтобы править на земле, будучи представителем бога, породившего его. Для нас также идеи почти неизбежно являются аллегорией; но только не для египтянина. У него отсутствовала всякая способность воспринимать абстрактную мысль, он мог понимать только то, что было представлено как конкретная реальность. Использование идеограмм в египетской письменности подтверждает это реалистичное умонастроение: египтянин хотел не только делать вывод о значении, исходя из символа, но и видеть его, поэтому он рисовал крокодила после написания его названия, пьющего человека – после слова «пить», фигуру, делающую ударяющее движение, – после слова «ударять» и так далее. Даже для понятий, которые не допускали никаких точных изображений, египтянин изобретал идеограммы

часто посредством довольно сложного хода мысли. Например, за словом, означающим «испытывать голод», следует символ человека с пальцем, указывающим на губы. Этот способ давать указание на значение слова подсказан той же самой последовательностью мыслей, которая заставляет современного итальянского попрошайку указывать на свой рот, в то время как он говорит: «Умираю от голода!» И опять-таки за словом «плохой» следует изображение маленькой птички; а птицы были самым распространенным вредителем сельскохозяйственных культур в этой стране. Слово «чистый» сопровождал символ воды или человека, на которого льется вода; а слова, выражающие чисто абстрактные идеи, такие как «хороший», «красивый» и т. д., писали при помощи изображения папирусного свитка, потому что в начертанном виде они представляли собой видимую реальность. Один и тот же побудительный мотив формировал и язык, и письменность, и египетские предложения построены и расставлены таким образом, чтобы их можно было читать как текст, описывающий ряд картинок.

Эта неспособность к абстрактному мышлению оказала влияние и на египетскую религию. Египтянин не хотел молиться с верой в то, что его молитва может быть услышана невидимой силой, а скорее стремился доверить ее непосредственно ушам своего бога. Ведомый инстинктивным побуждением нарисовать себе бога в человеческом облике, египтянин полагал, что нашел это воплощение в царе, которого называли прекрасным богом, великим богом, Гором и которому в этом качестве адресовались молитвы (прошения), а он сам выполнял их или передавал своим родителям-богам, небожителям, отпрыском которых на земле он был и с которыми он поддерживал постоянную связь. «О ты, царь Меренптах! Ты образ своего отца солнца, которое поднимается в небе. Твои лучи проникают даже в пещеры. Нет места, куда не простиралась бы твоя доброта. Ты устанавливаешь закон в каждой стране. Когда ты отдыхаешь в своем дворце, ты слышишь слова, идущие отовсюду. У тебя миллионы ушей. Твой глаз ярче, чем небесная звезда; он умеет видеть лучше, чем солнечный диск. Если рот произносит что-то в пещере, это все равно достигнет твоих ушей. Твой глаз видит то, что было сделано тайно, милостивый господин, творец жизни!» Эта вера в божественное происхождение царя поддерживалась на протяжении всей истории Египта, в его честь был учрежден особый культ, специально назначенные жрецы совершали богослужения этого культа, и ему делались подношения. Временами почитание божественной личности фараона было таким неумеренным, что даже сами цари поклонялись самим себе. Делались некоторые попытки умерить связанную с этим абсурдность такого поступка, и высказывалось предположение, что молитвы царя были адресованы не непосредственно самому себе, а его ка – качеловека являлась одной из составных частей его личности, – и не чувствовалось никакого несоответствия в идее долгих бесед между царем и его собственной ка, в которых ка милостиво даровала ему радость, процветание, здоровье и силу – по его желанию.

Но хотя на царя и смотрели как на бога, его ни в коем случае не считали единственным: другие члены пантеона стояли с ним в одном ряду и выше его. Он также не был вездесущим. Если царь находился в Танисе, тогда Мемфис оставался без зримого бога, что было недопустимо для египтянина, который всегда хотел иметь возможность ежедневно и даже ежечасно общаться со своими богами. Естественным выходом из положения было придумать других богов, живущих на земле в человеческом обличье, помимо бога, воплощенного в царе; на самом деле исторические титулы номархов, похоже, указывали на то, что этих князей также считали богами в доисторические времена. Но в более поздние времена мы находим только отдельные примеры такой практики. Мы узнаем, например, из надписи на погребальной стеле, что одного высокопоставленного чиновника в начале Девятнадцатой династии величали богом и в таком качестве ему поклонялся один из его подчиненных. А в более поздний период, по словам некоторых первых христианских авторов, в Анабе – об этом местечке у нас нет больше никаких упоминаний – было принято выбирать человека для поклонения и принесения

подношений. Но для остальных, кроме признанной божественной сущности царя, живые воплощения бога в человеке в доисторические времена везде заменялись другими, особенно животными, воплощениями.

Причину такого изменения можно, несомненно, приписать, во-первых, соображениям практической целесообразности. Если другие люди, не цари, считались воплощениями богов, то вполне могло случиться так, что различия во мнениях, которые неизбежно возникают среди них, приведут к ссорам между богами и тем самым станут причиной такого состояния дел, которое окажется весьма опасным для стабильности государства. Поклонение животным не влекло за собой такой опасности. С одной стороны, благодаря своей восприимчивости и способности действовать они могли выражать свои желания посредством движений, а также есть и пить; тем самым они делали себя объектом телесного восприятия, которым должен был обладать бог, чтобы удовлетворять потребностям мышления египтянина. А с другой стороны, ими было легко управлять таким образом, чтобы движения, которые они совершали по собственной воле, были на самом деле откликом на поданные сигналы, посредством которых жрецы или даже сам царь вызывали у животного предполагаемое выражение его воли. Ведь, обладая сильной верой в свою собственную божественную сущность, царь не видел абсурдности в намеренном обмане себя, вымогая у бога согласие на исполнение своих собственных желаний и ответ, который он сам и сформулировал. Египтянин был, разумеется, не настолько сознательно религиозен, чтобы подчинять свои желания воле своих богов – скорее нет; он стремился навязать им свои собственные взгляды. Если священные животные не могли помочь или не помогали в случае экстренной необходимости, их били. А если эта мера не оказывалась эффективной, то животных наказывали смертью. Сходную суеверную практику можно увидеть среди представителей низших классов в различных местах у других народов. Когда Небеса не выполняют чаяния народа, кара падает на идолов или статуи святых, в зависимости от национальной принадлежности. Но в долине Нила такие идеи были распространены не только в народе; в правящих классах особенно преобладали такие низкие представления о божестве, и именно сами жрецы выносили приговор и казнили священное животное. Потом они стремились обеспечить ему бессмертие путем бальзамирования его тела, надеясь тем самым смягчить гнев бога, чтобы он не отомстил за убийство животного, в котором он был воплощен.

Сосредоточенный на определенных животных, которые были воплощениями соответствующих богов, египтянин руководствовался тем, что он считал бросающимися в глаза чертами различных богов и различных видов животных, о которых идет речь. Богам природы в их ежегодном обновлении приписывались животные, которые должны были обладать исключительной порождающей силой, также как бык и баран. А такие животные, как корова, посвящались богам плодородия и пищи. Змеи обязаны своим обожествлением незаметным движениям, своей смертельной силе, а также редкому доверчивому близкому общению, которое производило впечатление на все народы. На связь ястреба с богами солнца, очевидно, намекал парящий полет этой птицы в вышине; а крокодил, лежащий неподвижно на берегу, но ужасный и пожирающий свою жертву, когда разбужен, был воплощением достоинства и затаившейся силы, которые всегда зывали к поклонению у восточных людей. Список священных животных Египта включает в себя не только представителей фауны – млекопитающих, рыб, рептилий и насекомых, – но и многих придуманных созданий, таких как сфинкс, животное бога Сета, и грифон. Для египтянина эти существа были не выдумкой, а реальными обитателями пустыни, независимо от того, насколько редко их могли видеть люди. Сцена охоты, относящаяся к временам Двенадцатой династии, изображает бок о бок с газелями и другими животными четвероногих существ с головами чудовищ, с головами, растущими из их спин, и т. п. Это те существа, которых, как полагал высокопоставленный чиновник, на гробнице которого они изображены, он видел, когда был жив, хотя, возможно, и на большом расстоянии. Они действительно едва ли могут быть классифицированы как просто выдуманные создания.

Для первобытного человека все вещи, которые рисуются ему в его фантазиях или представляются во сне, являются реальными вещами, и твердая вера в существование сказочных чудовищ всегда была характерна для народов, живущих в пустыне. Они были убеждены, что этих существ видели либо они сами, либо их предки. Одиноким и беспомощным в темноте ночи, они становились жертвами своих впечатлений и принимали простейшие события за самые ужасные явления и затем без колебаний объявляли иллюзии, навеянные их страхом, реальным фактом.

Священное животное было «обновленной жизнью» бога, воплощенного в нем, т. е. это было обновление жизни, которая умерла вместе с ближайшим предшественником этого животного в храме. Оно отличалось от других особей своего рода определенными отметинами, известными жрецам. Говорят, что у Аписа было двадцать девять таких отметин, но они по-разному описываются различными авторами. Если верить Геродоту, этот бык был «черным, с квадратным белым пятном на лбу, а на его спине был силуэт орла; волосы на его хвосте сдвоенные, а на его языке – жук». Но есть некоторые сомнения относительно точности этих данных: на изображениях Аписа мы находим, например, что пятно на лбу имеет треугольную форму. Когда находили нужное животное, и оно проходило определенное обучение, его торжественно вводили в храм. Долгое время предполагали – и это предположение бытует до сих пор, – что египетский храм своим центром имел какую-либо статую. Это не так. Многочисленные статуи, установленные в храме, были идолами, сделанными по обету и предназначенными либо царем, либо отдельными частными лицами для украшения здания и будущего благополучия дарителя. Перед ними действительно проходили процессии, но, вообще говоря, не им возносили молитвы в храме и делали пожертвования, а чему-нибудь живому – короче, священному животному этой местности [38].

В отрывке из работы против христианства, который процитировал Ориген, мы читаем: «Если чужеземец попадает в Египет, его поражают великолепные храмы и священные рощи, которые он видит, большие и пышные внутренние дворы, чудесные храмы с красивыми аллеями вокруг них, внушительные и таинственные церемонии. Но когда он входит в Святая Святым, он обнаруживает, что бог, которому поклоняются в этих зданиях, это кошка, или обезьяна, или крокодил, или козел, или собака». С этим утверждением одинаково согласен и Клеменс из Александрии, и Луциан. Их свидетельства по данному вопросу часто отвергаются как злонамеренные выдумки, но такой человек, как Цельс, был бы гораздо сильнее склонен предать молчанию все, что может принизить достоинство египтян, чем придумывать что-то им в насмешку. То, что он упоминает об этом, является самым лучшим доказательством того, что это была ссылка на известный факт, на общественный институт, который египтяне рассматривали как нечто само собой разумеющееся.

На самом деле, как мог египтянин, веря в то, что он обладает богом в облике животного, стыдиться признать это при условии, что он сохранял убежденность в существовании и силе своих богов. А в этом он никогда всерьез не сомневался. Как бы ни расходились взгляды египтян на своих богов и как бы разнообразно они ни рисовали жизнь после смерти и связь с богом, которого человек предполагал в ней, истинно атеистический склад ума был совершенно чужд народу Египта. И только после того, как они узнали кое-что о более развитых формах религиозной веры, люди начали понимать ненормальность поклонения животным и объяснять его как мистический культ простых символов божества. Это изменение произошло благодаря совместному влиянию греческой философии и христианского учения, полностью избежать которых не могло даже египетское язычество. Но пока египетская религия оставалась не затронутой влияниями, божественная природа определенных животных всегда была одной из фундаментальных догм ее учения.

Смерть священного животного не влекла за собой ни смерть бога, представителем которого оно было, ни потерю его собственной индивидуальности. Хотя вытесненный из

его тела бог немедленно стремился получить новое воплощение в другом животном того же вида и внешности, какая была у умершего животного, душа последнего была бессмертна. Согласно доктрине, которая учила, что умерший человек становился Осирисом, точно так же умерший Апис становился Осирисом Аписом, умерший баран в храме Осириса – Осирисом-бараном и т. д. Во всех этих случаях для животного проводились те же самые ритуалы, что и для человеческой мумии: его бальзамировали и обеспечивали амулетами для загробной жизни, в которой его душа будет с этих пор пребывать вечно. Растущее число быков Аписов, божественных баранов и крокодилов, которых египтянин переводил в мир иной, его не смущало, хотя он верил, что душа каждого священного животного представляет собой абсолютную божественную сущность; ведь таким образом и усопший фараон должен был оставаться царем Верхнего и Нижнего Египта в мире ином, невзирая на присутствие там своих предшественников на троне, которые сохраняли за собой это звание и поэтому были его соперниками на этот пост. Египтяне не предпринимали попыток систематизировать свои представления, и в таких случаях все нелогичное и абсурдное не сбивало с толку их мыслительный процесс.

Рассматривая большую роль, которая была отведена священным животным в вопросах культа, мы не можем не поражаться тому, что они сравнительно редко изображаются в сценах на стенах. Среди других изображений бога образы животных встречаются едва ли один раз на тысячу; богов изображают либо в человеческом облике, либо с человеческим телом и головой животного. Бог, представленный в человеческом облике, обычно носил черты правящего царя или его супруги. Египтяне, которые особенно подчеркивали божественную силу добровольного превращения, естественно, предполагали, что высшее существо время от времени будет принимать человеческий облик с целью побеседовать с царем в равных условиях, и они и дальше изображали бога, в точности похожего на царя, потому что последний всегда считался его сыном. Но сложные фигуры, одна часть которых была животным, а другая – человеком, не означали, что это какая-то реальная ипостась божества: они просто использовались как идеографические заменители божественного образа, и все это из художественных соображений. В египетском искусстве существовало строгое правило: в любой сцене все составляющие ее фигуры должны быть нарисованы одного роста, только бога среди простых людей, фараона среди его подданных и хозяина среди его слуг изображали намного выше ростом, что графически отображало превосходство его положения. Так как считалось, что царь и бог занимают равное положение, их обоим следовало изображать одного роста, и было бы абсурдом, если бы бога изобразили в облике его священного животного. Представьте себе сцену, в которой стоит крокодил одного роста с царем, причем все пропорции его тела полностью сохранены! Иногда прибегали к такой уловке: помещая священное животное на пьедестал, поднимали его на необходимую высоту, но обычно предпочитали стиль, когда бог изображался в человеческом облике, а животное символизировала его голова, которая была у него на плечах. Подобный способ изображения имел еще и то преимущество, что такую сложную фигуру можно было показать в действии: как она двигает руками и ногами, обнимает царя, дарит ему символ жизни. Или если речь шла о богине, ее могли нарисовать кормящей грудью монарха – ситуация, которая сразу же произвела бы на зрителя впечатление странной, если бы эта богиня была изображена в облике своего священного животного [39].

Рассматривая некоторые представления, связанные с поклонением священным животным, которые считались богами и убийство которых мирянином приравнивалось к убийству бога и каралось смертью, следует заметить, что животное, которому воздавались такие почести, всегда было единственным в своем роде и отличалось от остальных представителей своего вида определенными внешними отметинами. Но пиетет, который испытывали по отношению ко всем животным данного вида в различных номах, – это совершенно другое. В этих случаях животных почитали не как богов, а скорее как пользующихся благосклонностью богов, потому что существовало поверье, будто облик

животного, о котором идет речь, принимал во время своего временного пребывания на земле бог, для которого оно было священным и покровительство которого распространялось на всех представителей этого вида, чтобы ни один из них случайно не был убит в момент, когда это животное служило воплощением бога. В некоторых номах существовала неясность в отношении отметин, отличающих животное, которое являлось воплощением бога, от остальных своих сородичей, что заставляло жителей беречь всех животных этого вида, чтобы избежать риска и не причинить вред одному священному животному. Это уважение ко всем представителям какого-нибудь вида животных было просто некоторым образом связано с господствующей религией страны, и даже в наши дни мы можем обнаружить похожие примеры у совершенно разных народов: во многих районах Германии, например, у крестьян считается серьезным преступлением причинение вреда аисту.

Животные как виды не были объектом поклонения в Египте, но в определенных случаях они пользовались покровительством и считались не подлежащими убою, а иногда их даже бальзамировали. Последнее, очевидно, в качестве награды должно было обеспечить животным полное и абсолютное бессмертие, для чего необходима была мумификация. Считалось, что бог, который благоволил к определенному виду животных, проявит свою благодарность любому, кто обеспечил полное бессмертие одному из его любимцев. Умершие животные, с которыми обошлись подобным образом, также становились животными Осириса, но они не были богами мира иного, как Осирис Апис; они занимали положение не более высокое, чем на земле, точно так же, как Осирис-раб оставался рабом, а Осирис-крестьянин – крестьянином.

В различных номах охранялись разные виды животных, а к эпохе римских императоров эти различия привели к настоящим войнам между номами, так как население одного нома отказывалось терпимо относиться к тому, что животных, священных для них, убивали и съедали в соседних регионах. И по сей день в Египте частично сохранилось почитание населением определенных животных. Сколько времени в долине Нила были крокодилы, столько они были объектами поклонения египтянина; а кошки, которых его предки считали любимцами некоторых богинь, которым они поклонялись, и по сей день пользуются особой любовью. В случае с кошками явно тщетны попытки объяснить сохранение этих языческих чувств и обычаев их мусульманским происхождением, приписывая его любви, которую испытывал к кошкам Магомет, ведь этих созданий, если уж на то пошло, больше почитают копты, нежели мусульмане.

Среди священных животных, которым воздавались индивидуальные божественные почести (но они не почитались как просто представители определенных видов), четыре были исключительной важности, и они часто упоминаются как греческими авторами, так и в надписях. Это бык Апис, крокодил Сукхос, Феникс и Сфинкс. Из этих созданий первое и второе были реальными животными, действительно обитающими в храмах, а Феникс и Сфинкс существовали только в воображении тех, кто им поклонялся.

Апис, египетский Хапи, – это имя священного быка Мемфиса. Культ Аписа такой же древний, как история Египта, и он все еще существовал в эпоху римлян: на памятниках со времен Четвертой династии упоминаются их жрецы, и мы читаем о волнениях, которые сопровождали обнаружение нового Аписа в годы правления Адриана, а также о том, что торжественное введение священного быка в Мемфис произошло даже в период правления Юлиана. Считалось, что Апис был порожден богом, спустившимся в виде луча лунного света на корову, которая должна была стать матерью священного животного, поэтому к нему относились, как к сыну бога. Быка-избранника узнавали по отметинам, и, когда старый Апис умирал, жрецы искали в стадах его преемника, иногда безрезультатно пересекая в его поисках всю страну, в течение года. Когда, наконец, им сопутствовал успех, богатая награда ожидала владельца божественного быка, большие почести оказывались корове, которая его родила, и в ее честь возводился храм. Тот, кто обнаружил нового Аписа, также получал немалую сумму – иногда до сотни талантов золота.

Животное приводили в Никополь в Нижнем Египте и здесь проводили его обучение, прежде чем в должное время доставить его в Мемфис, куда оно отправлялось на восходе луны в позолоченной каюте на священном корабле, чтобы теперь жить в храме Птаха. Здесь во времена Страбона посетители, которые не довольствовались разглядыванием животного через окошко в его стойле, могли посмотреть, как оно скачет на роскошной площадке, построенной для него царем Псамметихом.

Апису воздавались большие почести: фараоны щедро жертвовали свои богатства на его культ. Александр Македонский и даже Тит считали необходимым приносить ему дары. Но он был известен главным образом своими пророчествами, которые передавались самыми разными способами. Когда бык полизал одежду прославленного Евдоксия из Книда, это означало приближающуюся смерть этого астронома. Похожая судьба была предсказана Германику, когда животное отказалось есть из его руки. Завоевание Египта Августом было заранее объявлено его ревом. На одни вопросы животное давало ответы, проходя через одну или другую из двух комнат по своему выбору; на другие были ответом сны, которые видели люди, задавшие их, проведя ночь в храме, после чего эти сны получали объяснение у священных толкователей. На другие вопросы, хотя они и задавались самому животному, ответы находили в голосах детей, играющих перед храмом; их слова приобретали для верующего человека, задавшего вопрос, форму ритмичного ответа на него. Пророчества общего характера происходили во время шествия Аписа. «Затем молодые люди, которые сопровождали его, запели гимны в его честь, в то время как Апис, казалось, понимает их и желает, чтобы ему поклонялись. Внезапно духи завладели юношами, и они стали пророчить».

Почитаемый таким образом, Апис жил в храме, пока не умирал естественной смертью. Это событие являлось поводом к национальному трауру. Тело быка торжественно бальзамировали и несли к месту его последнего упокоения. Гробницы священных быков Мемфиса, по крайней мере начиная с середины Восемнадцатой династии (т. е. приблизительно с 1500 года до н. э. и далее), были обнаружены Мариеттом в 1851 году. Громадные и обычно монолитные саркофаги весом в среднем по 58 тонн каждый стоят поодиночке в отдельных комнатах, которые в некоторых случаях находятся порознь под небольшими часовнями, а в других – связаны между собой разветвленной сетью коридоров.

Мариетт обнаружил, что в некоторых саркофагах все еще находятся мумии быков, а одна из гробниц, которую он вскрыл, оказалась абсолютно не потревожена с тех самых времен, когда была закрыта после погребения Аписа: были все еще видны отпечатки ног последнего египтянина, который покинул погребальную камеру около трех тысячелетий назад. Внутри и снаружи часовен было много статуй и стел, поставленных по обету паломниками, которые еще раз проделали путь к этому месту, чтобы поклониться Апису, усопшему недавно, в надежде тем самым завоевать его благосклонность и добиться исполнения своих различных желаний. Предполагалось, что душа Аписа попадает на небеса, где ее принимают как Осириса Аписа, и она с той поры считается почти двойником Осириса. На самом деле именно в этом виде Осириса обычно признавали греки, которые наделили его свойствами, взятыми у Плутона и Асклепия, и назвали этого наполовину греческого и наполовину египетского бога **Сараписом** или **Сераписом**. При римлянах культ Сераписа распространился по всей империи и имел приверженцев во всех провинциях. Куда бы ни проникали римские легионы, там почти неизменно находили надписи с упоминанием его имени и скорее его, нежели самого Осириса, считали супругом Исиды. А так как египетские символы и амулеты считались необходимыми для правильного проведения церемоний этого культа, то во всех странах, которые когда-то входили в Римскую империю, и в храмах, и в домах во множестве находят настоящие египетские древности разного рода и размера, от самого высокого обелиска до самого крошечного амулета.

Крокодил Сукхос был воплощением бога Себека и обитал в озере неподалеку от Крокодилополя в Фаюме. Для своих жрецов это животное было ручным, и Страбон, который находился в Египте во время правления императора Августа, дает следующее описание собственного визита к богу-крокодилу: «Наш хозяин, весьма уважаемый человек, который показал нам священные реликвии в Крокодилополе, пошел с нами к озеру, взяв с собой со стола небольшой кусок хлеба, жареное мясо и флягу медового вина. Мы нашли животное лежащим на берегу. Жрецы приблизились к нему, и, когда одни открыли ему пасть, другой положил ему туда сначала хлеб, затем мясо, а потом влил медовое вино. Затем животное плюхнулось в озеро и поплыло к противоположному берегу. Тем временем пришел другой посетитель с таким же подношением, которое приняли жрецы и пошли по берегу на другую сторону озера. Когда они нашли животное, они дали ему свежее подношение таким же точно образом, как и до этого».

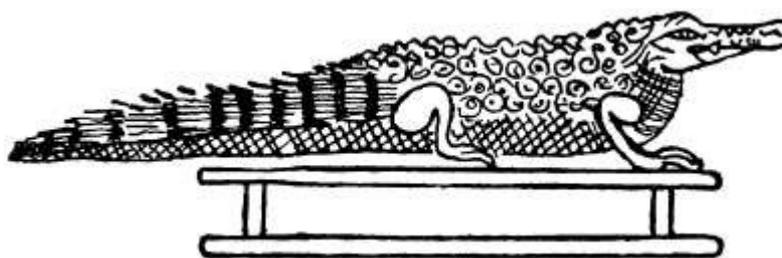

Рис. 39. Себек (Сукхос), бог-крокодил Фаюма. Конец эпохи Птолемеев

С культом Сукхоса все было так же, как и с культом Аписа: он продолжился и в римский период, причем этот бог тогда носил имя Петесукхос (дар Сукхоса). Он даже упоминается в папирусах Фаюма III века н. э. Сукхос также умел пророчить: когда однажды он не стал слушать царя Птолемея и перестал обращать внимание на своих собственных жрецов, это означало приближающуюся гибель монарха. После смерти тело священной рептилии тщательно бальзамировали и клали в одну из подземных камер Лабиринта. Это место погребения было настолько священным, что Геродоту не было позволено посетить его.

Феникс, египетский бену, которого античные и христианские художники часто изображали в виде орла, был задуман египтянами скорее как цапля, и его рисовали с двумя длинными перьями, растущими на затылке, а иногда и с хохолком на груди

Слово бену означает то, что периодически возвращается или возвращается. В мифах рассказывается, как эта птица родилась в пламени, которое возникло на вершине дерева в Гелиополе, что людям она была известна красотой своего пения, которое любило слушать само солнце. Феникс символизировал утреннее солнце, возникающее из ярких отблесков зари, которая меркнет, когда новорожденное светило возносится на небо, и поэтому его считали птицей Ра. Но так как считалось, что умершее солнце становится Осирисом, а новое солнце появляется из набальзамированного тела старого, которое своим чередом доставляли в Гелиополь, точно так же полагали, что и Феникс является обликом Осириса, в котором этот бог возвращается в свои края. Затем, как и в случае со смертью Солнца, именно из Осириса-Солнца появлялось Солнце-Феникс; так же, согласно учению, обстояли дела и в случае с человеком: именно из своего собственного Осириса возникал новый воскресший человек; так что символом этого воскресения и стал Феникс с очень давних пор. Поэтому даже в погребальных текстах со времен Древнего царства усопшего сравнивали с Фениксом: позднее он продолжил служить символом возрождения, и в

качестве такового он упоминается в церковной литературе и фигурирует в самом раннем христианском искусстве.

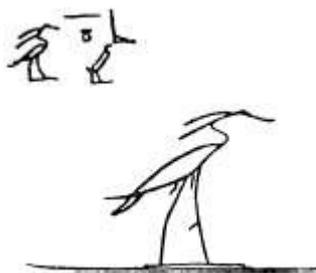

Рис. 40. Бену (Феникс). Папирус эпохи Птолемеев

Египетский **Сфинкс** имел мало общего со сфинксом греков, кроме имени, данного ему греками же. Когда греки впервые пришли в долину Нила и там увидели фигуры четвероногих животных с человеческими головами, они вспомнили, что у них на родине также было предание о таком существе и что его называли «сфинкс». Поэтому, естественно, этим именем они наградили существо из египетского мифа, не беспокоясь о том, что между этими двумя понятиями не было реального сходства. Египетский сфинкс играет роль хранителя храма или бога, и поэтому обычно бога **Акера**, стража Подземного царства и защитника бога Ра в ночные часы, изображают в виде сфинкса с телом льва, идущего уничтожать врагов бога солнца. Точно так же, как изображение крылатого солнечного диска над входом в храм одним своим присутствием не давало никакому злу проникнуть в священные залы, так и лежащие сфинксы, охраняющие подступы к храму, служили для того, чтобы задерживать любого врага бога этой местности у ворот в божественную обитель.

В гробницы, особенно более позднего периода, сфинксов помещали в качестве стражей. В одном тексте Сфинкс обращается к усопшему со следующими словами: «Я защищаю часовню твоей гробницы, я охраняю твою погребальную камеру, я не впускаю незваных гостей, я повергаю наземь врагов и их оружие, я изгоняю дьявола из часовни твоей гробницы, я уничтожаю твоих недругов в их убежищах, запираю их там, чтобы они больше не смогли выйти».

Первоначально сфинкс представлял собой воображаемое четвероногое животное, обитающее в пустыне, с человеческой головой, которое, вероятно, было излюбленным воплощением бога солнца Ра, когда он желал защитить своих друзей и приверженцев. Эта концепция воплощена в гигантском сфинксе, стоящем около пирамид Гизы. Он вырублен из цельного камня и возвышается на семьдесят пять футов над пустынной равниной. Созданный в далекой древности, здесь он стоял даже во времена Хефрена, строителя второй пирамиды, и охранял некрополь от злых духов. Он повернут лицом на восток, к восходящему солнцу, и сам является проявлением бога солнца. Он больше посвящен утреннему солнцу, разгоняющему ночную мглу. Поэтому он носит имя Кхепера, а также Ра Гармакис. Между его передними лапами стоял небольшой храм, к которому вела лестница, а в нем была стела и надписи, относящиеся к культу Сфинкса. Но в этот храм всегда трудно было попасть, так как в древние времена, как и в наши, он неоднократно оказывался погребенным под вихрями песка, летящими из окружающей его пустыни. Сохранившаяся стела рассказывает нам, как однажды, когда Тутмос IV находился на охоте и проводил свой послеобеденный отдых в тени огромного сфинкса, ему во сне явился сам бог Ра Гармакис и приказал расчистить от песка божественный образ. Но работа царя оказалась бесполезной: пески вскоре занесли его снова, скрыв стелу, воздвигнутую в память о раскопках царя. Позднее сфинкса, по-видимому, раскопал Рамсес II, так как его имя часто встречается в надписях его храма; но пески снова замели его. Но упоминание о громадном изваянии можно найти у Геродота, хотя ссылку на него делали более поздние греческие авторы. Неоднократно в нынешнем веке пески расчищали лишь для того, чтобы

все стало как было. В настоящее время можно увидеть лишь его лицо, глядящее в пустыню, все еще величественное, хотя сильно изуродованное арабами. У них Сфинкса называют Отец Страха, словно в память о его древнем значении. Эта фигура настолько явно производит такое впечатление, что задолго до того, как ее точное предназначение стало нам известно посредством расшифровки иероглифов, огромного сфинкса в Гизе описывали путешественники, называя его стражем некрополя возле пирамид.

Есть мало указаний на существование сфинксов в эпоху Древнего царства; пристрастие к ним преобладало главным образом в период со времен Двенадцатой династии до времен Птолемеев. Лицо этого воплощения бога обычно делали по образу и подобию правящего монарха по причинам, схожим с теми, которые привели египтян к изображению своих богов похожими на своих фараонов. А так как монарх был обычно царем, то, как правило, сфинксы были мужского пола, как в случае со сфинксами Амасиса в Саисе, о которых упомянул Геродот. Но сфинксы храма, построенного царицей, вполне могли быть женского рода, особенно если они также были предназначены для того, чтобы олицетворять богиню. Ведь Сфинкса не считали связанным исключительно с Ра: его облик принимал не только бог Акер как защитник бога солнца, но и разные другие боги-покровители, как, например, иногда Исида, когда появляется в роли защитницы своего супруга Осириса.

Этот факт к тому же объясняет, как произошло, что сфинкса иногда изображали не с человеческой головой, а с какой-нибудь другой – например, с головой ястреба или шакала; голова животного заменяла существо, которое приписывалось священному животному бога, который предположительно выбрал сфинкса для своего воплощения. Но каменных баранов, львов и т. д., которых мы находим в виде амулетов или которые во многих случаях занимают то же самое положение перед египетскими храмами, что и сфинксы, ни в коем случае нельзя путать со сфинксами: каждое из этих животных было просто изображением священного животного бога той местности, в котором он нашел свое воплощение, и каждое изображение поэтому было равнозначно статуе бога. Нельзя называть эти объекты сфинксами, и ошибка возникла только потому, что они с точки зрения архитектуры выполняли те же самые функции.

Египетский храм строился с видимым двойным концом. Во-первых, он был обителью бога или скорее его священного животного и предоставлял место для собирающихся вместе верующих для вознесения молитв или дарения подношений. Во-вторых, с доисторических времен храм был крепостью, в которой бог и верующие могли защищать себя от общего врага в те дни, когда один ном боролся с другим номом за главенство, и еще не появился фараон, который уладил бы их разногласия и не допустил бы, чтобы противопоставление интересов отдельных лиц чувствам группы людей вылилось в неистовых бунтах. Тогда, как и в наши дни, когда дело касается диких народов, завоевание страны или региона влекло за собой уничтожение местного бога и убийство его священного животного. Камбиз и Артаксеркс всего лишь последовали примеру самих древних египтян, когда один из них попытался убить Аписа, а другой приказал убить священного быка и барана Мендеса. Именно защищать от таких случайностей была призвана обитель бога, построенная в виде крепости в его владениях. Это была цитадель, в которой верующие собирались вместе, чтобы оказать сопротивление врагу. Но оборонительный характер таких построек сохранялся в долине Нила даже после объединения империи, а постепенное образование национального пантеона, в который входили все местные божества, устранило или свело к минимуму эту опасность, угрожающую храмам богов. С самых древних до недавних времен горизонтальная проекция египетского храма оставалась практически без изменений в своих основных частях.

Главным помещением храма было святилище, а в нем находился наос, прямоугольная кабинка, открытая спереди, часто с зарешеченной дверью, которая в одних случаях служила клеткой для священного животного, а в других – для любого объекта,

который являлся воплощением бога. Но в тех храмах, где в равной степени почитали нескольких богов, могло быть несколько таких святилищ, расположенных одно возле другого, вместо одного. Святилище было в большей или меньшей степени окружено помещениями, обычно темными, которые служили хранилищами для храмовой мебели, священных облачений, церемониальных ковчегов, знамен и тому подобного. Перед святилищем и окружающими его помещениями располагался Гипостильный зал, слабо освещенный благодаря окнам у самой крыши и соединяющийся со святилищем посредством узкого и довольно низкого дверного проема. Напротив него, на другой стороне Гипостильного зала, другая дверь едва ли большего размера вела во двор под открытым небом. Как правило, в этом дворе колонны стояли только с одной стороны, но иногда также ряд колонн пересекал центр, как в храме в Карнаке. Внутри его можно было зайти через гигантские ворота, которые состояли главным образом из двух огромных широких башен, причем у каждой башни четыре ее стороны слегка и симметрично были наклонены внутрь. Проход между башнями был очень узким, и его легко можно было защищать с их парапетов. Такой вход нам сейчас известен как пилон, и вход из открытого двора в Гипостильный зал также проходил, вообще-то говоря, через пилон. Проход через пилон часто был снабжен деревянными дверями, обитыми драгоценным металлом, блестящим на солнце. В дополнение к главному входу имелись лишь маленькие боковые входы, через которые можно было попасть в храм. Их легко можно было запереть от врага, и через них – если возникала необходимость – можно было осуществлять вылазки.

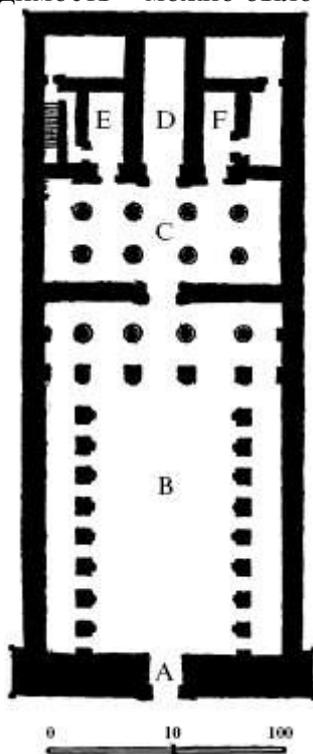

Рис. 41. План небольшого храма, построенного Рамсесом II для Амона, в Карнаке: А – входной пилон; В – открытый двор; С – Гипостильный зал; D – святилище; E, F – камеры хранилища

Обычно перед каждой входной башней воздвигали обелиск; между каждой башней и обелиском помещали статую сидящего фараона, основавшего храм, а перед входом стояли четыре или восемь высоких мачт, на которых развевались ярко раскрашенные вымпелы. Они были предназначены для того, чтобы неким мистическим образом отвращать от храма зло, как это делало и изображение крылатого солнечного диска над входом. Внутренние стены храма от входа до святилища были украшены сценами, расположенными, как могло показаться, в определенном предписанном порядке. Все они складывались в подобие

путеводителя, которым мог пользоваться царь во время своих посещений храма. На этих сценах изображался ход различных церемоний, проведение которых было возложено на него в таких случаях. Эти сцены начинаются на внешнем пилоне и тянутся до самой дальней камеры внутри храма, причем сюжеты на стене слева и справа совпадают по теме. Почти неизменно бога этой местности изображают повернутым лицом к входу, а царя – входящим в здание, чтобы приветствовать его. Церемониальный порядок сцен изредка прерывался историческими текстами, сценами сражений или тому подобным (обычно все это высекали на внешних стенах храма). И тем не менее они также считались храмовыми текстами и сценами, так как для египтянина каждая война, которую вела его страна, была священной войной, рекомендованной и спланированной самим великим богом даже в таких деталях, как повеление царю не выходить на поле боя и не сражаться лично. Это повеление, кстати, которое ввел Меренптах, благосклонно воспринималось тем царем, который, по-видимому, не отличался храбростью. Но если сам царь выходил сражаться со своим войском, то тогда бог парил над ним, как птица, защищая его, гарантируя победу его оружием и даже принимая человеческий облик, чтобы биться рядом с фараоном в опасный для него час. Так как бог вел войну, то именно ему победивший царь делал подношения в виде самой лучшей части добычи. Это было золото, рабы и казна городов. Тем временем в его доме делались надписи, прославляющие главные эпизоды войны, а особенно победы. Ведь разве не были они поистине деяниями бога, а царь, его сын, который действовал на войне, не был ли лишь инструментом в руках божьих? На передних стенах пилона почти неизменно была высечена сцена победы. Мы видим царя, который перед своим богом убивает группу пленников, молящих его сохранить им жизнь. Это было не только изображением реально происходивших событий (человеческие жертвоприношения своему богу, которыми фараон праздновал свое победоносное возвращение домой), но и служило для врагов этого бога ужасным примером того, какая судьба может ожидать тех, кто пытается противостоять его божественной силе.

Стена или чаще земляной вал окружал участок земли вокруг храма, на котором порой оказывались другие храмы, рощи, в которых гнездились птицы, озера с плавающими по ним храмовыми лодками, жилье для жрецов и иногда даже дворцы, как могло показаться. Попасть на участок земли вокруг храма можно было единственным путем – через ворота в ограждающей его стене прямо напротив пилонов. К ним вели священные дороги, по которым проходили погребальные шествия, несли изображения богов и шел царь, чтобы совершить жертвоприношение в храме. Эти дороги соединялись с Нилом лестницами, у подножия которых стояли на якоре корабли, обслуживающие храм и мертвых. Часто по обеим сторонам такой дороги стояли ряды сфинксов, расположенных через одинаковые интервалы и повернутых лицом друг к другу. Или же, как правило, это были изображения священных животных этого храма с надписями в честь царя-основателя, статую которого иногда можно было увидеть в их вытянутых вперед лапах. Эти каменные изваяния священных животных исчислялись тысячами. В Фивах, например, были целые проспекты со стоящими вдоль них баранами. Они охраняли Священную Дорогу и отмечали границы священных владений. Даже во время процессий богу не нужно было покидать свою собственность, так как священные дороги шли от храма к храму через города и поля, а также к месту бальзамирования и в гробницы; ведь мертвые, которых туда несли, сами уже стали как боги, и их как можно дольше защищали от путешествия по неосвященной земле.

Преграды в виде рядов сфинксов или священных животных и стена ограждения храма были единственным, что отделяло бога от человека из долины Нила. Тот, кто имел чистое сердце и был верным приверженцем богов, мог пройти по Священной Дороге во время праздников и войти в храм в числе идущих в процессии. Он мог слушать песнопения жрецов и с почтением вглядываться в загадочную и залитую светом ламп темноту Святая Святых, где двигался сам бог в облике животного. В египетских текстах нет упоминаний о делении людей на посвященных, обладающих знаниями о скрытых

тайнах религии, и непосвященных, которые помогали в проведении священных обрядов только снаружи и не могли входить в храм или, по крайней мере, в святилище – какие бы теории ни выдвигались на эту тему современными учеными. Разумеется, египтяне не больше, чем мы, позволили бы всем подряд входить в храм, когда им заблагорассудится, и без ограничений попадать в Свята Святых. С этой целью требовалось пройти некую подготовку, которая главным образом состояла в чтении молитв, соблюдении поста и прохождении обрядов очищения. Но никто не мог по необходимости быть не допущенным к тайнам египетской религии: они были доступны как для простолюдинов, так и для знатных людей. Однако правдой может быть и то, что первых мало волновала эта тема, и они предоставляли жрецам за подношения думать об этом. Люди, естественно, больше верили в силу амулетов и магии, чем образованные классы, и все же, по существу, религиозные верования всех классов были одними и теми же. Обряды их религии представляли собой тайну только для несведущих или для тех, которых не интересовало их значение; но, вероятно, эта тема неизбежно всегда была и трудной, и скучной из-за своей сложности и изобилия парадоксов в учении.

Глава 8 ОСИРИС И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ

Самый полный вариант мифа об Осирисе и Исиде тот, который дал Плутарх в работе, написанной около 100 года н. э. Опуская несущественные детали и авторские ремарки по ходу дела, рассказ Плутарха можно изложить следующим образом. Реа (Нут), супруга Гелиоса (Ра), имела тайную связь с Кроносом (Себ). Когда это стало известно Гелиосу, он проклял ее тем, что ни в какой месяц никакого года она не могла родить детей. Но Гермес (Тот) также был возлюбленным Реа, и, играя в шашки с Селеной, он выиграл у этой богини одну семидесятую долю каждого дня в году, и из этих временных кусочков сложились пять полных дней, которые он прибавил в конце трехсот шестидесятидневного года египтян. Эти новые дни оказались вне проклятия Гелиоса, и в первый же из них был рожден Осирис, а голос с неба объявил, что на свет появился владыка всего сущего. Некому Памилесу в Фивах также открылось, что он должен громко провозгласить рождение великого царя Осириса, совершающего добрые дела, которого Кронос тотчас доверил его заботам. На второй из пяти новых дней родился Ароэрис (Гор-ур, Гор Старший), на третий – Тифон (Сет), который вырвался наружу через бок своей матери, на четвертый – Исида, а на пятый – Нефтида. Осирис и Ароэрис считались детьми Гелиоса, Исида – ребенком Гермеса, Тифон и Нефтида – потомством Кроноса. Но в некоторых вариантах мифа утверждается, что Осирис и Исида были любовниками до своего рождения, а Ароэрис был их сыном. Однако все они сходятся в том, что Осирис и Исида со временем стали мужем и женой, как и Тифон с Нефтидой.

Когда Осирис пришел в свое царство, жизнь египтян была чуть лучше жизни животных, но он изменил их жалкое существование, научил их сельскому хозяйству, дал им законы и напутствовал, как надо поклоняться богам. Впоследствии он обошел весь мир с цивилизаторской миссией, и ему едва ли нужно было применять силу в достижении своих целей; он прокладывал себе путь убеждением и обучением, песнями и музыкой. Именно поэтому греки стали отождествлять его с Дионисом. Во время отсутствия Осириса Тифон не мог осуществить какие-либо перемены, так как Исида была постоянно начеку и оказывала стойкое противодействие. Но после возвращения царя злодей обманом захватил его. Вступив в тайный сговор с семьюдесятью двумя заговорщиками и царицей Эфиопии Ассо, Тифон украдкой снял мерку с тела Осириса, приготовил богато украшенный сундук таких размеров и привез его с собой на царский праздник, на котором все стали восхищаться сундуком. Как будто бы в шутку Тифон пообещал его любому присутствующему, чьему телу он будет точно впору. Гости один за другим тщетно примерялись к нему, но, наконец, вошел Осирис и лег в него. Тогда выбежали заговорщики, быстро захлопнули крышку, заколотили ее гвоздями, залили расплавленным свинцом и, отнеся ящик к реке, отправили его к морю через устье Нила. Это случилось на семнадцатый день месяца Атхир, на двадцать восьмой год жизни или, согласно другим версиям, правления Осириса.

Когда Исида узнала о случившемся, ее скорбь была велика. Она бродила всюду в поисках тела своего мужа, пока, наконец, не услышала от детей, по какому рукаву Нила сундук уплыл в море. Она также узнала, что Осирис однажды изменил ей с ее сестрой Нефтидой, приняв ее за Исиду. Она начала искать их ребенка, нашла его и стала заботиться о нем. Ребенок был известен как Анубис; он стал ее защитником и спутником в ее скитаниях. Тем временем сундук с телом Осириса приплыл к берегу в Библосе, где вскоре зарос вереском. Увидев это дерево, царь этой страны приказал срубить его и сделать из него колонну в его доме, не подозревая, что внутри него находится сундук. Итак, Исида пришла в Библос и благодаря тому, что от нее исходил нежный аромат, служанки дворца любезно пропустили ее внутрь, и ее сделали кормилицей царского ребенка. Богиня кормила ребенка, положив ему в рот свой палец вместо груди, а по ночам сжигала все, что было смертельным, с его тела, а сама летала вокруг колонны в облике

ласточки, оплакивая мужа. Но в конце концов ее застала врасплох царица Астарта, которая вскрикнула, увидев ребенка посреди языков пламени, и таким образом лишила его бессмертия. Тогда богиня открылась и попросила себе эту колонну. Она легко вытащила ее из-под крыши и вырезала гроб из ствола вереска. Колонну она обернула полотняной тканью, налила на нее мирру и отдала ее царю: таким образом она сделала дерево Исиды, которому поклонялись жители Библоса до самого недавнего времени. Потом она, громко рыдая, бросилась на гроб и в конце концов увезла его на корабле. Когда она осталась одна, она открыла гроб, легла лицом на лицо умершего, стала целовать его и плакать.

Затем она спрятала гроб и отправилась к своему сыну Гору, который рос в Буто в Нижнем Египте. Охотясь при луне, Тифон нашел гроб, узнал тело, разорвал его на четырнадцать кусков и разбросал повсюду. Когда Исида узнала об этом, она взяла лодку и поплыла в дельту Нила в поисках разбросанных частей тела своего мужа. Она нашла их все, кроме одной, и в каждом месте, где она обнаруживала какую-то часть тела, возвели гробницу Осириса. Тем временем Гор вырос и вооружился, чтобы бороться с Тифоном. Сражение длилось много дней и закончилось его победой. Тифона заковали в цепи и доставили к Исиде, которая тем не менее не лишила его жизни, а отпустила. Это привело Гора в ярость, и он сорвал с головы Исиды корону или, вернее, срубил ей голову, которую Гермес заменил головой коровы. После смерти мужа Исида снова зачала от него ребенка и преждевременно родила мальчика Гор-пекхред (Гор-ребенок), нижние конечности которого были недоразвитыми и чахлыми.

Таков рассказ Плутарха, но на памятниках нет ничего, что подтвердило бы такую долгую историю. Тем не менее она характерна для Древнего Египта, и, кстати, почти обо всех событиях есть упоминания в текстах, на которые постоянно делаются ссылки: очевидно, этот миф был так хорошо известен, что не считалось необходимым давать полное его изложение. Ложность вывода, основанного на определенных утверждениях Геродота о том, что миф об Осирисе был религиозной Тайной, лучше всего опровергает популярный рассказ, широко распространенный во времена Девятнадцатой династии и известный как сказка о двух братьях. В нем ряд событий и деталей взят из мифа, и, по крайней мере отчасти, эта сказка, вероятно, была непонятна любому слушателю, не знакомому с рассказом об Осирисе. Однако, рассматривая последний подробно, мы ограничимся событиями, которые представляют собой наибольшую важность и подтверждаются надписями.

Год в Древнем Египте состоял из двенадцати месяцев по тридцать дней в каждом, и, чтобы привести его в большее соответствие с действительным годом, к нему добавляли так называемые «эпагоменальные» дни, которые еще на раннем этапе истории страны праздновали в некоторых храмах как дни, в которые родились пять богов из группы Осириса. Третий из этих дней считался годовщиной рождения Тифона и был несчастлив, тогда как милостивый характер, приписываемый Осирису, отражен даже в его имени Уннефер (Делающий добро), который сразу же стал самым распространенным его титулом и одним из его имен как царя. Утверждение, что семнадцатый день месяца Атхир праздновался как годовщина его убийства, подтверждается ссылкой в папирусе времен Девятнадцатой династии, который называет эту дату днем траура по Осирису в Саисе. Это совпадение тем более заметно, что большинство египетских текстов ставят и годовщину, и день траура в конец месяца Коиак. Это поразительное расхождение [40] объясняет тот факт, что в Осирисе были соединены два божества: умирающий и мертвый Ра и человек-бог и царь Осирис. Первый умер в конце месяца Коиак, в самый короткий день в году. Другие народы также считали этот день днем гибели Солнца и его нового рождения, которое, как и в случае с Ра, последовало немедленно за его смертью. Различные соображения должны были определять день, в который следовало праздновать смерть Осириса, но тем не менее дата в месяце Атхир не осуждалась, особенно в более поздние времена, когда всех богов все больше и больше стали считать богами солнца. Однако ее по-прежнему продолжали широко признавать и регулярно цитировать античные

авторы. Самое раннее упоминание о смерти Осириса в месяце Хойяк найдено в надписи времен Восемнадцатой династии.

И в других отношениях слияние Ра с Осирисом повлияло на формирование представления о последнем и имело тенденцию к стиранию его первоначальных черт. Изначально Осирис был идеальным человеком, или, точнее, царем, чья жизнь была образцовой, чья смерть показала, что все, даже самые лучшие, должны умереть, и чья жизнь после смерти также показала, что, проявляя добродетель, все могут добиться такого же продолжения своей личной индивидуальности. И хотя Осирис имел божественное происхождение, он не считался богом при жизни; тем не менее одна надпись времен Восемнадцатой династии утверждает, что он «создатель мира, который сделал своей рукой, его вод, воздуха, растений, скота, птиц, рептилий, всех четвероногих созданий», приписывая ему тем самым ту же деятельность, которой, согласно общепринятым понятиям, занимался Ра, и ставя его в положение, не соответствующее тому, которое он занимает в мифе. Но даже этот текст содержит ссылку на миф без сокращений, он гласит: «Сиятельная Исида, мстя за своего брата [Осириса], искала его и не знала покоя, пока, полная скорби, она бродила по всей стране. Она не знала ни минуты покоя, пока не нашла его. Она сотворила свет своими перьями, а ветер – своими крыльями; она воздала ему погребальный панегирик. Она взяла семя этого бога и сотворила для него наследника и вскормила ребенка грудью» и т. д. Ребенка, о котором идет речь, греки называли Гарпократом; подразумевается, что он был зачат после смерти своего отца.

В более поздний период скитания Исиды были излюбленной темой египетских легенд. Рассказывается, например, как после смерти Осириса Сет запер Исиду и Гора в доме, но она по совету Тота убежала из него вместе со своим ребенком. Эпизоды ее бегства излагаются подробно, и интересно отметить, что в одном случае Исида превратилась в корову, а Гор – в быка Аписа, что они вместе, вероятно, отправились на родину Аписа в Ливийский ном, «чтобы увидеть бога Осириса». Ни превращение в животное, ни посещение города, не лежавшего на пути следования богини, не имеют никакого смысла в мифе об Осирисе: оба эпизода заимствованы из легенды о Ра. Именно в это место, известное как Жилище Коровы, удалился Ра на спине коровы после своего отречения от престола.

События, связанные с воспитанием и юностью Гора, также были вплетены в эти легенды. Занимаясь поисками тела своего мужа, Исида вверила Гора заботам богини Уазит (Лето) в городе Буто, расположенном в центре болот дельты Нила. Хотя здесь ребенок и был защищен от происков Сета, его ожидали другие опасности, и однажды он внезапно замертво упал на землю, ужаленный скорпионом. Тогда Исида позвала на помощь бога Ра, и корабль солнца остановился. С него сошел бог Тот, обладающий магической силой, и вернул к жизни ребенка, которому было предназначено судьбой взойти на трон своего отца Осириса и отомстить Сету за его смерть. В текстах часто содержатся ссылки на эпизоды этой длительной борьбы между Гором и Сетом, происходившей на просторах Египта, которую, как правило, связывают с войной Горбехудти против врагов Ра, среди которых оказывается и Сет. Все сражения заканчиваются победой Гора, но его победа никогда не окончательна; Сет всегда снова поднимает голову. Есть версия, что Себ уладил конфликт, сделав Гора царем северной части Египта, а Сета – южной, и провел границу южнее Мемфиса. Она, по-видимому, была сравнительно поздней выдумкой. Эта вражда по своей природе была бесконечной, так как Гор, или, точнее, Осирис, которого он представлял, олицетворял добро, а Сет – зло, которые всегда сосуществуют в мире, несмотря на то что добро может часто побеждать зло. Сет также олицетворяет смерть, которая временно подчиняет себе Осириса; но добро торжествует над смертью и не только снова начинает жить в мире ином, но и остается на земле, так как оставляет там своего представителя Гора, существо, во всех отношениях похожее на себя.

Похороны Осириса описываются в длинных текстах, и погребальные песни, которые Исида и ее сестра Нефтида должны были петь у его гроба и в которых он иногда предстаёт

исключительно как бог солнца, сохранились в нескольких образцах, различаясь только в подробностях. Ежегодные торжественные церемонии в память о его смерти, которые проводились в месяце Хойяк и изображали его похороны и воскресение, детально описаны в длинном тексте в храме Дендеры. И в то же время в нем дается перечисление различных мест, где находятся могилы Осириса. Другие тексты расширяют этот список и устанавливают также, какая часть тела бога хранилась как священная реликвия в каждой из перечисленных святынь. Так, в Мемфисе была похоронена голова, в Летополе – шея, в Атрибе – сердце.

Так как никаких описей по сколько-нибудь единообразному плану не было сделано, многие реликвии фигурируют дважды. Голова, например, находится как в Абидосе, так и в Мемфисе, а сообщений о захоронении ног столько, что ими можно снабдить нескольких человек. Во времена греков было сорок два таких храма Осириса, и греки называли их серапионами, позаимствовав это название у Серапиона в Мемфисе, не придавая значения различию между усыпальницей умершего быка, который стал Осирисом, и гробницей самого богочеловека Осириса. Но для египтян они были святилищами Осириса, того, кто пребывает в подземном царстве.

После смерти Осирис стал царем потустороннего мира. Именно в этом качестве ему поклонялись египтяне: он правил мертвыми, и именно в его присутствии выносился приговор относительно принятия умершего человека в его царство, поэтому все стремились обеспечить себе его благосклонность. Поэтому гораздо большее число молитв, обращенных к мертвым, и погребальных подношений предназначены ему, и в тысячах и тысячах погребальных надписей мы можем прочесть: «Пусть царский дар будет передан Осирису, чтобы он мог пожаловать все, что есть хорошего, пищу и питье каусопших М. или Н.». В этих текстах снова и снова фигурируют имена других богов, но Осириса всегда призывают вместе с ними или, точнее, перед ними. Фигуру бога

рисовали как человеческую, обычно спеленутую подобно мумии, чтобы показать, что этот бог умер и похоронен; открытыми у нее оставались лишь руки, держащие скипетр, и лицо зеленого цвета, украшенное длинной жесткой бородой, которая означала, что этот усопший стал богом. Его головной убор состоит из короны Верхнего Египта и двух перьев Истины: изначально они были его особенностью, а другие боги носят их лишь в том случае, если они соединились с Осирисом. Так, например, Ра становится Осирисом, когда он изображен в виде ястреба с короной Осириса на голове.

Рис. 42.Исида, Аст, стоящая позади Осириса. Стела из гробницы в Саккаре. Девятнадцатая – Двадцатая династия

Исиду – у египтян Хестили Аст –жену и сестру Осириса – изображают в виде женщины, держащей в руке символ жизни или стебель папируса

обычный скипетр богини; на ее голове – трон. Этот трон или стул не указывает на что-то особенное в характере этой богини. Это просто идеограмма, используемая при написании ее египетского имени, значение которой неизвестно. Греки предполагали, что она как-то связана со словом ас(старый), египтяне – с восклицанием ас!(смотри!); но ни один из вариантов не является подходящим. Исида считалась типом настоящей жены и матери, а также самой сведушей волшебницей; именно в последнем качестве она выступает в легенде о Ра. Священным животным для нее, как и для всех богинь-матерей, была корова, и поэтому ее иногда изображают с головой коровы, но чаще – только с коровьими рогами

У Иисиды, как и у Осириса, было много центров поклонения, но особым почетом она пользовалась в Абибдосе и Мендесе или, точнее, Бусирисе. Широко распространена триада, состоящая из Осириса, Иисиды и Гора. В более поздний период центром ее культа стал город Филе; здесь для нее были воздвигнуты великолепные храмы, а из одной надписи нам известно, что здесь ее считали богиней еще в 453 году н. э., т. е. спустя семьдесят лет после указа Феодосия, запрещающего поклонение египетским богам. Приношения ей особенно любили делать блеммийцы, дикие кочевники, которые постоянно угрожали Египту; их едва сдерживала и не допускала в Нижний Египет вся мощь римских и византийских правителей.

Нефтида – у египтян Неб-хет –Хозяйка Дома часто фигурирует в текстах; иногда ее называют матерью Анубиса, супругой Сета и т. п. Ей поклонялись в нескольких городах, но на самом деле она была не более чем участницей погребального плача по Осирису вместе с Исидой. Даже если однажды она защитила тело Осириса, то же самое она сделала бы и для благочестивого усопшего человека; и, когда она участвует в таком обряде, ее, как и Исиду, изображают стоящей с распростертыми крыльями, которыми она защищает мумию. Что касается всего остального, она имеет человеческий облик и в качестве головного убора носит идеограмму

Это абсолютно необходимо, так как она одна отличает ее от Исиды или вообще от любой другой богини. Иногда у нее на голове коровьи рога, а иногда – солнечный диск, но это не дает оснований считать ее солнечным божеством.

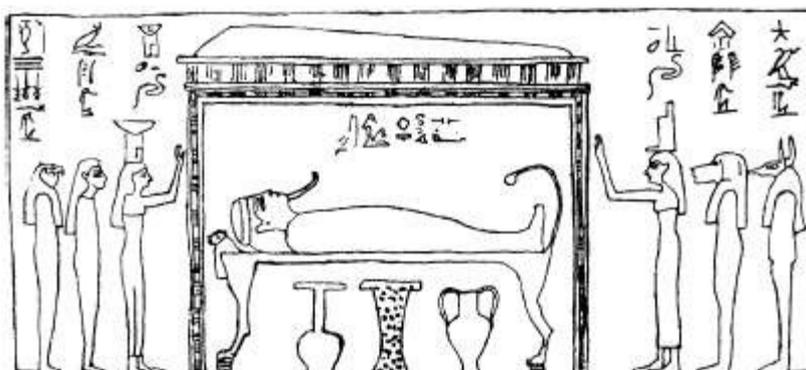

Рис. 43. Мумия на погребальном одре. Подписи под фигурками слева направо: Кебх-Сенуф, Амсет, Нефтида, Исида, Хапи, Дуамутеф

Сет, брат и убийца Осириса, во всех отношениях был его противоположностью. Он был олицетворением зла в противовес добру, символом пустыни в противовес плодородной земле, засухи – в противопоставлении к Нилу, тьмы, противоположной свету, других стран, чуждых Египту, болезни – в противовес здоровью. Злое начало в его природе скорее благоприятствовало, нежели мешало широкому распространению его культа. Подношения Осирису делались из любви к нему, но Сету поклонялись из страха, ведь он был силен и могущественен, он вселял ужас в богов и людей. Поэтому цари стремились обеспечить себе его благосклонность: во времена Древнего царства они изображают себя как одновременно и Гора, и Сета, т. е. как воплощение сил добра и зла. А Сети I и другие фараоны Нового царства своими именами обозначали себя приверженцами Сета. Только в более поздний период страх перед ним уступил отвращению к его злобной натуре, и поклонение сменилось поношением. Его преследовали в лице его адептов, т. е. людей с рыжими волосами, которые были преданы ему, и его священных животных, таких как крокодилы, ослы и бегемоты. Его также считали богом зарубежных стран, и чужеземные боги, как, например, Баал, часто были представлены в его фигуре, которая имела вид человека со скипетром

но с головой, взятой у какого-то животного. Эта голова имеет некоторое сходство с головой верблюда и выглядит точно так же, как голова сказочного зверя с длинным хвостом, которое было предполагаемым воплощением Сета

В Танисе и некоторых городах, находившихся под его влиянием, Сет занимал особое положение. Здесь его считали богом солнца, который пронзил змея Апопа копьем. Его называли любимым Ра, сын Нут (к которой почти всегда относились как к его матери), могущественный на корабле солнца и т. д. Но, согласно первоначальной идее, Сет был не столько врагом змея Апопа, сколько самой змеи: этот новый облик, в котором он явился в Танисе, без сомнения, был следствием его уравнивания с Баалом.

Во времена Нового царства Сет становится широко известен как Сутекх, а легенда о начале войны с целью изгнания гиксосов утверждает, что царь гиксосов Аепи попытался сделать этого бога своим единственным богом и не служить другим богам. В эпоху Восемнадцатой и Девятнадцатой династий мы обнаруживаем, что Сутекха называют богом кхетов, и в этом образе он состоял в определенной враждебной позиции по отношению к богу египтян Ра. Имена Сет и Сутекх имеют один корень, различаясь лишь добавлением кх. Такой способ словообразования имеет и другие примеры, и он согласуется со склонностью египетского и, на самом деле, семитских языков создавать основы слов, содержащих три корня слова, изначально состоявшего из двух корней.

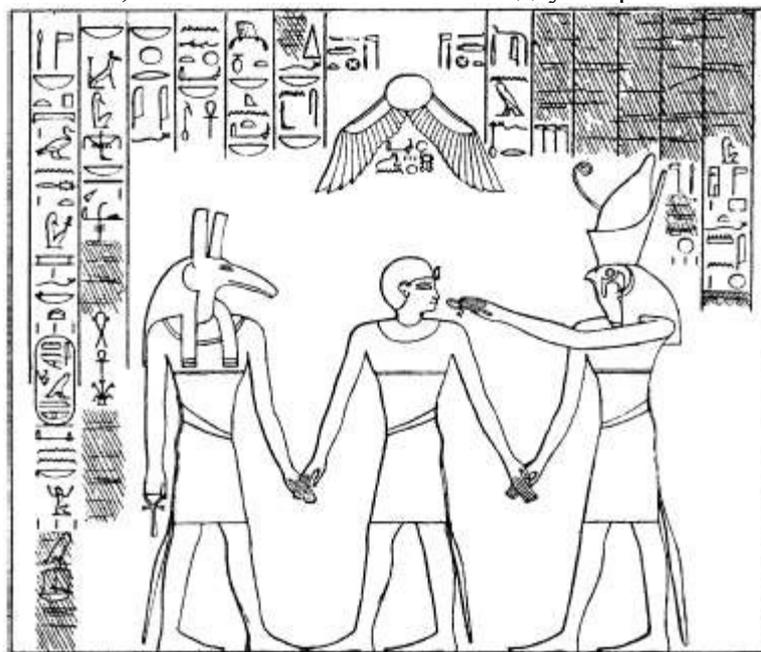
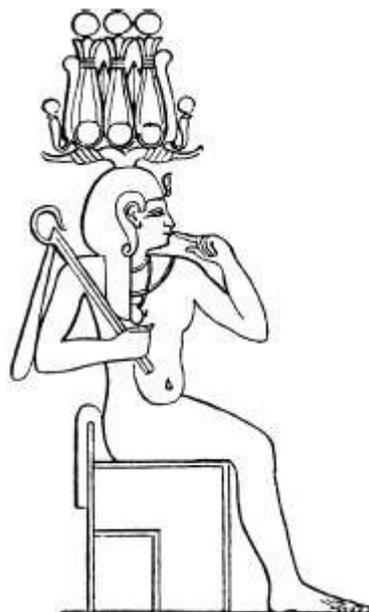

Рис. 44. Геремхем между Гором и Сетом. Храм, высеченный в скале, в Джебель-Аддех, Нубия

С древних времен Омбос в Верхнем Египте был важным центром культа Сета. Здесь ему поклонялись как владыке юга страны и иногда считали единым целым с Себеком, богом-крокодилом. У него был храм в Фивах и несколько храмов в западной дельте Нила, особенно в Танисе, где ему поклонялись, как правило, под именем Сутекха.

Сын Исиды **Гор** появляется в легенде об Осирисе сначала как ребенок **Гор-пе-кхред**, или Гор-ребенок, Гарпократ, держащий палец во рту, затем как мститель за своего отца и, наконец, как преемник своего отца на троне Египта. Его первоначальный характер нельзя определить; даже в доисторические времена его уже объединяли с Гором, богом солнца, от которого в текстах его нельзя отличить. Гарпократ иногда олицетворяет молодое, только что взошедшее солнце, а его двойник Арозрис – почти исключительно бог солнца. Помимо легенды об Осирисе мало что может продемонстрировать нам, что Гор не полностью потерял свою изначальную сущность: некоторые немногие его черты были ему

все-таки оставлены. Так, когда цари заявляют о своем восшествии на трон Гора, то имеют в виду Гора, сына Исиды, ведь Гор, бог солнца, никогда не считался царем Египта. В списках божественных династий это место сохранено за Ра, Шу и т. д., и именно как их преемники фараоны правили страной. Именно из-за приравнивания Гора, сына Исиды, к богу солнца, его изображают с головой ястреба с солнечным диском на голове, вместо придания ему человеческого облика, как можно было ожидать, ведь он был сыном человекообразного бога.

Тот – у египтян Дхути (принадлежащий ибису) – играет сравнительно небольшую роль в мифе об Осирисе, появляясь лишь как советчик или как тот, кто благодаря магии может возместить причиненный ущерб. Так, именно он поместил на плечи Исиде голову коровы после того, как Гор отрубил ей ее собственную голову. Так как изначально Тот был лунным божеством, его часто связывали с Кхунсу и с богом луны **Ахом**, а его священным животным был бабуин, сексуальную жизнь которого, как считалось, регулировали фазы луны. Однако чаще его изображали в виде ибиса. Его родителями считались Птах и Мут, но не везде: например, в Фивах, где его иногда замещал Сет в роли мужа Нефтиды, он появляется в качестве третьего члена триады, состоявшей из Кхунсу, Мут и его. Обычно его изображали в виде человека с головой ибиса

увенчанной солнечным диском и лунным полумесяцем, так как он был богом времени [41]. Именно благодаря тому, что луна играла важную роль в измерении времени, Тота постепенно стали считать богом времени даже в тех случаях, когда луна не имела никакого отношения к его функциям или к отрезкам времени. Так, он один или вместе с **Сафехт**, богиней письма, вырезает имя царя на священном сикоморе для того, чтобы оно существовало вечно. Именно он обещает монарху «годы Тума, власть Гора и миллионы лет», и ему же были посвящены первый месяц египетского года и шестой час дня.

Рис. 46. Гор и Аменоф II. Храм Аменофа II, высеченный в скале, в Ибриме

Так как луна делит время на отрезки, лунный Тот также стал богом справедливого измерения. Кьюбит, посвященный ему, был единицей измерения при планировании храмов. Когда-то он так же измерил весь мир и дал ему законы, поэтому он является стражем закона, действуя в этом качестве как от себя, так и по приказу Ра. К тому же он был богом письма, писцом у богов и богом документов, особенно религиозной литературы. Писцы считали его своим богом-покровителем и просили у него помощи в своей работе. Считалось, что он написал большинство священных книг и заклинаний собственной рукой и внес в них свои знания магии, единственным соперником в которой ему была Исида. Его первенство в магии естественным образом привело к тому, что он стал богом медицины, так как магия была так же важна для профессиональных медиков в долине Нила, как и знание лекарств.

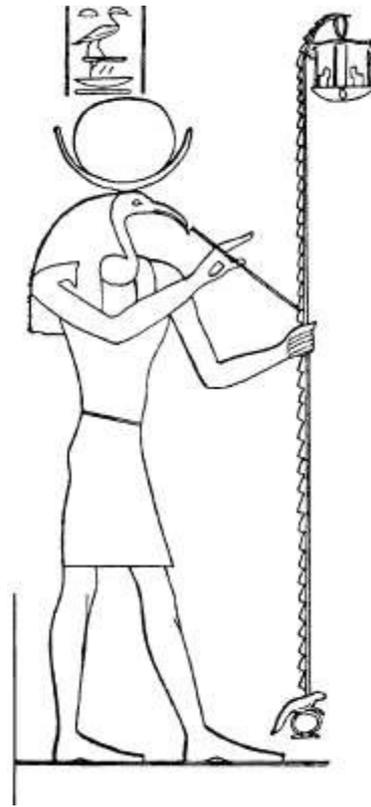

Рис. 47. Тот, Дхути. Стела в долине Хаммамат. Двадцатая династия

Но именно после смерти человек нуждался в помощи Тота. Когда Осирис умер, Тот взял на себя ответственность за то, чтобы снабдить его правильными магическими заклинаниями для борьбы с его врагами, силами тьмы, и тем самым сделать его царем потустороннего мира. Каждый египтянин надеялся получить такую же помощь в случае крайней нужды: именно Тот должен был возратить ему речь, обучить его читать правильные заклинания, вместе с Анубисом отвести его в Зал Суда, записать окончательный приговор и, возможно, высказаться в его защиту.

Греки отождествляли его с Гермесом, с которым, по представлениям александрийцев и неоплатонистов, он имел сходство. Греческий способ выделять их бога, называя его Гермесом Трисмегистосом (Трижды Великим Гермесом), похож на египетский; особенно в более поздний период мы обнаруживаем, что Тот в надписях характеризуется как Дважды Великий.

В легендах о Ра Тот также занимает видное положение как советник и писец у богов. Распространенность его культа достигла пика в начале эпохи Нового царства, когда фараонов стали называть в его честь Дхутмесом (Тутмос), сыном Тота, или Ахмесом (Амас), сыном Луны, – по названию планеты, богом которой он был [42]. Однако храмы в его честь возводились редко.

Анубиса – по-египетски Анпу – изображали в облике человека, но с головой его священного животного, шакала

Это животное греки ошибочно приняли за собаку, и поэтому в виде собаки Анубис вошел в культ Исиды у римлян. Время от времени сами египтяне впадали в эту ошибку, и на кладбище шакалов в Никополе иногда находили отдельные мумии собак. И все-таки собаку не считали священным животным, хотя она была одомашнена и ее держали как для охоты, так и в доме. Обычно Анубиса считали сыном Осириса и Нефтиды, но в одном магическом тексте его отцом назван Ра, вероятно, лишь потому, что Ра и Осириса автор

считал одним целым. В легенде он является помощником Исиды. Согласно верованиям египтян, он был особым покровителем мертвых, который охранял их и руководил их бальзамированием. Он или Тот были их проводниками в потустороннем мире, вводили их за руку в Зал Суда. Во многих местах ему были построены храмы, но главным центром его культа был Никополь в Верхнем Египте, современный Сиут. Здесь ему поклонялись под именем или, точнее, титулом Апуат, Открывающий Путь, т. е. подземное царство. Ликополь в дельте Нила также был посвящен ему, и, вероятно, эти два города были теми местами, которые имели в виду египтяне, когда говорили об Анубисе Юга и Анубисе Севера и изображали на погребальных стелах двух шакалов, охраняющих усопшего. Это иллюстрирует следующий факт: хотя египтяне и признавали, что боги с одним и тем же именем в различных центрах их культа были разными, все же не подразумевалось, что существовала вера более чем в одного Анубиса. Это греческие мифографы первыми вывели столь неизбежный вывод из схожих исходных условий: они предположили, что должны существовать больше чем один Геракл, Гермес и т. д., потому что казалось невозможным объединить в одной биографии все мифы, относящиеся к каждому.

Рис. 48. Анубис и мумия

Себ, или, как еще писали его имя, **Кеб**, был богом земли, и как эквивалент его имя использовали в таких выражениях, как «на спине Себа». Греки отождествляли его с Кроносом потому, вероятно, что как отец Осириса он мог считаться старшим среди богов. Предполагалось, что Шу был его отцом, а Нут – женой. Согласно перечням божественных династий в Мемфисе и Фивах, он был четвертым царем Египта и поэтому считался одним из более молодых богов. Но упоминания о нем в текстах все же не поддерживают эту точку зрения, так как в них его называют не царем, а номархом (эрпа) богов, как будто в то время, когда ему стали поклоняться, еще не было никакого царя в Египте. Его священным животным был гусь, а иногда его связывают или даже отождествляют с гусем, снесшим яйцо, из которого возникла вселенная. В легенде об уничтожении человечества он фигурирует как царь, непосредственно сменивший на престоле Ра. Его связь с культом мертвых очень слаба, тем не менее его часто упоминают в текстах в этой связи.

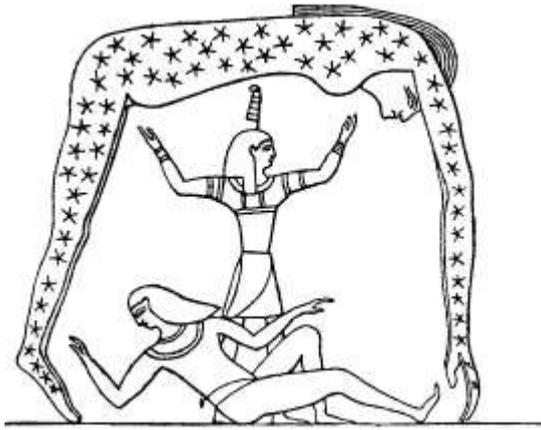

Рис. 49. Себ (Кеб), которого Шу отделил от Нут. Из сочинения Г. Бругша «Мифология»

Нут обычно изображают в виде женщины, олицетворяющей небо, а точнее, создающей свод, изгибая свое тело над землей и упираясь в нее руками и ступнями. Иногда можно увидеть Шу, стоящего внизу и поддерживающего ее в этом неудобном положении. По ней движутся небесные тела, за которыми она должна была осуществлять контроль. Она слыла госпожой небес, возлюбленной и матерью богов, госпожой земли.

Эту богиню следует отличать от бога по имени Ну или Нун, который олицетворяет небесный океан, пересекаемый кораблем солнца. Он был отцом богов, источником творения, из которого возникло все. В более поздние времена его считали первым из ошибочно так называемых богов стихий, который вместе со своим женским проявлением Нут, или Нунт, олицетворял воды Нила. Эта вторая Нут иногда изображается в виде женщины, сидящей на пальме или сикоморе и льющей освежающую воду из сосуда в руки души (ба), склонившейся у подножия дерева. Остальные боги из группы, к которой относятся Нун и эта Нут и которые носят имена Хех и Хехт, Кек и Кект, Нену и Ненут, по-видимому, являются мужскими и женскими ипостасями Вечности, Тьмы и Потопа. Это толкование, однако, неточно, хотя оно и лучше обосновано, чем более старое объяснение, будто они являлись олицетворением четырех стихий – воды, огня, земли и воздуха.

Глава 9 УЧЕНИЕ ОБ ОСИРИСЕ И БЕССМЕРТИИ

Мы уже познакомились с рядом представлений древних египтян о будущем, которое тесно связано с мифом о боге солнца Ра и о его путешествии по подземному царству. Однако они способствовали формированию верований очень ограниченного числа людей: ведь для огромного большинства египтян всех времен убежденность в существовании жизни после смерти была связана с поклонением Осирису, и на этой основе они рисовали себе во всех подробностях судьбу души и тела и создали учение о бессмертии, которое по точности и объему превосходит почти любое другое придуманное учение. Научная значимость учения об Осирисе проистекает, во-первых, из его древности – во всех своих основных частях оно было уже закончено еще во времена пирамид, – а также из многих пунктов сходства с еврейским и христианским вероучением.

Исповедующий религию Осириса считал, что, когда человек умер, его сердце перестало биться, а тело остыло, от него на земле не остается ничего, кроме безжизненной оболочки, трупа. Его называли Кха, а его идеограммой была мертвая рыба – символ чего-то

зловонного и гнилого. Сохранение Кха было первой обязанностью тех, кто остался жить, и вскоре после смерти тело передавали бальзамировщикам, чтобы они могли сделать его стойким к процессу распада. Но в жарком климате Египта невозможно было сохранить тело целым: кишки, сердце, легкие и печень, а также мозг извлекали, чтобы либо похоронить, либо выбросить, либо поместить отдельно в сосуды. Хотя в некоторых исключительных случаях их покрывали толстым слоем битума и в таком неестественном состоянии помещали обратно в тело. Теперь тело состояло только из костей, плоти и кожи, и после тщательного высушивания и уменьшения в размерах при помощи соды его покрывали слоем битума, и оно превращалось в то, что мы называем мумией. Это был черный труп, который мог оставаться неизменным на протяжении тысяч лет в сухом климате долины Нила, но который начинает постепенно разлагаться, если его перевезти во влажный климат Европы. В полости тела помещали всевозможные амулеты; другие амулеты клали на различные части тела, особенно часто вешали на шею, и затем все его обматывали полотняными бинтами. Каждый ритуал, который должен был быть совершен, каждая молитва, которая должна была быть повторена, были точно предписаны: соответствующие указания содержатся в нескольких папирусах, которые дошли до наших дней. Правда, не во всех случаях соблюдался один и тот же церемониал; обряды были более или менее сложными пропорционально денежным суммам, которые оставшиеся в живых могли или хотели отдать на обслуживание своего мертвеца.

Спеленутую мумию клали в гроб, на котором были написаны молитвы для усопшего вместе с его именами и титулами, обращения к различным богам, которым поручалось его будущее благополучие, – все иллюстрировалось различными сценами. Когда дело касалось гроба, разница между богатым и бедным человеком была велика. Последний должен был довольствоваться парочкой текстов и часто обходился без гроба, тогда как богатые находили свой последний покой внутри трех или даже четырех саркофагов, помещенных один в другой и украшенных бесчисленными надписями и сценами.

Тело возвращалось в семью в гробу; иногда, если человек умирал в другой стране, его таким образом привозили в родной город, чтобы положить там в гробницу, о возведении которой должен был позаботиться сам египтянин в течение своей жизни. Мумию несли в торжественной погребальной процессии в сопровождении членов семьи, плакальщиц и жрецов с восточных берегов Нила, где было построено большинство городов, на кладбище среди холмов на западе. Если город и кладбище находились по одну

сторону реки, переход через нее все равно осуществляли, по крайней мере символически, пересекая священное озеро, неизменно прилегающее к городу, в котором жил усопший. Когда процессия добиралась до гробницы, «дома вечного упокоения», гроб ставили стоя – при этом лицо покойника было повернуто к югу – на небольшой песчаный холм, который должен был изображать Западную Гору – царство мертвых. Там к усопшему подходили разные люди, которые возносили перед ним молитвы и совершали многочисленные священные обряды. Главным среди них был кхер хеб, которого точнее всего было бы назвать церемониймейстером, который руководил всем обрядом. Держа в руке папирусный свиток, он определял каждому его место и подсказывал слова, которые тот должен был произносить, или читал их от его имени. Вместе с кхер хебом стояли слуга, друг и сын покойного, две скорбящие женщины (одна из них изображала Исиду, а другая – Нефтиду), жрец для совершения жертвоприношения и другие люди, которые, по-видимому, просто присутствовали при этом, не принимая никакого участия. Вся церемония была предназначена для воспроизведения того, что предположительно происходило вокруг гроба Осириса.

Нет возможности приводить подробности этого сложного ритуала: из его полных и точных описаний, дошедших до наших дней, явствует, что его главной целью было возвращение всех телесных функций мумии, приготовление ее к долгому путешествию, которое предстояло ей в мире ином. Ей символически открывали рот, чтобы она могла говорить, и глаза – чтобы она могла видеть; забивали быка, чтобы у мертвого была под рукой пища; совершали обряды, чтобы дать ей возможность воспользоваться одеждой, мазями и многими другими вещами, чтобы все было так, будто это живое человеческое тело. Сама мумия оставалась нетронутой; манипуляции производились только с гробом. В большинстве случаев все заканчивалось чтением нужной молитвы и прикасанием к футляру мумии жезлом в виде иероглифа

Иногда совершали символические пассы с тем же эффектом над статуей умершего, а не над гробом. После этого церемония завершалась, тело опускали в могилу и шахту закрывали, а когда все было кончено, в помещении перед гробницей устраивали погребальный пир [43]. С этого времени друзья и родственники покойного не могли больше ничего для него сделать, кроме подношений либо напрямую, либо через богов, и заставлять их с помощью магических заклинаний хорошо обращаться с усопшим.

Рис. 50. Мумия в гробнице. Папирус Ани. Восемнадцатая династия

В добавление к телу, превращенному таким образом в превосходную мумию или, как сказал бы египтянин, в Осириса, человек также имел бессмертную душу. Она считалась, как у большинства народов, не простой сущностью, а сложной: при жизни ее составные

части были объединены; после смерти они разделялись, и каждая искала свой собственный путь к богам.

Во-первых, среди этих частей была так называемая ка, которую представляли себе похожей на человека – но все же она им не была – и которая была с ним в тех же отношениях, что и словесное выражение какой-либо осязаемой реальности к самой этой реальности или чье-нибудь имя – к человеку, которого оно обозначает. Понятие ка, вероятно, было подсказано тем фактом, что образ мертвого человека или того, что находится далеко, можно увидеть мысленно или во сне. Поэтому египтяне верили в то, что человек – это не просто существо с телесной оболочкой, которое может находиться только в одном месте, но он заключает в себе свое второе «я», которое способно проходить через стены или преграды, не связано ни временем, ни пространством и которое может существовать тысячи лет. По нескольким пунктам ка имеет сходство с рен или именем человека, звучание которого вызывает в мыслях слушателя его образ, и с его портретной статуей. Схожее представление о человеке, отдельном от его личности, можно найти у самых разных народов, но особое развитие этой идеи в одном направлении было характерно для египтян: они превратили эту абстракцию в конкретику и придали ей материальную оболочку, непрерывное существование которой зависит от пищи.

Умерев, человек как таковой прекращал существовать. Из его тела делали мумию и помещали ее в гроб; опыт показал, что ни одна мумия не может его покинуть. Ка, которая была спутником тела при жизни, в смерти приобретала независимое существование. Именно ка адресовали погребальные молитвы и делали приношения; для одной мумии они были бесполезны. Но когда ка возвращалась в мумию, входила в нее, оживляла ее и становилась ка, живущей в ее гробу, тогда они соединялись и получали возможность вести в чем-то ту же самую жизнь, которая у них была на земле: есть, пить, ходить в гости к оставшимся в живых людям и напоминать им об их долге делать погребальные пожертвования. Это было больше возложено на ка бедного человека, чем на ка богатого, который при жизни мог обеспечить себе все необходимые припасы, связавшись со жрецами, служившими покойникам в этой местности, и пожертвовав им землю и имущество в обмен на их обязательство предоставлять его ка специально оговоренные приношения по определенным праздничным дням. Бедный человек не мог так позаботиться о себе: после своей смерти он зависел от набожности своей семьи.

Весомое доказательство того, что это представление о ка пустило прочные корни в сознании египтянина, дает тот факт, что ка считали незаменимой составной частью каждого живого существа; еще во времена пирамид обладание ка приписывали самим богам.

Аб, или сердце, вторая из этих бессмертных составляющих, будет рассмотрена в главе об амулетах.

Третьей составляющей была ба, которая лучше всего соответствует нашему представлению о душе. Ее представляли себе в виде птицы обычно с человеческой головой и руками. После смерти человека она улетала к богам; но она была не более бесплотной, чем ка, и в равной степени зависела от возобновления запасов пищи и питья. В искусстве египтян ба иногда изображают сидящей на гробе, ласкающей его и прощающей с лежащей внутри него мумией.

На четвертом месте стоит саху, изображаемая в виде спеленутой мумии покойника, его пустая оболочка, которую он получил от бога-создателя и которая поэтому после смерти может быть ему возвращена. И была еще кхаиб, или тень человека, которая также являлась отдельной сущностью, которую можно было отделить от ее владельца. Действительно, она неизменно отделялась от него, когда он умирал. Обычно кхаиб символизировала навес от солнца. Кроме того, существовала кху, та, что сияет; это понятие родилось от представления о прославленной и излучающей свет мумии; и секхем, олицетворение мощи или силы усопшего, не говоря уж о других компонентах человеческого существования, на которых настаивают реже. Но гораздо важнее всех этих

компонентов был главный бессмертный представитель человека как единого целого – Осирис.

Осирис был бессмертным двойником мумии. Экипировка мумии была экипировкой Осириса; амулеты, подаренные мумии, мебель, помещенная в ее гробницу, – все становилось собственностью Осириса. Но точно так же, как и другие бессмертные составляющие человека покидали его в смерти, так же покидал его и Осирис.

Эти предполагаемые сущности явно очень похожи по своим функциям. Некоторые из них, такие как ка, Осирис и саху, олицетворяют почти одну и ту же идею, и может показаться, что в этих случаях нам приходится иметь дело с различными концепциями бессмертной души, которые возникли в отдельных местах в доисторические времена и в конечном счете объединились в одно учение, так как египтяне не осмеливались отвергнуть какую-либо из них из страха, что она окажется истинной. Поэтому все они сохранились, невзирая на логические затруднения, которые неизбежно были этим вызваны. Слияние этих верований произошло на очень раннем этапе, и его историю в настоящее время невозможно проследить: оно сложилось уже во времена строителей пирамид, и не имеет смысла сейчас строить предположения относительно того, как оно произошло, пока не появятся более весомые доказательства решения этого вопроса. Но ясно одно: учение об Осирисе получило самое большое число последователей, так как оно отодвинуло все остальные теории на задний план. В то время как почти ничего точно не установлено относительно судьбы других бессмертных составляющих человеческого существа, и нам говорят лишь, что в смерти они покидали тело и рассеивались, а затем заново объединялись в Осирисе после Последнего Суда, о судьбе самого Осириса тексты рассказывают с утомительной обстоятельностью. Все это потому, что надежда египтян на вечную жизнь была связана с богом Осирисом, и, значит, предпочтение отдавалось той концепции души, которая имела такое сходство с Осирисом, что стала называться его именем.

Самым важным и широко распространенным религиозным писанием египтян является так называемая Книга мертвых, которая особо посвящена Осирису. Книга представляет собой собрание молитв и заклинаний, которые он должен был произносить, путешествуя по подземному царству, что обеспечивало ему победу над злыми демонами и защиту добрых демонов. Самые древние экземпляры этого произведения датируются эпохой Среднего царства, но они редки. Шире их использовали в период Нового царства, а в более поздние времена копию, по крайней мере, какой-то части этой книги клали к мумии человека из высших слоев общества. Содержание различных копий отличается друг от друга. Все произведение состояло из отдельных глав или книг, и каждая предназначалась для какого-то определенного случая. У богатого и набожного египтянина было их столь много, сколько возможно; их писали на папирусе, который клали к нему в могилу, или на стенах его гробницы и на внутренней и внешней стороне футляров для его мумии. Для бедняка было достаточно нескольких наиболее важных отрывков книги. Всего количество глав превышает две сотни, но нет ни одной рукописи, содержащей их все. Всегда делали подбор нескольких глав, отчасти по выбору заказчика, отчасти в соответствии со вкусами и тенденциями времени, когда то один, то другой набор отрывков из книги пользовались популярностью. В течение веков количество материала для такой подборки увеличивалось: самые древние копии сравнительно короткие, но со временем они становились все длиннее и длиннее. Неизвестно, когда появилось это произведение. В пирамидах находится сравнительно небольшое количество отрывков, которые позднее использовались в составлении Книги мертвых: их тексты действительно содержат магические заклинания, которые следовало использовать в потустороннем мире; правда, обычно сформулированы по-другому. Но так как они предполагают знание всех основных эпизодов легенды об Осирисе, а также делают подробные ссылки на учение о бессмертии, которое на ней основывается, то, очевидно, эти тексты излагают больше те течения веры,

которые преобладали в Мемфисе, а не учение об Осирисе, бытовавшее в те времена в Гелиополе и Абидосе.

В Книге мертвых, как и в других религиозных текстах египтян, нет системы в расположении глав. Редко бывает так, чтобы в двух экземплярах книги главы помещены в одной и той же последовательности. Порядок расположения глав или групп глав, по-видимому, был совершенно произвольным. Также никакого внимания не обращали на логическую и естественную последовательность событий. Например, молитвы, посредством которых блаженная душа получала возможность принимать различные формы, обычно предшествуют главе, в которой описывается, как достичь высшего блаженства. И хотя это не так уж и смущает, но все же неудобно, что покойный с самого начала получает эпитет, которого его удостаивают позже; его неизменно называют маа кхеру(с правдивым голосом, или, вернее, согласно использованию этого слова в Книге мертвых, явно оправданный), хотя это всего лишь следствие, которое может показать, имеет ли он или получил ли в конце это предполагаемое качество. Эта практика, вероятно, основывалась на чувствах, родственных тем, с которыми немцы обычно называют мертвеца *selig*(блаженный), в надежде на то, что блаженство может действительно стать их жребием.

Учение Книги мертвых дополняет множество других текстов, которые обычно относятся к более поздним датам. В эпоху Птолемеев и даже раньше существовал спрос на компиляции отрывков из Книги мертвых и других произведений, которые должны были содержать только основные заклинания и которые были предназначены для частного использования в узких кругах верующих или даже для отдельных людей, а не для большинства верующих, по-прежнему твердо придерживавшихся самой Книги мертвых. Некоторые из этих сборников имели сравнительно широкое распространение, как, например, «Книга Дыхания», «Вторая Книга Дыхания», «Книга о Путешествии в Вечности», «Книга «Пусть процветает мое Имя» и т. д., тогда как другие найдены лишь в единственном экземпляре и, вероятно, никогда не существовали в виде дубликата.

Тексты, повествующие о путешествии солнца по подземному царству, дают довольно ясную картину потустороннего мира, но это не относится к Книге мертвых, и было бы невозможно зафиксировать, как на карте, районы, которые в ней описываются. Упоминаются реки, некоторые территории, ворота, через которые следует пройти, часовни, в которых обитают боги, демоны, поджидающие души в различных местах, огненные озера и острова. Но как все эти элементы komponуются вместе, явно оказалось за пределами понимания даже египетских жрецов, в противном случае была бы, по крайней мере, какая-то логическая цепочка в описании скитаний души-Осириса. Ввиду этой путаницы, а также потому, что отдельные эпизоды имеют сравнительно небольшое значение при любой попытке рассмотреть религию египтян как единое целое, мы можем оставить в стороне эти скитания при дальнейшем рассмотрении. Достаточно отметить, что при помощи заклинаний из Книги мертвых душе удавалось побеждать всех злых духов и заставлять всех добрых духов проявлять благосклонность при открывании всех дверей и в конечном итоге прийти на суд в Зале Двух Правд, т. е. Правды и Справедливости.

Там в кресле под балдахином сидел Осирис Добродетельный, Владыка Жизни, Великий Бог, Владыка Абидоса, Царь Вечности. В руке он держал царский скипетр и цеп, на его голове была корона. На некоторых изображениях этой сцены перед Осирисом помещен символ Анубиса; на других Анубис на другой стороне зала вводит душу усопшего, которая в иных случаях должна входить одна. Перед Осирисом сидели сорок два судьи, выносящие приговор умершему; все они были призваны из различных городов Египта, и каждый должен был произнести приговор умершему в отношении какого-то особого греха. Также перед богом стояли четыре погребальных духа: **Амсет** с головой человека, **Хапи** с головой обезьяны, **Дуамутеф** с головой шакала и **Кебехсенуф** с головой ястреба. Они отвечали за внутренности покойника и должны были являться на суд, потому что, согласно вере египтян, грешило не божественное «эго» человека, а лишь его

внутренние органы. Покойного принимала богиня или богини правды. Он начинал говорить в свое оправдание, заявляя, что не совершал ни одного из сорока двух грехов, а затем правдивость его слов проверяли, взвешивая его сердце на весах, на другой чаше которых лежал символ правды. Взвешиванием руководил Гор, иногда ему помогал Анупис или Тот, причем последний обычно присутствовал в качестве писца богов и записывал результат судебного разбирательства.

Если покойника признавали праведником, он получал назад свое сердце, остальные бессмертные части его души соединялись в нем, и он снова принимал облик человека, который ходил по земле, но который теперь вступил в новую, вечную жизнь. Что происходило, согласно учению об Осирисе, если приговор был для него неблагоприятным, неясно. Очевидно, в этом случае восстановления не происходило, и Осирис умирал во второй раз, за чем следовало его полное уничтожение. На многих изображениях в Зале Суда можно увидеть фигуру бегемотихи. Она обозначена как пожирательница подземного царства и часто считается чудовищем, к которому попадали неоправданные покойники. Насколько это толкование правильно, мы определить не можем. Обычно это животное помещали туда, по-видимому, в качестве стража входа на Поля Блаженных, но иногда его уподобляют Сету. В других текстах говорится, что судьи убивают грешивших мертвецов и пьют их кровь. Короче, здесь мы также имеем противоречивые утверждения и можем только предполагать, что среди обитателей долины Нила не было согласия по вопросу окончательной судьбы грешников.

Суд в присутствии Осириса является темой главы 125 Книги мертвых, и здесь точно установлены слова, которые должен был произносить покойник в зале суда. В Туринском тексте первая часть этой главы выглядит так:

«Приветствую вас, владыки Двух Правд! Приветствую тебя, Великий Бог (Осирис), Владыка Двух Правд! Я иду к тебе, ты мой господин; я подхожу к тебе близко, чтобы узреть твои прелести. Я выучил и знаю твое имя; я знаю имена сорока двух богов, которые находятся с тобой в Зале Двух Правд, которые живут и наблюдают за грешниками, которые пьют их кровь в день мучительных слов перед Добродетельным и Справедливым (маа кхеру) Осирисом. Привет! Двойной Дух! Имя тебе – Владыка Двух Правд. Привет! Я знаю вас, владыки Двух Правд; я несу вам Правду, я уничтожаю для вас Зло!»

«Я не мошенничал и не делал людям зла.

Я не притеснял своих соотечественников, иначе говоря, своих товарищей.

Я не отклонял справедливость в зале суда.

Я не знал подлости.

Я не совершал зла.

[Как надсмотрщик] я не заставлял человека делать больше, чем он должен за день.

Я подхожу к кораблю подношений (?), я приближаюсь к обители того, кто предлагает предписанные подношения.

Я не предавался тревожному беспокойству.

Я не был опустошенным [без добра].

Я не был слабым.

Я не был презираем.

Я не делал того, что отвратительно богам.

Я не позволял, чтобы надсмотрщик плохо обращался с рабом.

Я не довел никого до голода.

Я никого не заставил плакать.

Я не совершал убийства.

Я не являлся причиной коварного убийства кого-либо.

Я не совершал обмана кого-либо.

Я не портил хлеб подношений в храмах.

Я не брал от хлеба подношений богам.

*Я не крал одежду или пелены прославленных [умерших].
Я не блудил.
Я не осквернил себя как жрец бога моего города.
Я не добавлял ничего и
Я не уменьшал приношения.
Я не прибавил груза на весах.
Я не отнимал у детей молоко.
Я не забирал скот на пастбище.
Я не ловил сеткой птиц богов.
Я не ловил рыбу в их [богов] прудах.
Я не отводил в сторону воду [с поля соседа] во время подъема воды.
Я не перекрывал речную протоку в ее течении.
Я не гасил огонь в его время года [т. е. тогда, когда его следовало поддерживать].
Я не выманивал у Девятирех Богов то, что принадлежало им.
Я не выгонял [со своих полей] пастухов храмовых земель.
Я не прогонял бога, когда он шел вперед [во время процессии из своего храма]».*

После нескольких фраз, в которых усопший объявляет себя одним из благословенных, которые восстали из мертвых, следует «отречение от грехов». Оно отличается от первой речи тем, что оно поделено на сорок две строчки, каждая из которых начинается с призыва к определенному демону, духу или душе с обозначением его места пребывания, а заканчивается упоминанием греха, которого, по утверждению покойного, он не совершал. Вот что он говорит: «О ты, Шагающий вперед, тот, кто происходит из Гелиополя, я не делал зла»; «О ты, Открывающий Рот, тот, кто происходит из Вавилона [в настоящее время Старый Каир], я не причинял никакого вреда» и т. д. Грехи, от которых он отрекается, в целом те же самые, что и перечисленные в первом покаянии. Однако многие из них уточняются более подробно, чтобы получилось число сорок два. Но следует отметить, что здесь также покойник заявляет, что он не разбойничал, не скупился, не убивал храмовый скот, не был соглядатаем, не впадал в ярость, не был глух к словам правды, никого не проклинал, особенно царя, своего собственного отца или бога.

Значение этого «отречения от грехов» состоит в том, что оно дает нам представление о нормах морали египтянина, демонстрируя природу и многообразие проступков, которых ему следовало избегать, чтобы вступить в царство Осириса. Это доказательство того значения, которое египтяне придавали морали, подтверждается самыми различными источниками. У нас есть несколько примеров папирусов, содержащих проповеди хорошего поведения и строгие предписания относительно следования правильной линии поведения в различных обстоятельствах. Самый древний из них датируется периодом Двенадцатой династии и известен как Присский папирус, названный так по имени того, кто его обнаружил. Самый недавний из них написан демотическим письмом, и есть тексты с тем же смыслом, относящиеся к промежуточному периоду. Большей частью своего содержания и иногда даже словесными выражениями эти папирусы напоминают собрание библейских притчей, Мудрость Соломона, Притчи Иисуса, сына Сирахова, и многие другие библейские наставления. Например, в Присском папирусе четвертая заповедь написана почти одними и теми же словами: «Сын, который прислушивается к речам своего отца, становится старше». Другие тексты рекомендуют набираться знаний, почитать и уважать родителей и старших, призывают к милосердию, щедрости, честности, воздержанности, целомудрию и т. д. В погребальных надписях усопшие часто ссылаются на свои добрые дела. «Я поступал правильно», – пишет один египтянин; «Я ненавидел зло, я давал хлеб голодным и воду жаждущим, одежду раздетым, помощь тому, кто в ней нуждался»; «Я не причинил вреда ни одному ребенку, я не обидел ни одну вдову; при мне не было ни нищего, ни нуждающегося, не было голодных, о вдовах заботились, как будто их мужья были все еще живы»; «Я поступал так, как хотелось моим родителям; я был

радостью своих братьев, другом своих товарищей, с уважением относился ко всем своим землякам. Я давал хлеб голодному и кров путешественнику; моя дверь была открыта для того, кто входил в мой дом, и я подкреплял его силы».

Это покаяние Осирис и его советники выслушивали в тишине, не проявляя ни одобрения, ни неодобрения: правдивость заявлений будет установлена посредством взвешивания сердца. Когда эта процедура завершалась в пользу покаявшегося, нового человека приводили на **Поля Аалу** (или Аару), в царство блаженных последователей Осириса, в страну, созданную в целом по земному образцу, но особенно напоминающую дельту Нила. По ней протекал Нил, разделенный на много рукавов и образующий множество островов. Здесь умершие ели и пили, ходили на охоту, боролись со своими врагами, хорошо проводили время со своими друзьями за игрой в шашки, делали приношения богам и плавали на лодках по каналам. Но главным занятием было сельское хозяйство, которое отличалось от земного только тем, что урожай был всегда хорошим, а зерновые росли более мощными, их стебли превышали человеческий рост.

Мертвые пахали Поля Аалу, чтобы обеспечить себя пищей, поскольку их нужды не удовлетворялись приношениями и магическими заклинаниями, которые произносили для них на земле. Возможность быть обязанным пахать землю в мире ином едва ли могла быть приятной перспективой для египтянина с положением в обществе, который никогда не работал на земле, и поэтому он старался найти способ избежать этой необходимости. Самой древней уловкой, по-видимому, было принесение в жертву людей в гробнице, чтобы послать их вслед за усопшим в вечность в качестве его слуг. Позднее идея состояла в том, чтобы обеспечить бессмертие тех, кто были слугами умершего на земле; их тела бальзамировали, их статуи ставили в его гробницу, для них писали молитвы, а в благодарность за все это слуги должны были работать за своего господина в мире ином. Но со временем стали преобладать более гуманные факторы; считалось, что смерть не проводит различий между людьми, и поэтому самый бедный и скромный человек мог претендовать на то, чтобы вести иную жизнь, которая была бы свободна от забот и независима от капризов хозяина. Так что богатый человек больше не мог рассчитывать на слуг после смерти и жил бы, преследуемый страхом того, что ему, возможно, придется самому идти за плугом, если бы, к его облегчению, не была придумана новая уловка. Начиная со времен Двенадцатой династии стала преобладать практика изготовления небольших статуэток, подобных мумиям, так называемых **Ушебти**, на которых писали магические слова, посредством которых надеялись их оживить в мире ином, и там благодаря усердию в труде они должны были доказать свою благодарность тому, кто вызвал их к жизни. Их работа начиналась сразу же после смерти человека, когда они должны были оплакивать его; но это они делали только по велению главного бога. Чтобы избавить последнего от труда отдавать это распоряжение, его записывали, а документ клали в гробницу. Впоследствии главной задачей маленьких фигурок было пахать и собирать урожай, и поэтому их изображают с мотыгой и корзиной.

Именно этой же самой идее, которая привела к использованию таких фигурок, мы должны приписать присутствие многочисленных предметов мебели, игрушек, оружия и т. д., которые находят в гробницах. С их помощью умерший мог обставить свой дом и не трудиться, чтобы достать эти вещи для себя в своем новом жилище. Также принимались меры к удовлетворению его интеллектуальных интересов: для развлечения в могилу клали папирусы, содержащие сказки, любовные песни и даже правила игры в шашки. Но какой бы комфортной и приятной ни была жизнь богатого египтянина в Полях Аалу, тем не менее он искренне верил, что не будет ограничен пребыванием там в виде своего Осириса. Он предполагал при помощи магических слов получить возможность по своему желанию посещать все знакомые ему места на земле, становиться крокодилом, ястребом, фениксом, цаплей, голубем, цветком лотоса и даже самим богом Птахом или входить в свою мумию и оживлять ее и под такой личиной возвращаться на землю, чтобы взглянуть на места, которые были дороги ему при жизни. Таким образом, он мог по-прежнему быть

связанным с жизнью на земле, за которую всегда цеплялись люди. А так как для египтянина жизнь, которую он вел на берегах Нила, казалась ему идеальной, то именно по этой модели он и рисовал для себя жизнь в мире ином.

В целом каждая глава Книги мертвых кажется законченным произведением сама по себе. Эти главы действительно претерпели изменения с течением времени, но эти изменения повлияли почти исключительно лишь на формулировки, нежели на содержание. Эти изменения отмечаются в текстах, самое большее, только выражением «иначе говоря», за которым следует вариант, взятый из другой рукописи, не той, из которой скопирована остальная часть текста. Только одна глава является исключением: глава 17 Туринской копии книги дает различные варианты помимо собственного текста и предоставляет комментарии к целому ряду отрывков, начиная каждый комментарий со слов «Что же это означает?». Эта глава во времена Среднего царства в основном имеет тот же вид, что и в более поздних вариантах, за исключением того, что более ранние версии более кратки. Эта глава считалась одним из самых древних описаний учения об Осирисе, но эта точка зрения опровергается более тщательным исследованием. Глава действительно отражает сравнительно позднюю ступень развития религии египтян и была написана с определенной целью – продвигать вперед синкретическую трактовку египетских богов и верований. Наилучшим образом это покажет перевод первой части ее самой древней из известных версий, написанной на гробе Ментухотепа, который находится в Берлине, вместе с самыми важными дополнениями из Туринской копии главы, опубликованной Лепсиусом. На этих страницах эти добавления напечатаны курсивом, и им предшествует буква Т. Покойник говорит:

«Я Тум, я Единственный. Т – в первозданных водах Ну.

Я Ра при его первом появлении. Т – при его появлении в начале его правления. Что это значит? Ра при своем появлении в начале своего правления является тем Ра, который появляется в Гераклеополе Магна, когда был поднят бог Ну; он был на лестнице в Гераклеополе Магна, он уничтожил детей мятежников на лестнице Гераклеополя Магна.

Я Великий Бог, который создал сам себя. Т – а именно воду, то есть бог Ну, отец богов, Создатель своего Имени, Владыка Божественной Эннеады. Т – Что это означает? Ра, то есть создатель частей своего тела, из них возникли боги, которые находятся в окружении Ра. Никто из богов не может его отразить. Т – Что это значит? Тум находится в солнечном диске. Иначе говоря, Ра находится в своем солнечном диске, который поднимается на восточном горизонте небес.

Я есть вчера, я знаю завтра, то есть Осириса. Т – [после слова «завтра»] Что это значит? Вчера – это Осирис, Завтра – это Ра. Тот день, когда были уничтожены враги Владыки Всего[Осириса] и когда он сделал своего сына Гора[царем]. Иначе говоря, тот день, когда учрежден праздник его воцарения[т. е. в качестве Владыки Подземного царства], а именно похороны Осириса его отцом Ра.

Когда я говорил, между богами возникли раздоры. [Вместо этих слов в Туринской версии главы написано: Он(Ра?) вызвал раздоры среди богов, когда приказал, чтобы Осирис стал Владыкой Западной Горы.] Именно Запад был местом действия раздоров. Т – Что это означает? Запад принадлежал духам богов, когда он распорядился, чтобы Осирис стал Владыкой Западной Горы. Иными словами, Запад отмечает границу, которой Ра заставляет достичь каждого бога. Смотри! Он[т. е. этот бог] сражается из-за них[т. е. различные умершие боги не хотели позволить, чтобы Осирис стал Царем Запада, хозяевами которого они себя считали, и поэтому они сражались против него].

Я знаю имена этого великого бога, который находится там [в Подземном царстве]. Т – Что это значит? Осирис. Вариант: Хвала Ра в его имени. Т – Душа Ра находится в его имени; он породил самого себя.

Я тот Великий Феникс, который находится в Гелиополе. Т – Я распоряжаюсь всем сущим. Что это значит? Т – Это Феникс.Осирис. Т – который находится в Гелиополе. Это то, что есть и существует. Т – его тело. Вариант: Вечность и Бесконечное Время. Т – Вечность – это день, Бесконечное Время – это ночь.

Я являющийся Мин; мне даны два его пера, они на моей голове. Что это значит? Два его пера – это перья Гора, мстящего за своего отца. [Т – после слов «Что это значит?» написано:] Мин это Гор, мстящий за своего отца Осириса; они являются формами его проявления, его рождением.Они его, эти два пера. Т – На его головеприход Исиды и Нефтиды, которые помещены позади него, чтобы они могли быть двумя Скорбящими Сестрами. Смотри, они стоят на его голове.Вариант: Две уреи Т – Очень Большие,находятся на лбу его отца Тума. Т – Вариант: Два его глаза[т. е. солнце и луна] – это два пера на его голове.

Я в своей стране, я пришел из своего города. Что это значит? [С] Солнечной Горы моего отца Тума».

И так текст продолжается. Усопший объявляет себя одним из богов и всеми богами сразу, таким образом обуславливая общее равенство богов, логическим следствием чего был бы пантеизм. Но этого так и не произошло, так как египтянин не мог заставить себя пожертвовать отдельными индивидуальными особенностями своих богов, несмотря на то что он считал их всех тождественными друг другу. Глава 17 удерживала свое место, несмотря на все доктринальные отклонения от веры в антропоморфных и отдельных друг от друга богов, которая характерна Книге мертвых, и, несмотря на противоречие между ее фундаментальным учением о том, что мертвые соединяются с богами и со всей вселенной, и главной доктриной остальной части произведения, которая учила, что бессмертная жизнь человека после смерти во всем, кроме длительности, напоминает его жизнь на земле.

Глава 10 МАГИЯ И КОЛДОВСТВО

В Египте бог правил всем: не то чтобы существовал один какой-то верховный бог, а каждому богу пантеона была назначена своя сфера, а номы, города, храмы – все они были посвящены отдельным конкретным богам, хотя и другие боги не были совершенно исключены. Некоторые боги были ограничены временем, в течение которого они осуществляли свои функции. Каждым месяцем руководил какой-то определенный бог: Тот, например, был богом месяца Тота, Хатхор – богиней месяца Атхир, а Кхунсу – богом месяца Пакхонс. По крайней мере, в некоторых случаях месяцы получали названия по именам богов. В более поздних текстах каждый день месяца посвящен определенному богу: первый – Тоту, второй – Гору, мстящему за своего отца, третий – Осирису, с четвертого по седьмой – четырем погребальным духам, пять эпагоменальных дней обычно считали принадлежащими пяти главным богам из группы Осириса, которые, согласно верованиям, должны были быть рождены в эти дни. Во времена Птолемеев день иногда называли по имени правящего монарха, а не бога. Так, 30-е число месяца Месори, день рождения Птолемея Епифана, и 17-е число месяца Мекхир, дата его восхождения на престол, оба были названы его именем. Это деление времени среди божественных существ также осуществлялось и для более мелких отрезков времени: часами дня и ночи правили соответственно отдельные богини – не те, что входили в группы великих богов, а существа, созданные исключительно с этой целью.

Помимо богов различных временных отрезков существовали также боги небесных тел, которые управляли этими временными отрезками: боги солнца, луны, планет, определенных звезд и созвездий. Все в равной степени должны были обладать властью над событиями, которые произошли в подчиненные им периоды, и определять судьбы тех, кто был рожден в период их правления. Их полномочия не были случайными, а осуществлялись скорее в соответствии с их собственными законами, и судьбы мог предсказывать тот, кому эти законы были известны. Отсюда возникла идея гороскопов, вычисления которых мы находим в египетских текстах. А в более поздних папирусах мы видим «сферы», т. е. таблицы, посредством которых можно было высчитать судьбу человека по определенным данным, таким как час его рождения и т. п. От египтян и халдеев, которые также придерживались схожих идей, такая практика перешла к грекам, а от них – к средневековым ученым мужам. А в своем последнем виде – весьма далеком от своей первоначальной религиозной природы – они все еще играют большую роль в современных книгах предсказаний. Не всегда было необходимо использовать «сферы» и вычисления, чтобы заглянуть в будущее. Это можно было без труда сделать, проконсультировавшись с календарями, в которых под каждым днем было указано, благоприятный он или неблагоприятный, или и то и другое, что следует делать или не делать в этот день, какова будет судьба рожденных в этот день и другая информация подобного рода. Эти формулировки основывались на вере в то, что в определенный день имело место то или иное мифологическое событие, придающее определенное значение повторению этой даты во все времена. В папирусе времен Девятнадцатой династии, известном как IV Сальерский папирус, мы имеем образец одного из таких календарей на несколько месяцев года. Из него взяты следующие фрагменты:

4-е число месяца Паопхи: неблагоприятный, благоприятный, благоприятный [т. е. разнообразное влияние]. Ни в коем случае не выходите из дома в этот день. Тот, кто родился в этот день, умрет от чумы.

5-е число месяца Паопхи: неблагоприятный, неблагоприятный, неблагоприятный. Ни в коем случае не выходите из дома в этот день; не приближайтесь к женщине. В этот день мужчина должен делать подношения богам. Величие бога Мента было удовлетворено в этот день. Тот, кто рожден в этот день, умрет, занимаясь любовью.

6-е число месяца Паопхи: благоприятный, благоприятный, благоприятный. День радости Ра на небесах. Среди богов царит мир перед богом Ра; Эннеада богов завершает церемонии перед [Ра]. Тот, кто рожден в этот день, умрет, напившись.

9-е число месяца Паопхи: благоприятный, благоприятный, благоприятный. Боги радуются, люди ликуют, враг Ра побежден. Тот, кто родился в этот день, умрет от немощи в преклонном возрасте.

22-е число месяца Паопхи: неблагоприятный, неблагоприятный, неблагоприятный. В этот день не купайтесь в воде. Тот, кто поедет кататься на лодке в этот день, будет разорван на куски крокодилом.

29-е число месяца Паопхи: благоприятный, благоприятный, благоприятный. Тот, кто родился в этот день, умрет, почитаемый своими согражданами.

17-е число месяца Атхир: неблагоприятный, неблагоприятный, неблагоприятный. Прибытие в Абидос старшего и младшего Великих из Тех, кто пролили много слез. Горький плач Исиды и Нефтиды по их брату Уннеферу [Осирису, который, согласно Плутарху, был убит 17-го числа месяца Атхир] в Саисе, плач, который можно услышать до самого Абидоса.

10-е число месяца Хойяк: благоприятный, благоприятный, благоприятный. Тот, кто рожден в этот день, умрет с хлебом в руке, с пивом во рту, а его глаза будут смотреть на еду.

13-е число месяца Мекхир: неблагоприятный, неблагоприятный, неблагоприятный. Ни в коем случае не отправляйтесь в путь в этот день. Это день, в который глаз Секхет был ужасен, а поля были полны опустошения [44]. В этот день не пускайтесь в дорогу на закате.

Схожие предсказания были широко распространены до конца истории Египта, они свидетельствуют о широком распространении идей, на которых они были основаны. Так, Цицерон утверждает, что он родился, когда Сириус был восходящей звездой, и поэтому он был уверен, что утонет в море. А Плиний утверждает, что тот, кто натрет себя соком растения под названием сушеница топяная, не будет страдать от воспаления глаз весь год.

Многие другие народы придерживались похожих идей и верили, что, какое бы природное явление ни последовало за сверхъестественным событием, повторение одного всегда будет вызывать повторение другого, и, чтобы способствовать предсказаниям, основанным на этом допущении, были сделаны списки чудесных происшествий. Такие списки никогда не были найдены в долине Нила, но Мането, чьи взгляды были, по существу, египетскими, неоднократно упоминает о чудесах: о Ниле, по которому потек мед, о рождении восьминогого ягненка и т. п. Поэтому мы можем быть уверенными, что египтяне тоже верили в особое значение сверхъестественных или необычных явлений.

Но если все судьбы были таким образом определены, то не всегда они были совершенно неизбежны. Во-первых, могли вмешаться боги, чтобы избавить от скорбной участи некоторых людей по своему выбору или способствовать низвержению их врагов. И при помощи магии человек также мог контролировать судьбу. Теми же самыми средствами он также приобретал власть не только над своими согражданами, но и над мертвыми и даже над самими богами, невзирая на высоту их положения. Одним из главных направлений магии было умение насылать сны.

У всех народов сны играли большую роль, их калейдоскопические картинки казались реальными, а слова, услышанные в них, были будто бы сказаны в действительности. В случае таких религиозных людей, как египтяне, чьим главным интересом на протяжении жизни было поклонение богам, было только естественным, что в снах, как и при бодрствовании, они должны были стараться сохранить связь с высшими силами и верить в то, что они устанавливают личный контакт со своими богами и тем самым получают совет и ответ в затруднительной ситуации.

По мнению египтян, посланные богом сны могли прийти к человеку везде. Так, Тутмос IV проводил свой послеобеденный отдых после охоты на природе, когда к нему

явился Ра Гармакис и приказал ему расчистить от песка Великого Сфинкса, в тени которого тот спал. У нас также есть запись, сделанная почти на тысячу лет позднее, о том, как сон заблаговременно дал команду царю Эфиопии Нут Амону отправиться в Египет. Но чтобы обеспечить себе вещий сон, следовало поспать в храме, известном как место пребывания оракула, таком как храм Серписа в Мемфисе. Этот оракул часто упоминается в надписях эпохи Птолемеев, и до сих пор существуют записи, сделанные жившими там отшельниками, о снах, снизошедших на них. Как правило, эти сны могли быть истолкованы самими людьми, которые их видели, но иногда смысл был неясен, и за помощью обращались к профессиональным толкователям, упоминание о которых мы находим в Книге Бытия. К ним продолжали обращаться за помощью и в поздний период истории Египта, а на одной греческой стеле есть ссылка на одного из таких толкователей, который все еще пребывал в Серапеуме в Мемфисе. Вера в пророческие сны и в сны, из которых становилось известно лекарство от той или иной болезни, не ограничивалась Египтом. Она, например, бытовала в связи с храмом Асклепия в Эпидавре; но Египет был главным ее центром, и даже ближе к концу IV века н. э. поэт Клаудиан говорит о пророческих снах как «египетских».

Сны посылали боги людям по своему желанию как самое главное, о чем люди просили. Если это оказывалось бесполезным, за помощью можно было обратиться к магии и заставить богов послать не только такие сны, которые они могли санкционировать, но и определенные сны, по заявке просителя. Много указаний, как заставить богов сделать это, дошли до наших дней, и предлагаемое заклинание, найденное в греческом Гностическом папирусе из Лейденского музея, основано целиком на египетских представлениях, несмотря на свою сравнительно позднюю дату.

«СРЕДСТВО АГАТОКЛА ДЛЯ ВЫЗЫВАНИЯ СНОВ

Возьми абсолютно черную кошку, которая была убита; приготовь табличку для письма и напиши следующее заклинание раствором мирра, а также сон, который ты желаешь увидеть, и положи это в пасть кошке. [Текст, который следует написать, гласит:] Кейми, кейми, я – Великий, у меня во рту покоится Моммон, Тот, Нанумбр, Карикха, Кениро, Паармиатон, священный Иау ие иеу ауои, который находится выше небес, Амекхеумеу, Неннана, Сеннана, Абланатханалба, Акрам кхамария брасиуа лампсор еиееиеиеи аоего теурис о... Свяжись с Н.Н. в этом деле (что касается сути названного сна). Но если необходимо (?), обеспечь [приведи?] для меня сюда Н.Н. твоей властью; владыка всего мира, огненный бог, вступи в связь с Н.Н. Тартар тхамара тхатха моммом тханаботха апрану бамалея кхратхена басулет ромбру тхараел албана брокхрек абраназукхел! Внимай мне, так как я буду говорить великое имя, Тот! Которого каждый бог почитает и каждый демон страшится, по чьему приказу каждый посланец выполняет свое поручение. Твое имя отвечает семи гласным: а, е, э, и, о, у, йо, иауозеайо оуез йоиа. Я назвал твое прославленное имя, имя для всех надобностей. Вступи в связь с Н.Н., Тем, Кто Невидим, Богом, с уважением к этому имени, которое также использовал Аполлобекс».

Точно так же, как посредством этих слов маг мог заставить бога насладиться определенным сном на определенного человека, он мог вынудить его послать пророческий сон или получить для себя ответ на любой поставленный вопрос. Разница была лишь в немного другой формулировке, но все заклинания были очень похожи. Им предшествует краткое описание предварительных действий, и даются особые указания относительно материала, на котором должны быть написаны слова, нужно ли класть рукопись в какое-то конкретное место или уничтожить ее, или будет достаточно простого повторения слов. Затем следует само заклинание, которое, кроме предписания богу выполнить желаемое действие, содержит лишь просьбы, мольбы и требования. Обычно добавляется замечание, что это заклинание однажды было успешно применено богом, как в вышеприведенном

примере, где искомого бога называют Аполлобексом. «Аполлобекс» – это сложное слово, состоящее из греческого «Аполлон» (что соответствует у египтян солнечному Гору) и слога «бекс», который, возможно, произошел от египетского слова «бак» («ястреб»). Поэтому это имя обозначает Гора-ястреба, то есть сына Исиды в облике ястреба-перепелятника, который в других текстах фигурирует также как бог, хорошо разбирающийся в магии. В собственно заклинании есть несколько подлинных божественных имен, таких как Тот в вышеприведенном примере. Обычно оно содержит череду слогов, явно лишенных какого-либо смысла, но звучащих таинственно и непонятно. Подобно древним египтянам, гностики придавали большое значение таким комбинациям слогов, и они всегда пользовались благосклонностью магов. Череда слогов должна была донести скрытое имя бога, и после их произнесения бог обязан был выполнить волю мага, который с ним общался. Долгое время считалось, что знание этих основных имен принадлежало главным образом египтянам, и Синезий Киренский, живший около 400 г. н. э., замечает в одном из своих произведений, сочиненных им в бытность еще язычником, что он слышал, будто «египтяне умели применять определенный способ обращения к богам и определенное колдовство, и по своему желанию они бормотали несколько непонятных слов и привлекали к себе на помощь все божественные силы, которые, вероятно, должны следовать определенной схеме». И из-за частого общения со своими богами их внешний вид также был знаком египтянам.

Как бы бессмысленно ни звучали сейчас эти заклинания, изначально они были не лишены смысла; в основном они состояли из вариантов имен и титулов богов других народов. Такие специалисты по древней магии, как, например, Ориген, категорически утверждают, что считалось чрезвычайно важным обращаться к богу, называя его нужное имя. Так, слово «Саваоф», заимствованное из еврейского Священного Писания, считалось исключительно действенным. Но если его заменяли словами «Господь Силы» или «Господь Воинств», сила чар исчезала. Так что дело было не в смысле слов, а в их звучании, и любая попытка перевести их не только делала заклинание неэффективным, но и сопровождалась серьезной опасностью. Ведь в Египте, как и везде, считалось, что демоны повинуются командам мага только по принуждению и всегда ждут удобного случая, который может дать им шанс расправиться с ним. Так что в основном эта явная тарабарщина изначально что-то значила, хотя это и трудно доказать. Какой бы осторожной ни была попытка воспроизвести иностранные слова, она никогда не была вполне успешной, и по прошествии времени правильное произношение все больше и больше забывалось, так как произнесение неразборчивых звуков никак не могло быть точным, и копирование магических текстов, по-видимому, было особенно небрежным. Как пример такой фальсификации мы можем взять слово «Паармиатон». Это, несомненно, египетское слово, искаженное «па Гор м атху» («Гор в болоте»), общепринятое обозначение Гора, сына Исиды, который в годы своей юности жил в болотах дельты Нила.

Магия играла заметную роль в медицине египтян. Египтяне отличались успехами в медицине; их методы лечения были чисто эмпирическими, а лекарства весьма сомнительными, но опасность возникала главным образом из их абсолютной неспособности поставить диагноз по причине незнания анатомии. О том, что уважение к человеческому телу в народе было велико, мы можем сделать вывод на основе того факта, что парашистаи, которые вскрывали тело для бальзамирования, преследовались и побивались камнями, как совершившие грешные, хоть и необходимые действия. Предписанные действия при подготовке тела к бальзамированию никогда не нарушались, и они немного обучали анатомии, так что до эпохи греков у египтян были лишь самые несовершенные и неточные представления о человеческом организме. Они ничего не понимали в большинстве болезней внутренних органов, особенно в болезнях мозга, никогда не подозревали, что те являются результатом органических изменений, а полагали, что их вызывают демоны, которые вошли в больного. В таких обстоятельствах лекарства можно было использовать для того, чтобы исчезли симптомы заболевания, но лечение

состояло в изгнании демона. Поэтому египетский врач должен был также заниматься магией.

Согласно более поздним документам, врач выполнял сравнительно простые функции, так как человеческое тело было поделено на тридцать шесть частей, контроль над каждой из которых осуществлял определенный демон, и считалось достаточным заклинать демона больной части тела, чтобы она излечилась, – такая точка зрения была в корне египетской. В Книге мертвых мы обнаруживаем, что различные боги отвечали за благополучие тел блаженных. Так, бог Ну был ответствен за волосы, Ра – за лицо, Хатхор – за глаза, Апуат – за уши, Анубис – за губы, а Тот был хранителем всех частей тела вместе. Это учение впоследствии стало применяться к живому телу с той разницей, что великих богов, названных в Книге мертвых, заменили в качестве богов-целителей боги-кураторы тридцати шести частей египетского зодиака. Об этом мы узнаем по именам, данным им Цельсием и сохранившимся у Оригена. В более древние времена было не так легко определить, к какому богу следует обращать заклинания, так как выбор зависел не только от пораженной части тела, но и от болезни, и от симптомов, и от применяемого лечения, и т. д.

В нескольких египетских папирусах на медицинскую тематику, дошедших до наших дней, содержатся заклинания, которые следует произносить против демонов болезни, наряду с рецептами лекарств, которые следует использовать в указанных случаях болезни. В папирусах, относящихся к более древним датам, эти заклинания встречаются сравнительно редко, но чем больше развивалось или скорее регрессировало искусство врачевания, тем более многочисленными они становились. Возьмем, например, следующее заклинание, которое следует произносить в процессе приготовления определенных лекарств. Оно относится приблизительно к 1700 году до н. э. и взято из медицинского папируса, имеющегося в Лейпцигской коллекции. «Пусть Исида освободится, разрешится от бремени; Гор был рожден Исидой из всего зла, которое навлек на него его брат Сет, когда он убил его отца Осириса. О Исида, мастерица колдовать, избавь меня, освободи от всего плохого, злого, красного [45], от власти болезни, исходящей от бога или богини, от смерти мужской и женской, от чумы мужской и женской, которая овладела мной, точно так же, как ты освободилась, когда ты родила своего сына Гора! [Сделай это], потому что я вступаю в огонь и поднимаюсь из воды, и не попадаю в западню в этот день [т. е. потому, что я обладаю магической силой] и т. д. О, спаси меня от власти всего плохого, злого, красного, от власти болезни, исходящей от бога или богини, от смерти мужской и женской!»

Вышеприведенное заклинание могло быть использовано при приготовлении любого лекарства. Другие предназначались для применения при определенных болезнях. Так, при воспалениях применяли лекарство, смешанное с молоком женщины, родившей мальчика, и над ним следовало сказать: «О мой сын Гор! На холмах пожар; там нет воды, там никто не поможет; принеси воду разлившейся реки, чтобы погасить огонь». Эти слова ссылаются на миф о вселенском пожаре, о котором часто, но лишь случайно, упоминают тексты и о котором слышал даже Платон. И подобно тому, как Гор в таком случае погасил пламя, он должен был ослабить жжение от воспаления.

Возможно, даже правильным было погрозить богу, который отказал в своей помощи. Так, в одном заклинании рожаящая женщина объявляет себя Исидой и призывает себе на помощь богов. Если же те откажутся прийти, «тогда вы будете истреблены, вы, девять богов; небеса прекратят свое существование, земля прекратит свое существование, исчезнут пять дополнительных дней в году, богам, владыкам Гелиополя, больше не станут делать подношений. Небесный свод на юге рухнет, и с небес севера низвергнется бедствие. Из могил раздадутся стенания, полуденное солнце перестанет светить, Нил перестанет дарить свои воды, разливаясь в назначенное время». Такие заклинания использовались вплоть до времен римлян, и такие философы, как, например, Порфирий, все еще находили

случай высмеять самоуверенность магов, которые угрожали разрушить небеса и землю, если их воля не будет исполнена.

Рис. 51. Усыпальницы двух богов Кхунсу, между которыми находится царь. С Бекхтенской стелы

Не всегда было достаточно произнести заклинание один раз; даже их повторение могло не принести успеха, и в таком случае следовало прибегнуть к другим средствам: делали тайные пассы, исполняли различные обряды, на папирусе писали заклинания, который затем должен был проглотить больной, и т. д. и т. п. Но вообще, самыми действенными считались амулеты, и, если было необходимо, молитвами или колдовством призывали бога лично вмешаться. В надписи, изначально сделанной в честь бога Кхунсу из Фив около 1000 года до н. э., содержится история, которая показывает, как можно было осуществить такое исцеление посредством божественного прикосновения. Вот ее краткое содержание.

Однажды царь Египта отправился в Азию, чтобы получить дань. Князь Бекхтена подарил ему свою дочь, и царь полюбил ее и сделал ее своей женой. Много лет спустя, когда царь Египта уже возвратился и устроил в Фивах пир, туда прибыл посланец из Бекхтена, который сказал ему: «Я прибыл к тебе, о царь, мой господин, из-за твоей свояченицы Бентрешт, сестры твоей жены. Чума вошла в ее члены. Пусть твое величество пошлет ученого писца, чтобы он осмотрел ее». Царь отправил самого ученого царского писца Тотемхеба, но, когда тот прибыл в Бекхтен, он обнаружил, что Бентрешт одержима бесом, а он сам недостаточно силен, чтобы противостоять ему. Тогда князь Бекхтена снова послал гонца к фараону, который сказал: «О царь, мой господин! Пусть придет бог [бороться с бесом]!» И фараон отправился к Кхунсу, мирно покоящемуся в Фивах, и сказал: «О ты, мой прекрасный господин! Я снова пришел к тебе из-за дочери князя Бекхтена». Затем Кхунсу, мирно покоящегося в Фивах, доставили к Кхунсу – исполнителю планов, великому богу, который побеждает зло [т. е. вариант Кхунсу, известный как мирно покоящийся в Фивах, который всегда оставался в храме и который составлял планы, был доставлен к другому виду Кхунсу, который был известен как исполнитель планов и который осуществлял замыслы первого]. Царь сказал Кхунсу, мирно покоящемуся в Фивах: «Мой прекрасный господин! Обрати свой лик к Кхунсу – исполнителю планов, пусть он отправится в Бекхтен!» Бог дважды кивнул. Тогда царь сказал: «Пусть с ним будет твой талисман, когда я побуждаю его отправиться в Бекхтен спасти дочь князя Бекхтена». И Кхунсу, мирно покоящийся в Фивах, кивнул дважды. Он четырежды наделил Кхунсу – исполнителя планов своим амулетом.

Так фараон отправил бога в Бекхтен, где его торжественно встретили. Затем бог отправился туда, где находилась Бентрешт. Он вручил свой амулет дочери князя Бекхтена, и она немедленно выздоровела. Но бес, который в ней находился, сказал Кхунсу – исполнителю планов: «Приблизься с миром, ты, великий бог, побеждающий зло! Бекхтен твой город, его жители – твои рабы, я сам – твой слуга! Я уйду туда, откуда пришел, чтобы удовлетворить твое сердце в том деле, по поводу которого ты сюда явился. Но пусть твое величество прикажет, чтобы для меня и для князя Бекхтена был устроен пир». Тогда бог дважды поклонился своему жрецу, соглашаясь, и сказал: «Пусть князь Бекхтена сделает богатое пожертвование этому демону». Пока бог Кхунсу вел переговоры с демоном, князь

Бекхтена и его воины стояли рядом в великом страхе. Пожертвование было сделано, и демон ушел с миром туда, откуда пришел, повинувшись приказу бога Кхунсу – исполнителя планов.

Князь Бекхтена обрадовался и подумал, что было бы хорошо оставить в Бекхтене бога, который так проявил свою силу, чтобы в случае острой необходимости воспользоваться ею снова. И он удерживал его от возвращения в Фивы три года и девять месяцев. Но когда это время прошло, однажды, когда князь отдыхал на своем ложе, он увидел бога, вылетающего из часовни в виде золотого ястреба-перепелятника и исчезающего в небесной выси в направлении Египта. Проснувшись, он почувствовал себя нездоровым и позвал к себе жреца того бога и отправил его в Фивы с богатыми подарками. «Теперь, когда Кхунсу – исполнитель планов прибыл в храм Кхунсу, мирно покоящемуся в Фивах, он вручил ему подарки, которые получил от князя Бекхтена, и ничего не утаил из них для себя».

Магия была полезна не только в борьбе с болезнью, но и в борьбе с угрозами извне и несчастьями, а особенно в борьбе с опасными животными. Таких в Египте было много, и даже во времена Двенадцатой династии пастухи знали заклинания для отпугивания крокодилов, которые в ожидании лежали на мелководье, чтобы напасть на скот. Папирус с магическими заклинаниями из коллекции Харриса, который датируется эпохой Нового царства, также содержит заговоры, посредством которых люди могли защититься от земноводных животных. Нужно было всего лишь выкрикнуть: «Я – Избранный из миллионов, тот, кто идет из Дуата, чье имя неизвестно. Если мое имя произнести на берегу реки, река высыхает; если мое имя произнести на суше, она загорается. Я – Шу, образ Ра, который находится в его глазу (солнечный диск). Когда водяное чудовище открывает свою пасть, когда оно двигает лапами, тогда я вызываю на земле наводнение (?), юг становится севером, и земля переворачивается». Услышав эти слова, крокодил начинал думать, что говорящий – бог, которым тот себя объявил, и быстро нырял под воду. Крокодил особенно должен был трепетать перед богами и перед всем, что им принадлежит: он не мог напасть, например, на кого-либо, кто находится в папирусной лодке в дельте Нила, потому что Исида когда-то воспользовалась одной из них, когда оказалась там.

Еще больший страх, чем перед крокодилами, египтяне испытывали перед змеями, от которых им всегда угрожала внезапная смерть и от которых даже в мире ином исходила постоянная опасность. Заклинаний против змей было много, целый ряд таких заклинаний приведен в текстах из пирамид времен Шестой династии. Они в основном предназначались для применения в мире ином, но их можно было использовать и на земле. Человек должен был сказать: «Змея свивается кольцами, она обвивается вокруг ноги. О бегемот, который вышел из земного нома, ты съел то, что вышло из тебя! Змея, которая спускается, ляг, уходи! Бог Хен-пе-Сезет в воде; змея повержена, ты зришь бога Ра». Или еще: «Пади, тело, которое вышло из земли! Пламя, вышедшее из небесного океана, пади! Уходи!» Второе из этих двух заклинаний просто содержит заговор, чтобы заставить змею отступить, а первое полно мифологических ссылок, которые нам непонятны.

Заклинания от всех видов приносящих вред тварей, таких как скорпионы или бегемоты, можно поставить в один ряд с заклинаниями против крокодилов и змей. Некоторые из них могли даже поправить причиненный вред. Так, у нас есть заклинание, посредством которого Исида вернула своего сына Гора к жизни после того, как он был убит скорпионом. К нему прилагаются инструкции относительно того, каким образом следует использовать это заклинание для человека в подобной ситуации.

В потустороннем мире правильное знание магических слов и заклинаний было совершенно необходимо. Там ни одна дверь не открылась бы для того, кто не знает его названия; ни один демон не пропустил бы мертвого, который не зовет его должным образом; и ни один бог не пришел бы к нему на помощь, если его не называют правильным именем. Там невозможно было бы получить никакой пищи, пока не будут произнесены предписанные молитвы с верными интонациями. Но мертвец, который знал

эти заклинания и то, как их надо говорить правильно в нужный момент, тот, кто был маа кхеру, «правильно говорящим», мог быть уверенным в обретении бессмертия и вечного блаженства. Поэтому к именам мертвых – и иногда даже к именам живых людей – добавлялся эпитет, чтобы охарактеризовать их как правильно подготовленных и совершенных для вступления в вечность, чтобы там они имели власть как над богами, так и над людьми [46]. Число магических заклинаний было несметным, и оно все увеличивалось, так как мир иной изображался как более сложный и лучший, и такова была их сила, что они неизбежно заставляли демонов помогать тем, кто их знал. При произнесении слов: «О дверь! Я знаю твое имя, оно такое-то» – дверь немедленно распахивалась. Точно так же было с каждым божеством: едва только усопший произносил тайное имя бога, как тот сразу же был к услугам того, кто его вызвал и которому он был обязан помогать, используя всю свою власть и положение. Твердая вера египтян в действенность заклинаний и магии в мире ином не допускала никаких сомнений в возможности заниматься там колдовством. Колдуны пользовались большим спросом, они прекрасно знали, как укрепить веру своих клиентов демонстрацией магических трюков: в Библии есть ссылка на действия такого рода, которые совершались перед фараоном в противовес Моисею и Аарону.

До настоящего момента мы рассматривали магию египтян только, как мы можем назвать ее, с хорошей стороны: с точки зрения помощи человеку в жизни, в болезни, в беде, а также после смерти. Но гораздо больше боялись вреда, который она могла причинить человеку, чем надеялись на какое-то мнимое добро. Сила колдуна была огромной. Так, в рассказе о Сетне времен Птолемеев упоминаются два заклинания, и «если человек прочтет первое, он заколдует небеса, землю, подземное царство, горы и воды; он будет знать птиц небесных и всех рептилий; он будет видеть рыб глубинных, так как божественная сила заставит их подняться на поверхность воды. А если человек прочтет второе заклинание, то хотя он и лежал бы в могиле, он снова обретет вид, который у него был на земле; он увидит бога солнца, поднимающегося на небо, и его божественное окружение; он увидит появление бога луны в его истинном обличье». На самом деле было нелегко овладеть такими заклинаниями; те, что были упомянуты выше, лежали в золотом ларце, который находился в серебряном ларце, а тот – в ларце из слоновой кости и эбенового дерева, тот – в деревянном ларце, который, в свою очередь, лежал в бронзовом ларце, а последний – в железном. Вокруг него кольцами обвилась змея, укус которой был смертелен, и прежде чем человек мог завладеть заклинаниями, ему нужно было справиться с массой змей, скорпионов и всевозможных ползучих тварей. Но, как показывает рассказ о Сетне, это не считалось непреодолимым препятствием; и если овладение заклинаниями довело Сетну до беды, то это случилось не из-за их внутренней природы, а потому, что он был виноват в том, что сеял зло, и это отдало его во власть духов, которые, как он полагал, были ему подвластны.

Согласно текстам, египетские маги были виновны в том, что обращали свое умение во вред своим соотечественникам. Рассказывается о человеке, который был приговорен к смерти за попытку с помощью магии причинить зло самому фараону, а в папирусах мы неоднократно встречаем примеры вредоносных заклинаний. Насылание снов, как это было описано выше, могло быть средством вызывания самых неприятных последствий. Но что еще хуже, при помощи сложных ритуалов можно было на расстоянии заставить женщину так сильно влюбиться, что она не могла ни есть, ни пить, ни сидеть, ни думать о чем-либо, пока она не придет к мужчине, которого полюбила. Любовные заговоры были знакомы многим народам. В своей второй идиллии Теокрит дает чрезвычайно поэтическое описание того, как такое колдовство осуществлялось эллинами во времена Александра. Во времена римлян считалось необходимым официально запрещать его. Павел-правовед постановил, что любой человек, виновный в даче приворотного зелья, должен отсылаться на рудники, если он принадлежит к низшим сословиям, а если он принадлежит к высшим слоям общества, его следовало сослать на остров в качестве предостережения другим. Но

если человек тем самым вызвал смерть мужчины или женщины, его следовало казнить. В Средние века вера в любовные чары, привороты и приворотные зелья также была очень распространена. И все же именно египтянам принадлежит сомнительная честь быть первыми, кто систематически применял это на практике.

Магия могла вызвать не только очень неприятные последствия, но и смерть: есть ряд инструкций, как наказать своего врага ознобом и лихорадкой – возможно, малярией, – так чтобы довести его до гибели. В другом месте рассказывается о том, как человека можно довести до смерти от бессонницы, и много других рассказов подобного рода. Какими бы нелепыми могут показаться притязания колдунов, многие свято верили в них, а страх перед колдунами и колдовством был огромен. В Египте магические учения были не просто широко распространенными суевериями – они были частью религии этой страны, которая во многом основывалась на магии и всегда была тесно связана с ней.

Глава 11 АМУЛЕТЫ

В египетских текстах всех периодов амулеты и их использование занимают видное место. На изображениях различных сцен показано, что их держат в руках или носят на теле и люди различных сословий, и даже боги; и как предметы древней культуры Египта они имеются в немалом количестве. Некоторые из этих предметов считались амулетами просто по причине их идеографического значения как иероглифы. Другие были тесно связаны с учениями, иногда объясняющими форму амулетов, а иногда представляющими виды веры, в других отношениях редко упоминаемые в текстах, но которые тем не менее, должно быть, существовали везде, судя как по распространенности самих амулетов, так и по частым ссылкам на них. Любое описание религии египтян поэтому должно обязательно содержать небольшой рассказ об этих предметах.

1. Самый распространенный и значительный из египетских амулетов имеет форму скарабея. Обычно его делают со сложенными крыльями

но в более поздние времена его также стали изображать в виде жука с раскрытыми крыльями

Это насекомое, *Ateuchus sacer*, обычно встречается в странах Средиземноморья, и особенно в Египте. Женская особь *Ateuchus* откладывает яйца в комочек навоза, катает его в пыли, делает его гладким и круглым, так что он остается влажным и служит пищей для ее потомства; в конце концов она помещает его в отверстие, которое выкапывает в земле, и засыпает его землей. Это не ускользнуло от внимания египтян, хотя они и не поняли этих действий, так как научные знания в области естественной истории были очень незначительны у всех народов древности. Египтянин считал, что скарабей – особь мужского пола, что он сам рождается заново из яйца, которое он сам сделал в одиночку, и таким образом он живет вечно. Схожей с этой была идея о возрождении феникса из собственного пепла; и точно так же, как феникс впоследствии стал символом человеческого бессмертия, то же произошло и со скарабеем: скарабей выходил воскресший из своего яйца, и точно так же человеческая душа, т. е. ба, выходила из своей мумии в новую жизнь и, крылатая, как скарабей, летела вверх к небу и солнцу.

Так скарабей стал символом воскресения, подобно бабочкам и цветам в более поздние времена. Но в использовании такого символизма египтян укрепляла их преданность словесным выражениям их собственного языка. Египетское название этого жука было кхепер, слово, которое также означает становиться, появиться на свет; поэтому изображение скарабея стало идеографическим символом этого глагола, особенно когда он использовался в смысле обновленной жизни после смерти. Египтяне верили, что для человека, похороненного со скарабеем, это бессмертие было уже в какой-то степени обеспечено или, по крайней мере, богов можно было заставить даровать его.

Помимо того что они были гарантами бессмертия, скарабеи служили и второй цели, которая была общей с целью другой группы амулетов, состоящей из обычных изображений кувшина, в который обычно клали сердце умершего человека, когда его вынимали при бальзамировании

Но так как сердце для египтянина быломестилищем жизни, было очевидно, что, по утверждению многих религиозных текстов, не может быть никакого воскрешения мертвеца, у которого нет сердца. Отсюда постепенно сформировалось отдельное учение о роли, которую играло сердце в мире ином, и как его владелец может его обрести вновь. Согласно этому учению, после смерти сердце существует независимо, путешествуя в одиночку по подземному царству, пока не встретится с усопшим в Зале Суда.

Учение было само по себе простым, но для египтянина оно представляло большую сложность, ведь подразумевалось, что в течение времени между смертью и судом Осирис был без сердца и тем не менее он был живым. Поэтому была придумана уловка: на это время мумию снабжали временным сердцем при помощи каменного или глиняного амулета с надписью либо в виде сердца, либо в виде большого скарабея – оба они были залогом бессмертия. Надпись на этих скарабеях говорила о значимости сердца; в ней усопший выражал желание, чтобы его сердце оставалось с ним, когда он примет иной облик в подземном царстве, чтобы оно не свидетельствовало против него в Зале Суда, а сыграло свою роль в столь важный момент в сцене взвешивания. Ведь сердце, как он настойчиво утверждает, является определенной индивидуальностью внутри него: это бог-создатель Кхнум, который укрепляет и делает здоровыми его члены. Оно также самостоятельно способно найти свой собственный путь и открыть дорогу к богам как для усопшего, так и для его имени. В заключение усопший предполагает, что его желания уже удовлетворены; его сердце было к нему благосклонно, суд прошел успешно, и он живет, т. е. объявили, что он достоин бессмертия.

Это заклинание и пояснительные тексты к нему учат интересной вещи: грешит не сердце, а лишь его плотская оболочка. Сердце было и осталось чистым и в Подземном царстве обвиняло свою земную оболочку в моральной нечистоплотности. Только если последняя оказалась чиста, оно возвращалось на свое место; в противном случае оно, вероятно, обреталось в отдельном месте под названием Обитель Сердец и таким образом обрекало своего бывшего владельца на лишение жизни. Подобно всем амулетам, сердце-скарабей имело лишь временную силу; как только суд состоялся, оно было бессильно предотвратить уничтожение.

2. Обычно у любой тщательно погребенной мумии находят один или два амулета в форме узла

сделанные из золота, красного камня или глазурованной керамики; такой амулет называется тет. Согласно текстам, которые иногда на них нанесены, этот амулет символизирует кровь Исиды. Вместе с ее заклинаниями и заговорами он защищает умершего и уничтожает все, что может причинить ему вред. Если такой предмет клали в могилу к человеку, он давал ему возможность стать одним из слуг Осириса; для него открывались двери подземного царства и дороги небесные и земные, а в Полях Аалу ему предоставляли поле. Этот амулет был особенно действенным, когда его делали из сердолика и вешали на шею усопшего. Но, судя по различным положениям, в которых такой амулет находят на мумиях, никакого особенного значения ему не придавалось.

3. В качестве амулета находят знак

Он тоже представляет собой узел. Так как название этого узла было анкхи означало жизнь, то его изображение служило идеограммой этого слова. У него нет ничего общего с крестом; название стух ansata имеет к его происхождению или к его сущности не большее отношение, чем бесчисленные гипотезы относительно его скрытого значения, которые выдвигались до расшифровки иероглифов и даже в настоящее время.

Этот знак помещали в руки богов и царей, чтобы показать, что они живут. А в некоторых случаях их изображают с этим знаком, который они используют, чтобы, по выражению египтян, «дать жизнь», прикасаясь этим символом ко рту человека, которого они наделяют своим даром. В очень древние времена анкху приписывали самостоятельное существование; существует надпись на алтаре, посвященная царю Шестой династии Пепи [47], которая называет анкхи символ стабильности (дед), а также радость, день, год и вечность сущностями, которые должны получать божественные почести. В изображенных сценах мы также можем найти подобие графической персонификации этого знака, снабженного руками и ногами.

Рис. 52. Персонифицированный анкх. Храм Кхунсу, Карнак. Двадцатая династия

4. Амулет дед

был во многом неправильно понят. Его принимали за алтарь, состоящий из четырех частей, за стойку, на которую скульпторы клали свои инструменты, за изображение вселенной с четырьмя наложенными один на другой мирами, за ствол дерева без ветвей и особенно за нилометр. Но ни одна из этих версий не была доказана. Надписи показывают, что сами египтяне считали это символом хребта Осириса, той частью его тела, которая хранилась как священная реликвия в городе Бусирисе в Нижнем Египте. Хребет дает стабильность и устойчивость; восстановление хребта Осириса было одной из самых важных функций при реставрации его тела после его расчленения. Это событие ежегодно праздновали в Бусирисе 30-го числа месяца Хойяк, в конце той части года египтян, которая была посвящена празднествам в честь Осириса. Это празднование сопровождалось необычными ритуалами. Например, жрецы различных храмов дрались друг с другом на кулаках и с дубинами. Вероятно, это был тот же самый праздник, который, по описанию Геродота, праздновали в Папремисе, другом городе в дельте Нила. Он должен был показывать, как когда-то сторонники Сета противились восстановлению тела Осириса.

Амулет дед был напоминанием о воскрешении Осириса, и в силу его имени приобрел дальнейшее значение. Дед означает прочный, устойчивый, и это качество или условие было очень желательно для усопших в Египте. Этому амулету посвящена глава 155 Книги мертвых. Дано изображение этого символа, и умерший говорит: «Твоя спина [хребет] –

твоя, ты тот, у которого сердце недвижно [Осирис]; оно даруется в твоей обители. Я даю тебе необходимую влагу (му). Я приношу тебе дед, и ты ему рад. Эти слова следует сказать над позолоченным амулетом дедом, сделанным из сердцевины смоковницы и повешенным на шею прославленного. Затем он должен войти в двери Дуата. Это должно быть сделано в его месте в день, когда начинается год сторонников Осириса [т. е. в первый день новой жизни бога]. Если человек знает эту главу, он безупречный прославленный в Подземном царстве, которого не должны повернуть назад у ворот Аменти, которому следует дать хлеб, лепешки, мясо на алтари Ра [вариант: алтари Осириса Добродетельного]; правильны его слова [усопшего] (маа кхеру) против его врагов в Подземном мире, они по-настоящему мудры». Как показывает текст, этот амулет также обеспечивал усопшему вход в Подземное царство, и его было достаточно, чтобы снабдить его там необходимой пищей. Однако египтяне считали более разумным не доверять лишь одному амулету, а полагали, что лучше быть похороненным со многими амулетами, чтобы в случае если один потерпит неудачу в достижении своей цели, его место могли бы занять другие.

5. Папирусный столбик

как амулет имел свое значение исключительно благодаря своему идеографическому смыслу: он назывался уаз, что означало «быть зеленым», «давать побеги, расти». Здесь, как и во многих других языках, метафора, возникшая из растительной жизни, оказалась перенесенной на жизнь души. На одном барельефе эпохи Птолемеев можно увидеть растения, растущие из тела Осириса; это есть олицетворение новой жизни усопшего, развившейся из его собственного тела: «зеленеть» становится перефразированием «воскрешения». Этому амулету была посвящена глава 159 Книги мертвых, и ее нужно было произнести над его небольшой моделью из полевого шпата, на котором были написаны эти слова и который следовало повесить на шею усопшего. Они начинаются с обращения: «О ты, которая выходит в этот день из дома бога, великая мастерица говорить сильные магические заклинания, которая проходит через врата дворца и завладевает магическими заклинаниями своего отца!» Оно, очевидно, является намеком на легенду о Ра и Исида и на магическую силу, которую Исида вероломно получила от него.

6. Амулет узекх

должен был обеспечить свободу движений после смерти. Слово узекх означает быть широким; оно специально используется в связи с заклинанием «Твои ноги широки» [48] (т. е. ты свободно двигаешься). Это качество символизировал амулет, который представлял собой золотое ожерелье, надетое на шею прославленного. Согласно главе 158 Книги мертвых, на нем должны быть написаны слова: «Мой отец, мой брат, моя мать и ты, Исида, я освободился из своей оболочки мумии и вижу. Я один из тех, кто освободился от своей оболочки мумии и может увидеть бога Себа». Как и в большинстве похожих на этот египетских текстов, усопший предполагает, что его молитва исполнена, так как иначе и быть не могло, если он правильно произнес нужное заклинание.

7. Амулет, представляющий собой человеческий глаз с линиями и завитками вокруг него, у египтян назывался уза-т. Одни также амулеты изображали правый

а другие левый глаз

бога Ра. Но так как правый глаз символизировал солнце, а левый – луну, Ра в этой связи считался скорее богом небесных тел, дающих свет, чем только богом солнца. Глаз дня обычно называли глазом Гора; он считался источником всего хорошего и доброго. Будто бы от него произошли многие полезные и приятные продукты, такие как вино, масло и мед, и стали неразрывно связаны с ним; иногда говорили, что они произошли из его слез. Глаз дня, а также глаз ночи постоянно находились под угрозой нападения Сета, а во время солнечного или лунного затмения, казалось, они были им побеждены. Но в конце концов глаз выходил победителем, и поэтому усопших помещали под его защиту в надежде на то, что они тоже одержат победу над силами тьмы и смерти. Кроме того, слово уза означает процветающий, здоровый, и как идеограмма этот амулет также имел это значение. Его привязывали к костяшкам пальцев, надевали на шею или грудь мумии или помещали в брюшную полость. Материал, из которого он должен был быть изготовлен, не указан, и находят такие амулеты, сделанные из золота, лазурита, полевого шпата, дерева и глазурованной керамики; после скарабея это самый распространенный египетский амулет.

8. Существовал набор амулетов, который был связан с несколькими другими образами: они представляли собой знаки отличия царской власти, особенно царской власти Осириса. На первом месте стоял нет

красная корона Нижнего Египта; хез

белая корона Верхнего Египта, и пшент

который объединял в себе их обеих, если фараон объявлял себя правителем всей страны. На втором месте стояли скипетры: амулет, изображавший царский скипетр ус

который давал власть над небом и землей; хек

пастуший посох, который также использовался как идеограмма слова хек –править; и неххекх

плеть. Хеки неххекхсимволизировали двойную власть царя: сдерживание и обуздание и побуждение к развитию. Эти и другие похожие амулеты давали усопшему для того, чтобы он не просто продолжал вести ту же самую жизнь, которая у него была в этом мире, но чтобы он стал Осирисом, правителем Подземного царства. Поэтому в его руку вкладывали необходимые символы его власти, и присущее им магическое действие было дальнейшей гарантией того, что он обязательно достигнет власти, которую они олицетворяли.

9. Амулет

представляет собой так называемый патрон или царский овал, который заключал в себе имена царей и царей богов, так что даже в письменном виде такие имена должны были быть явно различимы. Этот амулет символизировал имя усопшего, так как египтяне считали имя не только частью человека, но и частью его бессмертного «я»: ни один человек не мог жить без имени. Поэтому самым главным желанием человека было, чтобы его имя могло жить, ведь если его имя продолжало жить, то тот, которого оно обозначало, также будет продолжать жить. Это было главной целью старательного повторения имени усопшего в надписях на стенах храмов, на стелах и других памятниках: чтобы его могли произнести прочитавшие его люди и тем самым сделать его живым. Даже во времена пирамид заклинание было сложным и сохранилось в обиходе до конца истории Египта; оно обязывало богов сделать так, чтобы имя усопшего процветало. Но также было необходимо защищать имя, так как знание настоящего имени какого-либо человека означало быть хозяином его владельца и его сил. Не было никакого риска, если имя оказывалось написанным на чем-то священном само по себе, так как священность предмета также защищала имя. Но если оно было написано на чем-то не столь защищенном, как амулет, о котором идет речь, то тот, кто овладевал последним, получал и власть над именем, и, следовательно, над владельцем имени. Так, большинство этих амулетов не носили на себе надписей: пока на них нет ничего, что можно было бы украсть, демону не было никакой корысти завладеть ими. Эта теория об именах, однако, не оставалась в силе на протяжении всего времени существования монархии в Египте. При Аменхотепе III, например, имена свободно надписывали на этих талисманах.

10. Амулет менат

вешали на шею и носили свисающим на спину. Он служил чем-то вроде противовеса ожерелью. Его носили определенные богини, а также Птах. Он служил как символической, так и практической цели; образ менатарассеивал тревогу так же, как образ и звучание систра вызывали в сердце умиротворение и радость. Он также был символом божественной защиты, и мы видим, что в таком качестве богини дарят его царю. В таком же качестве его клали в могилу умершего, особенно в саисский период. Обычно его делали из глазурованной керамики.

11. Здесь следует упомянуть и вкратце описать следующие амулеты. Их широкое распространение свидетельствует о большом пиетете, с которым к ним относились, но их точное значение не определено. Редко встречающиеся амулеты мы рассматривать не будем.

нефер, изначально изображает сердце и трахею; в более поздние времена его, по-видимому, принимали за струнный инструмент. Он является идеограммой слова «красивый, хороший», а как амулет он должен был обеспечивать эти качества умершему.

сам, означает союз. Этот амулет должен был обеспечивать союз с землей и традиционными похоронами, а также союз с богами – пантеистический культ.

нех, изображение прямого угла. По-видимому, согласно своему фонетическому звучанию, этот знак имеет значение защита, т. е. божественная защита души.

кхекх, секхекх, изображает уровень, у которого, однако, обычно отсутствует отвес. Он символизирует справедливость и умеренность, на которые надеялся усопший.

кху, изображение восходящего солнца на холмистом горизонте и символ бога Ра Гармакиса. Усопшему, которого снабдили таким амулетом, был гарантирован союз с солнцем; он мог подниматься вместе с солнцем по утрам и погружаться вместе с ним на отдых ночью: короче, он становился вроде бога в мире ином.

12. Фигурки богов или изображения их знаков отличия клали умершим в гроб, их во множестве находят в египетских гробницах. Обычно они сделаны из глазурованной керамики и снабжены кольцом для подвешивания. Ожерелья из таких предметов или в сочетании с другими амулетами вешали на шею мумиям. Взяв с собой фигурку какого-либо бога, усопший помещал себя под особую защиту того бога, который будет помогать ему согласно своей власти в мире ином: Осирис будет поддерживать его на Последнем Суде; Исида и Нефтида будут произносить сильные заклинания, когда станут петь его погребальную песнь; Кхнум будет помогать ему создавать его новое тело и т. д. Чем больше и разнообразнее было число таких фигурок, которые человек брал с собой в мир иной, тем более уверенным он мог быть в том, что там, где власть одного бога, его защитника и помощника, закончится, она будет дополнена властью другого бога.

Той же цели могли служить рисованные изображения искомых богов на материале, которым окутывали мумию, или на поверхности гроба. Считалось, что и рисунки, и фигурки богов должны были превратиться в настоящих богов, которые в Подземном

царстве спешили к услугам усопшего, как только он призывал их при помощи надлежащих заклинаний.

13. Другие вещи, положенные вместе с мертвым в гроб, могли точно так же превратиться в соответствующие реалии в потустороннем мире: эта уловка сильно уменьшала стоимость похорон. Такими предметами были, во-первых, крохотные модели полезных вещей, таких как похожее на рубашку одеяние, украшенное по низу бахромой

они обычно делались из камня.

Рис. 53. Гипоцефал в Британском музее. Рисунок У.Г. Райлендса

Также были каменные или глиняные образцы печатей

и подставок под голову

которые древний египтянин, как и современный суданец, помещал себе под голову, чтобы сохранить прическу во время сна, а еще модели различных инструментов и т. д. Точно так же была символически представлена пища – этот обычай упоминает Геродот, когда рассказывает о том, как бедные египтяне во время праздника полной луны делали из теста поросенка, чтобы он занял место настоящего поросенка в качестве приношения. Погребальные приношения делались часто, но не из скоропортящегося хлеба, а из камня или из глазурованной керамики, и посредством магических заклинаний они порождали пищу, изображениями которой они были, по желанию усопшего. Этот процесс мог пойти так далеко, что, например, не только один бык, а тысячи быков могли быть созданы из одного-единственного изображения. Обычно изображения быков, предназначенных на бойню, делали из красной глины. Также были крошечные модели различных видов фруктов и множество буханок хлеба

Эти так называемые погребальные конусы были предметом многих ложных объяснений. Они почти все без исключения сделаны из необожженной глины; имя усопшего, для которого они были предназначены, было написано на их плоском основании, чтобы предотвратить незаконное присвоение этих запасов. И были модели сосудов

для воды из Нила, которые сохраняли ее свежей и прохладной, и многие другие вещи подобного рода. Иногда несколько подношений соединялись вместе в виде небольшого алтаря, нагруженного продуктами питания для усопшего. Один из таких небольших алтарей, который в настоящее время является собственностью автора книги, едва достигает ширины 3/8 дюйма и длины 5/8 дюйма; на нем два сосуда для воды, четыре буханки хлеба различной формы и два фрукта. Другие похожие алтари демонстрируют еще большее богатство.

14. Наконец, есть амулет, который в корне отличается от всего, что мы до сих пор рассматривали. Он называется гипоцефал [49], потому что обычно его находят под головой мумии. Гипоцефал обычно представляет собой диск из загипсованного холста, иногда он бывает сделан из бронзы. Одна его сторона чиста, но верхняя сторона, на которой покоится голова, покрыта изображениями фигур и надписями, которые, по-видимому, не были строго регламентированы, а очень различались в деталях в зависимости от вкуса исполнителя. Однако в целом содержание текстов во многом одинаково, и описание гипоцефала, изображенного на прилагающейся иллюстрации, может дать общее представление обо всех предметах подобного рода. Вот оно.

Строка надписи, опоясывающей диск, гласит: «О ты, святилище в Хат бенбен, Возвышенное, Возвышенное! Прославленное, Прославленное! Муж [своей матери], великий, живой Бог! Бог над богами, приди к Осирису Гору [имя владельца этого гипоцефала], маа кхеру. Даруй ему тепло под его головой, так как он один из твоих последователей». Центральная полоса с фигурами пересекает поле диска; в центре на корточках сидит бог с четырьмя бараньими головами, две из которых смотрят в одну сторону, а две – в другую, сверху надета корона. Это бог Амон; четыре бараньих головы символизируют четыре ветра и показывают, что он владыка ветров и четырех сторон света. По обеим сторонам от него стоят по три бабуина, каждый с солнечным диском на голове. Это духи Востока и Запада, захода и восхода, выражающие свое почтение Амону, который также является Амоном Ра, богом солнца.

Непосредственно над фигурой Амона расположена фигура бога с двумя человеческими головами, одна из которых повернута направо, а другая – налево. Это тоже Амон, шагающий с Запада на Восток, освещающий все вокруг и взирающий на весь мир. На голове у него плюмаж Амона, солнечный диск и обычные бараньи рога. Из каждого плеча у него растет голова шакала, что является эмблемой двух ипостасей Анубиса как открывающего дорогу на север и открывающего дорогу на юг, а на скипетре бог несет Анубиса в виде шакала как своего проводника. Справа от него есть надпись: «Ты [Амон] пребываешь в восьми душах своих богов», т. е. ты появляешься во всех божественных проявлениях, которые ты оживляешь. Под этой надписью на своем корабле сидит бог солнца Ра в образе ястреба-перепелятника с распростертыми крыльями. По другую сторону от Амона расположены два корабля, нарисованные один над другим. Посреди верхнего корабля изображена сидящая высоко душа (ба) усопшего, имя Исиды написано с одной ее стороны, а имя Нефтиды – с другой: это намек на умершего как на Осириса, оплаканного и охраняемого двумя богинями-сестрами. На одном конце нижнего корабля на корточках сидит бог Ра с головой ястреба; на противоположном конце написано слово ба(душа усопшего); между ними изображен скарабей, идущий к Ра. Это означает: душа усопшего в образе скарабея, бога Кхепера, подходит к солнцу, чтобы слиться с ним и всей вселенной.

Если перевернуть диск, с другой стороны центральной полосы, ниже надписи, упоминающей разлив Нила, можно увидеть сцену, посреди которой находится корова. Это **Мехурт**, или корова Хатхор, из лона которой, как говорится в одном очень древнем тексте,

вышло солнце вчерашнего дня; другие надписи подразумевают не солнце предыдущего дня, а ночное солнце, которое родилось вечером того же дня, потому что эта корова была одним из обитателей западного небосклона. Мехурт, или, точнее, порожденное ею узат, – это солнце или луна, и поэтому позади коровы нарисована женская фигура с глазом узатвместо головы. Перед коровой стоят четыре погребальных духа, которые отвечают за внутренности усопшего, в то время как позади фигуры с глазом узатвместо головы изображена сцена поклонения. На ней изображен бог-змея с фаллосом, руками и ногами, космическое божество **Нехемка**, который поклоняется крылатому богу, сидящему на троне в короне в виде солнечного диска с плетью в руке. Здесь подразумевается Амон Мин, т. е. Амон как бог-прародитель.

Основная идея этих сцен и надписей несет в себе пантеизм: они изображают веру во всеохватывающую силу природы, особенно проявляющуюся в солнце. Это божество породило богов, которые стали его олицетворением. Это была сила, которая защищала усопших, и они надеялись соединиться с ней. Тем не менее этот универсальный бог обитал в Гелиополе, в святилище храма солнца, и поэтому это учение следует отслеживать там. Однако идеи, возникшие в Гелиополе, нашли свое отражение на гипоцефале не как признание веры со стороны его владельца, а лишь потому, что он надеялся побудить Амона Ра в его пантеистической форме даровать ему тепло, необходимое даже мертвым. Тексты, которые самым ясным образом излагают эту пантеистическую тенденцию, выраженную главным образом в поздних египетских текстах, можно найти на стенах храма в Эль-Каргехе, который был построен в период правления персов. Здесь мы имеем длинный гимн, вложенный в уста восьми богов, которых ошибочно принимали за богов стихий. Именно из этого гимна взяты следующие отрывки:

«Боги приветствуют его величество своего господина, который проявляется во всем сущем и чье имя есть во всем, как в горах, так и в реке. Амон есть во всем. Это почитаемый бог был с самого начала, земля была создана по его плану; он Птах, величайший из богов. ...Над его головой небесный свод, твою тайну хранит вода. Все существа восхваляют тебя, когда ты заходишь вечером в подземное царство [Дуат]. Ты пробуждаешь Осириса сиянием своих лучей. Те, которые покоятся в своих могилах, приветствуют тебя. ...Ты господин, твоя власть. Владыка небес, земля подвластна твоей воле. Боги в твоей руке, и род человеческий лежит у твоих ног. Какой бог равен тебе? Земля Мемфиса открывается тебе как Птаху; как Амон ты поставил свой трон в Анкхтауи [Мемфис]. Твоя душа поддерживает оба неба. В путь отправляется сначала твой лик; ты сияешь как Амон, Ра и Птах... Шу, Тефнут, Нут и Кхунсу – формы твоего проявления в твоём святилище под ипостасями Мина, который в вышине поднимает свои перья... Ты Птах, ты появляешься как Нил. Ты стар и молод. Ты даешь жизнь земле своим разливом; ты небеса, ты земля; ты Дуат, ты воздух и все то, что в них есть».

Такие представления о том, что бог входит во все сущее или, точнее, все сущее входит в бога, были очень древними в Египте: в текстах из пирамид мы находим те же самые идеи, примененные к обожествленным мертвым и детально изложенные очень грубыми конкретными выражениями. В них мы читаем, что «небо плачет, лучники [созвездия] исчезают, кости хранителя богов дрожат, а их подданные спасаются бегством, когда они видят умершего царя, душа которого появляется в виде бога, питающегося за счет своих отцов и кормящего своих матерей. Он властелин магической мудрости, имя которого не знает его собственная мать». Он пожирает людей и питается богами, на которых он охотится с помощью нескольких демонов; он поедает их магические заклинания и поглощает их магическую силу. Великие боги идут ему на завтрак, средние боги – на полуденный прием пищи, мелкие – на ужин. Древних богов мужского и женского пола он использует в своей печи, т. е. в качестве топлива. Он съедает корону Верхнего и Нижнего Египта, чтобы стать господином всей страны.

Эти пантеистические взгляды нашли свое место в Книге мертвых. Глава 162, «Глава о даровании тепла под голову прославленного», посвящена гипоцефалу и характеризуется длинными пассажами, по смыслу схожими с тем, что был приведен выше.

«Привет тебе, могучий лев [священное животное Ра], Прославленный, с двумя перьями, Обладатель Короны, тот, в чьих руках плетть. Ты владыка мужской зрелости, растущей в сияющих лучах, великолепию которых нет границ. Ты владыка многих ярких разноцветных форм, заключающий их в себе в своем узат[солнце] для своих детей [человечество]. Ты защищаешь тех, которые отделены от Эннеады богов [вероятно, это существа Подземного мира]. Ты скороход, шагающий далеко вперед. Ты бог спасения, который приходит к тому, кто зовет его; ты спасаешь несчастного от руки его угнетателя.

Приди по моему зову. Я корова [Мехурт]. Твое имя на моих устах; я произнесу его: твое имя Пенхахахахер, твое имя Аулауакресаанк-Лебати, твое имя Кхаибмау-серау[тень льва барана], твое имя Кхалсата.

Я восхваляю твое имя, я корова. Выслушай мою молитву в этот день; дай тепло под голову Ра. Защити его в Дуате, возродив его в Гелиополе. Пусть он будет как тот, кто на земле. Он твоя душа. Не забывай его имя.

Приди к Осирису такому-то. Даруй ему тепло под голову. О! он душа великого мертвеца, который покоился в Гелиополе (Ра), Сияющий, Тот, который прекрасно выглядит, Великий – вот его имя. Барекататхауаего имя. Приди! Сделай так, чтобы он стал одним из твоих слуг. О! он это ты.

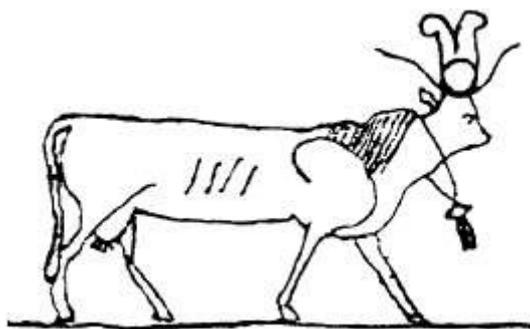
[Это] слова для молодой коровы, сделанной из прекрасного золота и повешенной на шею прославленного; они написаны на новом листе папируса, который покоится под его головой. Поэтому во всех его членах тепло, как это было на земле. Это великий талисман, который был сделан коровой для ее сына Ра на его закате. Тогда его трон окружили его друзья, чтобы защитить его от огня (?); он возродился в Подземном царстве, ни одна дверь не осталась для него закрытой в Дуате [это было неизбежно для того, кто носил на себе этот амулет].

Слова, которые ты должен сказать, когда ты вешаешь эту богиню [корову] на шею прославленного: «О Невидимый среди людей, Амон, который обитает на небесах, обрати свой лик на труп твоего сына [усопшего]; верни его к жизни в Подземном мире».

Эта книга – великая тайна. Пусть ничей глаз ее не видит. Грех – ее знать, прятать, делать; это книга Госпожи храма [коровы], имя которой сокрыто».

В Лейденском тексте есть приложение, написанное коровой (Исидой, которую отождествляли с коровой Мехурт) для ее сына Гора, которое заканчивается просьбой: «О Осирис, и вы, жители подземного царства, защитите Осириса такого-то, пусть его благополучие будет вашим благополучием и наоборот!»

Из этого текста явствует, что смешение мифа о Ра с мифом об Осирисе было полным. Амона, который есть Ра, призывают на помощь к мертвому, потому что этот бог также испытал смерть. Эту же самую просьбу раньше адресовали Осирису. Точно так же, как и в культуре Осириса, считалось, что самые могущественные амулеты сначала доказали свою действенность в случае с самим Осирисом; полагали, что гипоцефал впервые был использован для мертвого Ра.

Лейденский текст и дальше связывает гипоцефала с мифом об Осирисе, утверждая, что этот амулет был использован Исидой для Гора, который в более поздних версиях этого мифа появляется как умерший бог, возвращенный к жизни. Невзирая на базисный пантеизм этого заклинания, в нем много следов усилий, направленных на то, чтобы оберегать определенные индивидуальности и судьбы различных богов от слияния их в универсальном божестве. С этой целью боги толкуются как эквиваленты этого божества, которое лишено своей всеохватывающей сущности и которое изображается в виде человека, чтобы ему также можно было приписать какую-то историю жизни. Таким образом, вышеприведенный текст является интересным примером нелепостей, в которые неминуемо впутывались египтяне всякий раз, когда они пытались выразить глубокую философскую мысль словами своей религии. Это было неизбежно: не желая отказываться ни от одного пункта своей древней веры, они неизменно стремились учесть каждую отдельную ее черту, и в возникающих в результате этого нелепостях лежали зародыши упадка и гибели государственной религии. Думающий египтянин, возможно, признавал эти нелепости; вероятно, он признавался самому себе, что боги, которым его учили поклоняться, никоим образом не могли сосуществовать; возможно, он знал, что его религия была ненастоящая.

Когда христианские проповедники пришли в долину Нила, люди, очевидно, отказались от своей языческой веры, в общем, без борьбы. До III века н. э. древние боги упоминались на стенах храмов и в надписях. Но они были официальными документами языческой власти: для народа – а особенно для высших слоев общества – их боги уже лишились своей привлекательности. В течение нескольких десятилетий христианские учения проникли глубоко в сознание народа. Из всех переводов книг Библии перевод на коптский язык является самым древним. Коптский язык, на котором говорили в стране с I века н. э., был дочерним языком древнеегипетского. Коптская версия была не ученой книгой, предназначенной лишь для ограниченного круга приверженцев новой веры; это было широко распространенное произведение, вышедшее почти одновременно на различных диалектах Египта. Полные бесстрашия, которое давала им вера, христиане в Египте выдержали бурю преследований, разразившуюся над ними при Диоклетиане, и с горячим рвением приняли участие в жестокой борьбе, связанной с догматами веры, которая раздирала христианский мир в IV веке. Полностью изолированная строгой приверженностью учению, Коптская церковь и по сей день стоит отдельно от остального христианства.

ПРИМЕЧАНИЕ

1

Этот суффикс женского рода, который часто составляет часть имен египетских богинь, предположительно звучал как «ит». В более поздние времена произношение звука «т» утратилось, и такие имена богинь произносились, по свидетельству греческой транскрипции, как Исида, Атхири, Ануки и т. д.

2

Согласно замечательному мифу о происхождении мира, в начале творения, после того как небо и земля поднялись из первозданных вод, Ра из своего тела, без помощи какой-либо богини, произвел на свет своих детей Шу и Тефнут. От Шу и Тефнут родились Себ и Нут, а от них – Осирис, Геркент-ан-ма, который здесь появляется вместо Ароэриса, Сет, Исида и Нефтис. Этот рассказ наиболее полно представлен в папирусе, датированном 306 – 305 гг. до н. э., но на него ссылаются тексты времен Древнего царства и начала Нового царства.

3

Здесь имеется в виду бог Шу; его часто изображают стоящим на носу солнечного корабля, вооруженного копьем и готового поразить врагов бога солнца.

4

Метафора происходит из истории о самосожжении феникса в Гелиополе на усыпанном фимиамом погребальном костре.

5

Сокарис – часть преисподней.

6

Выражение, обозначающее здесь яд, причиной которого была Исида.

7

См.: Бругш. *Aeg. Zeitschrift*. 1891. С. 31; однако его перевод названия этого растения может быть принят лишь в качестве гипотезы.

8

На празднике Хатхор напиток лился рекой, и все вокруг были пьяны; надписи упоминают даже о некоем празднике, известном как Праздник Пьяных, который проводился в ее честь в Дендере в месяц Тота.

9

Сравните эту широко распространенную в Египте формулу, использованную после упоминания царя, со словами «в здравии и богатстве да пребывает долго» из «Молитвы за монарха».

10

В прочтении это имя обозначает бога Гора как ястреба-перепелятника.

11

В этом случае очевидно, что Ра должен жить на земле, а не на солнце.

12

Эти месениу являются, во-первых, кузнецами, а во-вторых, вооруженными спутниками Гора.

13

Во время своей экспедиции Гор должным образом использовал магические заклинания, которые содержались в этой книге, и поэтому одержал победу.

14

Т. е. город двух братьев-близнецов Гора и Сета, потому что таковы родственные отношения, приписываемые этим богам в мифе, на который мы находим частые ссылки.

15

Атер – линейная мера длины; в аналогичном тексте утверждается, что эта часть горизонта имела длину 309 атеру и ширину 120 атеру.

16

Урнес, разумеется, никак не связана с греческим Ураном.

17

Корона Верхнего и Нижнего Египта, которую позднее стали называть пшент.

18

Высокая шапка с парой рогов и парой перьев.

19

Этот скипетр имеет следующую форму: и к нему прикреплена плеть.

20

Этот не очень вразумительный отрывок имеет отношение к змею Апопу и, похоже, к мифу, согласно которому Ра пронзил это чудовище копьем и таким образом заставил его исторгнуть из себя жертву, которую тот проглотил.

21

Т. е. «Невозможно в достаточной мере воздать тебе хвалу», в знак поклонения в Египте вздымали вверх руки.

22

Это слово изображается символами быка, осла, свиньи и овцы.

23

Т. е. поклонение, распростертое положение, буквально – «нюхать землю»; так египтяне выражают глубокое благоговение.

24

Буквально – великая зелень, так часто называли Средиземное море, но также и другие большие водные пространства.

25

Ссылка на случай, когда, согласно легенде, Ра вынес окончательный приговор в Гелиополе в споре между близнецами-соперниками Гором и Сетом.

26

Бабуины, которые воздают хвалу Ра.

27

Ссылка на змея Апопа, который был побежден, но не уничтожен, повержен в сражении лишь на один день только для того, чтобы повторить свое нападение на солнце на следующий день.

28

Так называли змею урей, которую царь носил на своем челе.

29

Вавилон – крепость напротив Мемфиса на восточном берегу Нила.

30

То есть «нюхают землю».

31

Очевидно, это один из титулов Амона.

32

Здесь, как и везде, солнце рассматривается как глаз бога.

33

Традиционное завершение египетских текстов, соответствующее средневековому «благополучно завершено».

34

Мое внимание привлекло то, что в гробнице Сети I Амон раскрашен зеленым цветом. Точный цвет, которым раскрашивали богов на памятниках, в настоящее время очень мало изучен, и это была бы полезная тема для исследования для того, кто находится непосредственно на месте изучения, в Египте. Это привело бы к интересным результатам, что касается сущности некоторых богов.

35

Это имя, которое почти неизменно пишется при помощи идеограммы, было прочтено египтологами как Кхем или Амси, а также как Мин. Варианты, данные греками, предлагают правильное произношение – Мин.

36

Цари Эфиопии в 800 – 700 гг. до н. э. говорят о горе Джебель-Баркал как о «священной горе», но неясно, считалась ли эта гора священной сама по себе или только из-за храма, вырубленного в скале у ее основания.

37

Очень редко пальму заменяет смоковница богини Нут, как на барельефе из гробницы Наай, который в настоящее время находится в Музее Египта в Берлине.

38

Это утверждение применимо, конечно, только к храмам, в которых, согласно воззрениям египтян, должен был обитать верховный бог, а не к храмам, посвященным той же самой форме проявления того же бога, но только иногда посещаемым им. В таких храмах должно было находиться изображение бога, которое должно было представлять его

в промежутках между визитами. Так, например, в Фивах Амон Ра из огромного Карнакского храма, воплощенный в баране, мог пребывать только в своем собственном храме. Все другие храмы этого города, посвященные ему, могли иметь только его символ, которым обычно оказывалась его статуя.

39

Однако такие изображения иногда встречаются. Например, на барельефе во Флоренции изображен царь Хоремхеб, сосущий коровье вымя, а корова – олицетворение богини Хатхор. Есть похожая сцена в храме Хатхор в Дейр-эль-Бахри.

40

Иногда рождение богов из окружения Осириса ставят не в «эпагоменальные» дни, и, вообще говоря, датирование мифологических событий в Древнем Египте было очень неточным.

41

Поклонение звездам в строгом смысле этого слова было чрезвычайно редким в Египте; на памятниках есть лишь два упоминания о нем, и оба они датируются временем Девятнадцатой династии.

42

Правильным переводом этих имен является, вероятно, Тот или Луна – родила (ребенка), вкладывая смысл, аналогичный имени Рамсеса-Рам-мес-су, Его родил бог Солнца.

43

Но иногда существовала практика, когда мумии хранились в доступных для посещения помещениях над землей.

44

Очевидно, это ссылка на легенду об уничтожении человечества.

45

Красный цвет был цветом Сета; красные предметы были эквивалентом дурного, вредного, губительного.

46

Иногда кажется, будто египтяне использовали эпитет маа кхеру в более скрытом смысле. Так, он применяется в отношении человека, который, как объявил бог, говорит правильно (является маа кхеру), и поэтому он достоин бессмертия, как, например, во время суда Осириса.

47

В настоящее время находится в Турине. Не так давно была сделана попытка показать, что немалый ряд памятников с надписями, содержащими имена монархов Древнего царства, включая этот памятник, являются подделками конца Нового царства. Должен признаться, что в гораздо большем количестве примеров эта попытка, как мне кажется, провалилась. В случае с этим алтарем, по-видимому, нет разумной причины, по которой какой-то египтянин вдруг взял на себя труд подделать либо сам алтарь с именем царя, либо список богов.

48

Имя первого судьи в Зале Осириса; «Тот, чьи ноги широки, идет из Гелиополя».

49

Можно отметить, что религия мормонов в значительной степени базируется на причудливом толковании такого гипоцефала.